9

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- РАСПРАВА НАД ЮРИЕМ ШИХАНОВИЧЕМ
- ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ В ЭФИОПИИ
- СОВЕТСКИЕ КОКОСОВЫЕ ОРЕХИ
- ЗА ОДНОГО БИТОВА ДВУХ НЕБИТЫХ ДАЮТ
- ЕЩЕ ПОЛЬША НЕ ПОГИБЛА
- ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАСТ РАПО
- ЯРЕМ ОН БАРЩИНЫ СТАРИННОЙ ПОДРЯДОМ БРИГАДНЫМ ЗАМЕНИЛ
- Е2 — Е4
- ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО РОССИЙСКОМУ МОНТЕСКЬЕ
- В ГРЯДУЩЕМ, А ЕЩЕ ЛУЧШЕ — НИКОГДА
- ЧУЖИХ ПЕВЦОВ БЛУЖДАЮЩИЕ СНЫ
- ЖИВОЙ И МЕРТВЫЙ СИМОНОВ
- СУДЬБА ТУЗЕМЦЕВ САХАЛИНА
- ПАМЯТИ КАРЛА ПРОФФЕРА

1984

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучиньский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), А.Мильман (Тель-Авив), П.Брукингс (Гонконг), П.Ростин (Рабат). Цена одного номера 6 нем. марок, стоимость годовой подписки 60 нем. марок (25 ам.долларов). Журнал доставляется подписчикам обычной почтой бесплатно; доставка авиапочтой – за дополнительную плату (10 долл. в США, Канаде и Израиле, 20 долл. в Австралии и Новой Зеландии). Подписная плата принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 5 нем.марок). Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник 1
Вести из СССР 14

Т.Бур-Коморовский. Гибель Варшавы. Окончание 19
М.Колодзей. Польская трагедия в смене времен 32
С.М. "Правда" о Варшавском восстании 35
Из газет: 45 лет назад 40

Р.Бахт. Чужое и свое 41
Д.Шляпентох. А вы, друзья, как ни садитесь... 46
Из газет 51

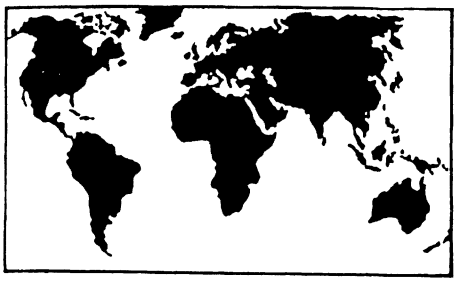
Н.Котон. Вторая шахматная держава 52

А.Янов. Похвальное слово разуму 54
Б.Гройс. Неотрадиционализм — советская идеологическая мода 63
Г.Померанц. Три измерения духа 70
Л.Друскин. Две чаши 87
Между прочим 95

Карл Проффер (1938 — 1984) 96

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.
Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99.
Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР



ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

В политике ни в чем нельзя быть уверенным до конца. Президент США Рональд Рейган принадлежит к числу государственных деятелей, чья философия весьма проста; ее можно изложить, не вдаваясь в высокие материи. Бывший киноактер выступил в роли трубадура нескольких элементарных идей. Он сумел вернуть чувство собственного достоинства нации, которой пришлось пережить за последние годы немало унижений, – достаточно назвать хотя бы неудачную войну во Вьетнаме и Уотергейтский скандал. Менее всего президент Рейган склонен злоупотреблять своей властью, и в то же время ему удалось убедить своих соотечественников в том, что мощь Америки возродилась в полной мере.

Во внешней политике и прежде всего в отношениях с коммунистическим лагерем позиция Рейгана была все эти годы достаточно четкой и недвусмысленной. Волей-неволей приходится упомянуть в этой связи о скандале, который разразился из-за того, что во время пробы голоса по радио президент отдал приказ об уничтожении Советской России. Не выдала ли эта шутка дурного вкуса, вызвавшая справедливые нарекания, тайные мысли президента? Если такое объяснение правильно, то, право же, трудно чувствовать себя спокойным, зная, что руководитель самой мощной державы мира мечтает уничтожить соперничающую с ней страну. Однако можно ли считать психоанализ, по крайней мере, применительно к данному случаю, точной наукой? Слава Богу, нет. Как бы то ни было, не приходится сомневаться в том, что репутация президента в большой мере основана на его непреклонной воле бороться с "империей зла".

Между тем как раз в тот самый момент, когда взаимное отчуждение Вашингтона и Москвы достигло чуть ли не предела, неожиданно появились признаки оттепели. В Москве вечно угрюмый Громыко дал понять urbi et orbi, что он надеется во время предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН встретиться с президентом США. В свою очередь Рейган в Вашингтоне объявил о своем решении увеличить поставки зерна Советскому Союзу.

Ничего необъяснимого в этом нет. И, конечно, объявленные решения никоим образом не означают начала весны. Из того, что Громыко повидается с Рейганом, не следует, что Кремль намерен зарыть топор холодной войны. Просто советское руководство отдает себе отчет в том, что Рейган скорее всего будет переизбран. Значит, он еще четыре года просидит в кресле президента, и нужно поддержать хотя бы видимость диалога с человеком, который вновь и надолго будет облечен столь высокой властью. Тем более, что Рейган явно чувствует за собой поддержку, в частности, благодаря блестящей победе, которую одержали на выборах консерваторы в Канаде. Новый глава правительства в Оттаве Б.Малруни, судя по всему, занимает несколько более центристскую позицию, чем Рейган. Но, по-видимому, он полон решимости развивать сотрудничество между двумя государствами Северной Америки, тогда как во время долгого правления Трюдо либералы, сошедшие сейчас на обочину, пытались играть роль посредников между Москвой и Вашингтоном.

Что касается Рейгана, то он считает, что в его нынешнем положении претендента на повторное президентство он обязан показать, что он

способен быть гибким политиком. Пока что, правда, соперничество кандидата от демократической партии не представляло для Рейгана серьезной опасности. Все пробные опросы показали, что он намного обогнал колесницу конкурента. У Рейгана есть крупный козырь: во время его президентства произошел подъем национальной экономики. Вдобавок, как уже сказано, он вернул американцам чувство уверенности в себе. До сих пор его твердость приносила желаемые плоды. Но куда может в конце концов завести такой жесткий курс? Этот вопрос задают себе многие избиратели. Отношения с СССР начали ухудшаться уже при Картере, однако Рейган намного сильней своего предшественника ощутил опасность существования "империи зла". Изучить эту империю, бороться с ней, используя ее слабости, – вот задача, которую он поставил. И теперь многие начинают бояться, как бы эта необходимая твердость не перешла в неуступчивость, которая в свою очередь может привести к непоправимым последствиям. Таковы опасения, которые широко распространяют в народе противники президента из демократической партии. В самом деле, Рейгана никогда не считали "человеком мира".

Сам-то он уверен, что это суждение несправедливо. Но одного внутреннего убеждения недостаточно. Нужно представить ясные доказательства того, что он, Рейган, знает, как уменьшить напряженность. Увеличить продажу пшеницы Советскому Союзу было тем более необходимо, что это прямо соответствует интересам определенной части избирателей. Фермеры – отнюдь не большинство населения Штатов, тем не менее их голоса имеют немалую ценность. В массе своей американские фермеры настроены антикоммунистически, но им нужно сбывать свою продукцию. Четыре года тому назад они были очень недовольны президентом Картером, когда он наказал Советский Союз за вторжение в Афганистан, сократив поставки зерна.

Необходимо подчеркнуть, что администрация Рейгана сумела выработать гораздо более разностороннее представление о противоположном лагере, чем то, которое было прежде. Четыре года назад существовала привычка валить в одну кучу и без разбора отвергать все, на чем стоял ярлык "коммунизм". Теперь не то. Показателем сложности оценок могут служить, например, события в Восточной Германии. Желание Хонеккера посетить Бонн, а затем его отказ дали серьезный повод к тому, чтобы пересмотреть шаблонные представления о взаимоотношениях между Восточным Берлином и Москвой.

В привычной, и прежде казавшейся однородной, картине коммунистического лагеря теперь различают неравноценные компоненты. Во-первых, государство, сказавшее "нет" Сталину, – Югославия, которую часто вообще не считают членом этого лагеря. Далее мы видим на этой картине Румынию, внутренний режим которой отвратителен, но которая во внешней политике старается быть до некоторой степени независимой: так, она была единственной восточноевропейской страной, пославшей своих спортсменов на Олимпийские игры в Лос-Анджелес. Далее следует выделить Венгрию и Польшу, которые не раз, хоть и с различной степенью успеха, показывали свое тяготение к демократизации. И наконец, верные и непреклонные союзники, твердые во внутренней политике и шагающие в одной шеренге с Москвой на внешнеполитической арене: Чехословакия (если забыть эпизод 1968–69 гг.), болгары и восточные немцы.

И вот теперь ГДР. Казалось бы, что такое восточногерманская компартия без Советского Союза? Нуль. Ни разу руководители ГДР не пытались противоречить Москве, проявить хоть как-нибудь свою самостоятельность. И всякий раз, когда в той или другой стране восточного блока появлялись реформистские тенденции, ГДР была самой решительной и непоколебимой их противницей, всегда требовала восстановить коммунистическое правоверие во всей его чистоте и твердокаменности.

Но внешность обманчива. Восточную Германию, конечно, не назовешь цветущей страной, но среди коммунистических стран она все-таки самая богатая. Это внушает ей сознание своего превосходства. Вдобавок она убедилась, что можно немало получать от щедрот несравненно более развитой и богатой Западной Германии, от презренных капиталистов. Таким образом, мало-помалу в результате восточной политики ФРГ и общей разрядки установилось плодотворное сотрудничество между двумя братьями-врагами.

Фактическое разделение Германии получило юридическую санкцию, когда возникла Федера-

тивная Республика, а немного позже – ГДР. Федеративная Республика, прежде всего именно потому, что она федеративная, считает, что она призвана объединить когда-нибудь всех немцев. Москва рассматривает эту позицию как "реваншистскую". Нужно, однако, заметить, что задача объединения – это лишь некий идеал, а отнюдь не цель, которую преследуют с фанатической решимостью.

В свое время разделение Германии было предметом многих любопытных дискуссий на Западе. Одни говорили: нужно прочно связать Федеративную Республику со свободным миром. Нужно включить ее в Атлантическое сообщество, дабы укрепить его перед лицом Востока и упрочить молодую боннскую демократию. Противники же вхождения Германии в НАТО возражали: если мы впустим в наши ряды Германию, она будет единственной среди нас страной с территориальными притязаниями. Чего доброго, она еще втянет своих союзников в новую войну. Вот почему ее надо держать подальше от НАТО. Наконец, выдвигался и такой вариант: переговоры с Москвой, воссоединение Германии (ликвидация коммунистической ГДР) и взамен – гарантии нейтралитета нового немецкого государства.

Спор этот звучит сейчас анахронизмом. Историки могли бы напомнить, что Германия как единое государство существовала всего 75 лет; что Австрия, принадлежность которой к германскому миру не подлежит сомнению, лишь на короткое время (1938–1945) была включена в состав рейха, да и то насильственно; что, учитывая все эти обстоятельства, разделение Германии на Восточную и Западную – вовсе не такой уж нонсенс, как это казалось многим после войны. Политические обозреватели могли бы добавить к этому, что ни одно правительство в Бонне никогда не заявляло, что оно собирается "захватить" Восточную Германию и что Хонеккер, со своей стороны, с момента прихода к власти постоянно делал акцент на все более углубляющемся разделении Германии на две половины. Но как только это разделение стало необратимым фактом, тот же Хонеккер пожелал извлечь выгоду из сотрудничества с Федеративной Республикой.

Перспективы этого сотрудничества в самом деле соблазнительны. В последние годы ГДР предприняла шаги, благоприятствующие воссоединению семей. Она позволила эмигрировать некоторым из своих граждан, у которых есть родственники, постоянно живущие на Западе. При условии, правда, что эти счастливцы, покидающие страну, не трудоспособные граждане, а потребители-пенсионеры. Сделка – другого слова не подберешь – выгодна для ГДР, ибо за каждого человека, которому разрешают переехать, Федеративная Республика платит своей дорогостоящей валютой. Таким образом, экспорт людей стал немаловажной статьей внешней торговли ГДР. В этом году сотрудничество обоих государств возросло. Легко понять, что оно вызвало беспокойство Советского Союза. Ведь все эти торги ведут к сближению двух половин Германии, а в перспективе – к их объединению. Воссоединение Германии – с точки зрения Москвы самое страшное, что может случиться в Европе. Кроме того, Кремлю пришлость дать понять Хонеккеру, что надо бы наказать западных немцев за то, что они согласились разместить американские ракеты на своей территории. Вот так и получилось, что руководителю ГДР в сентябре ничего не оставалось как подыскать первый попавшийся предлог, чтобы не ехать в Бонн. Но и этот демарш не убедил западных союзников, в частности американское правительство, что руководители ГДР всего лишь послушные марионетки в руках Советского Союза. Скорее на Западе задают себе вопрос, не лучше ли было бы выявить и использовать противоречия между Москвой и ее сателлитами, в том числе теми, которые слыли за самых раболепных.

Конечно, не следует преувеличивать возможности такого использования. События последних тридцати лет показывают, что нет оснований рассчитывать на существенные перемены в коммунистическом мире на европейской периферии советской империи. У чехов в 1968 г. и даже еще в начале 1969 г. было что-то вроде демократии. Москва не могла этого допустить и придушила ее. По той же причине лопнула и польская демократия. До тех пор, покуда перемены не затронут ядро системы, то есть Советский Союз, народы "народных демократий" не могут надеяться на сколько-нибудь существенное улучшение. Вот почему, между прочим, многие венгры довольны уже тем, что у них есть: при нынешнем положении в социалистическом лагере едва ли их ждет что-нибудь лучшее, чем то, что подарил им Кадар. ●

Г.Ферон

ПОЛЬША ПОСЛЕ АМНИСТИИ

Большинство поляков встретили объявленную в июле амнистию положительно, может быть, даже слишком положительно. Они надеялись, что амнистия возвестит какие-то, пусть пока неопределенные, изменения в политике властей. Но власти с самого начала заявили, что надеяться на это не следует.

Амнистия, по их мнению, должна была лишь продемонстрировать, что режим, контролирующий положение в стране, может позволить себе "великодушие" и что политическая нормализация действительно произошла.

Однако амнистия все же изменила политическую атмосферу в стране.

Нельзя исключить, что Ярузельский и его окружение решением об амнистии навлекли на себя недовольство Москвы и самых "твердолобых" в руководстве ПОРП. Конечно, освобождение политзаключенных – это не внезапный порыв великодушия властей в отношении своих противников, но его нельзя объяснить и якобы безвыходным положением руководства Ярузельского. Скорее всего амнистия была результатом политического расчета: освобождение политзаключенных могло принести большую пользу, чем дальнейшее содержание их в тюрьме.

Неизвестно, улучшила ли амнистия отношение общественного мнения к власти. Судя по подпольной прессе, амнистия вообще не изменила мнения поляков о режиме Ярузельского. Однако подпольная пресса не всегда дает правильное представление о реакции общества. Тон в ней задают люди, больше других находящиеся в конфликте с властями. Они склонны расценивать положительные шаги режима как признак слабости, как подтверждение необходимости продолжать давление на него. Однако так называемый простой человек может думать и по-другому.

Не вполне ясно пока и то, как повлияет амнистия на деятельность подпольной "Солидарности" и политической оппозиции, а также на готовность поляков помогать им.

В интервью подпольному журналу "Тыгодник Мазовше" Збигнев Буяк выразил некоторые опасения по этому поводу. Однако судя по реакции амнистированных, тревога была необоснованной. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что число тех, кто решил выйти из подполья очень незначительно.

Однако освобождение политзаключенных сразу же улучшило отношение к режиму Ярузельского со стороны западных правительств и позволило ослабить изоляцию Польши. Правда, за последние два месяца положительный эффект амнистии несколько ослаб. В этом сыграли свою роль аресты Фрасынюка и Пиниора, а также намерение властей ввести закон о выдворении из Польши руководителей оппозиции.

Тем не менее, продолжаются переговоры об отсрочке погашения кредитов, полученных Польшей от западных банков, которые, возможно, вскоре закончатся достижением договоренности. Удалось преодолеть сопротивление США вступлению Польши в Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития. Решений на сей счет пока не принято, но это лишь дело времени. В Варшаве, правда, ожидали большего – полной ликвидации экономических санкций и новых правительственных кредитов. Об этом свидетельствуют довольно острые заявления польского правительства в связи со сдержанной реакцией Соединенных Штатов на амнистию.

Если говорить о "Солидарности" и оппозиционном движении вообще, то амнистия, изменив психологический климат в стране, улучшила их перспективы. Для многих поляков оппозиционная деятельность стала образом жизни – привлекательным, но и небезопасным. Освобождение политзаключенных вызвало чувство уменьшения угрозы. Сообщения из варшавского подполья свидетельствуют, что "ослабление напряженности" продолжается. Этот новый психологический климат может укрепить волю людей к продолжению и даже расширению оппозиционной деятельности.

Долго ли будет продолжаться это ослабление

напряженности? Никто на этот вопрос ответить не может, но есть основания надеяться на лучшее. Власти, решив объявить амнистию и ожидая от нее политической и экономической выгоды, в определенной степени связали себе руки, особенно когда речь идет о репрессиях против оппозиции. Два месяца, прошедшие после 22 июля, подтверждают это предположение. Несмотря на продолжающуюся активность подполья, деятельность милиции теперь намного ослабла. Количество новых арестов уменьшилось.

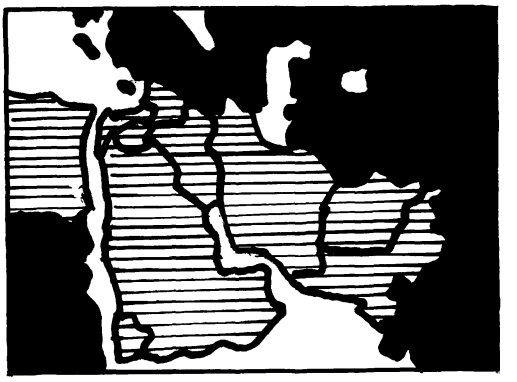
При этом рассчитывать на полный отказ властей от репрессий не приходится. Оппозиция, несмотря на некоторое ослабление нажима на нее, продолжает находиться в трудном положении, и пока не видно хотя бы даже отдаленной перспективы ее легализации.

Создала ли амнистия хотя бы какие-то предпосылки для политического разрешения спора между "Солидарностью" и оппозицией, с одной стороны, и властью, с другой? Пока ни та, ни другая сторона, за исключением отдельных лиц, не имеющих особого влияния в правительстве или в окружении Леха Валенсы, психологически не готова к этому. Еще очень свежа память о времени, когда "Солидарность" действовала легально, и о военном положении. Не способствует разрешению спора и возросшая напряженность между СССР и Западом.

По моему мнению, любой реальный компромисс должен основываться на отказе оппозиционного движения от действий, ведущих к дестабилизации в стране, и от усиления пропагандистской перепалки с властями. Власти со своей стороны должны отказаться от политики уничтожения оппозиционного движения. Сейчас возникла возможность создания коллективного представительства "Солидарности" во главе с Лехом Валенсой. Неизвестно, конечно, не среагируют ли на это власти немедленным усилением репрессий. Однако реакция властей будет зависеть от состава новой Координационной комиссии и от ее поведения. Шансы на открытую деятельность, не говоря уже о легализации, будет иметь группа, которая сумеет признать изменившееся соотношение сил в стране и вести себя так, чтобы не поставить власти перед необходимостью нанести новый удар. Если бы удалось создать такой "заменитель" Координационной комиссии во главе с Л.Валенсой, к чему призвал В.Фрасынюк сразу после своего освобождения, и если бы такой "заменитель" заручился поддержкой со стороны широких кругов "Солидарности", тогда, возможно, открылся бы путь к самороспуску подпольного руководства "Солидарности" и Временной координационной комиссии. Но это дело довольно отдаленного будущего.

Лех Валенса, Временная координационная комиссия и оппозиционная пресса на первый план выдвигают требование введения профсоюзного плюрализма в Польше. Хотя сейчас это требование не имеет реальных шансов на успех, вопрос этот должен оставаться в повестке дня. Если возникшее ослабление напряженности в стране будет продолжаться, то, может быть, через какое-то время откроются более реальные перспективы для его разрешения. ●

В.Кучиньский



ИЗРАИЛЬ: ПРАВИТЕЛЬСТВО НОЕВА КОВЧЕГА

13 сентября Кнесету было представлено новое правительство Израиля – самое многочисленное в истории существования государства (25 министров) и весьма необычное по составу: в нем сотрудничают сторонники двух враждующих политических партий.

Дело в том, что результаты выборов 23 июля оказались неожиданными для лидеров обоих партийных блоков. Вопреки предсказаниям о решительной победе Маараха, основанным на опросах общественного мнения, выборы закончились практически вничью: группировка правых Ликуд – получила 41 голос (вместо 44 в 1981 г.), рабочая партия Маарах – 44 (47 в

1981 г.). Голоса, утраченные большими партиями, отошли к малым. Из 26 мелких партий, участвовавших в выборах, 15 сумели провести своих представителей в парламент. Голоса арабов и друзов достались главным образом новой арабско-еврейской партии крайне левого направления (так называемый Прогрессивный список), которая, кстати, успешно конкурировала на выборах с израильской коммунистической партией, за что удостоилась порицания Москвы.

Почему же не оправдались прогнозы? Нужно сказать, что лидерам рабочей партии сильно повредила их уверенность в грядущей победе. Предвыборная кампания была сдержанной, даже анемичной. Маарах недостаточно заострил внимание избирателей на провале экономической политики правительства Ликуда (темп инфляции в Израиле достигает сейчас 400% в год). Выдвинутая Маарахом программа практически мало отличалась от мероприятий Ликуда и не воспринималась избирателями как серьезная альтернатива.

Настойчивое требование Маараха провести выборы как можно скорее, чтобы решить, наконец, давно назревшие проблемы, тоже сыграло с рабочей партией злую шутку. Назначив выборы в июле, в разгар туристического сезона, а не в сентябре, как предлагал Ицхак Шамир, партия лишилась голосов избирателей, отдыхающих за границей, и уже это стоило ей, по приблизительным оценкам, не меньше трех мест в Кнесете.

Итоги голосования показали, что верность израильских избирателей своим партиям сильнее их способности правильно оценивать создавшееся положение и воспринимать новые политические взгляды. Ни уход Менахема Бегина, пользовавшегося особой популярностью у населения, ни всеобщее недовольство ситуацией в Ливане не подорвали позиций Ликуда среди его сторонников; по крайней мере те, кто был разочарован политикой правительства, не голосовали за его оппонентов. Объяснением этому служит отчасти этнический состав израильского общества. Выходцы из стран Северной Африки и Азии голосовали в большинстве своем за Ликуд, иммигранты из Европы и Америки – за Маарах; арабское население отдало свои голоса главным образом за коммунистов и Прогрессивный список. Эти результаты лишний раз подчеркнули тенденцию израильского общества к поляризации под влиянием национальных и социальных противоречий.

Сложившееся после выборов положение не позволило ни одному из крупных партийных блоков, опираясь на маленькие партии, составить в Кнесете большинство, то есть получить хотя бы 61 мандат. Пришлось забыть предвыборные распри и сесть за стол переговоров. К удивлению очень многих, правительство национального единства таки было образовано. При этом бывшие союзники и той и другой стороны оказались за бортом. Впервые в израильской государственной практике будет применен принцип ротации: первые 25 месяцев правительство будет возглавлять Шимон Перес (Маарах), а Ицхак Шамир (Ликуд) займет на это время пост министра иностранных дел, в следующие же 25 месяцев лидеры поменяются ролями. Ни одна из сторон не имеет в правительстве численного перевеса. В некоторых министерствах (финансов, экономики) введена так называемая параллельная ответственность, то есть назначено по министру от каждой партии. В других случаях соблюдается правило: министр от одной партии уравновешивается заместителем от другой. Все важнейшие решения будут приниматься узким кабинетом из восьми министров, по четыре от каждого блока. В случае разногласий вопросы будут передаваться на рассмотрение полного состава правительства либо откладываться.

На практике принцип равновесия, возможно, приведет к параличу в рассмотрении многих вопросов. С другой стороны, лишь коалиционное правительство может позволить себе предпринять непопулярные меры для оздоровления экономики, такие как введение новых налогов, сокращение затрат из государственного бюджета, отказ от мер борьбы с безработицей и др. Такое правительство может принять решение о выводе войск из Ливана в ближайшее время. Разумеется, в любом случае часть войск на юге Ливана останется, так как иначе невозможно обеспечить безопасность северной границы Израиля (за два последних года палестинские террористы 26 раз обстреливали из катюш с территории Ливана Верхнюю Галилею). Полному выводу войск мешает отчасти слабость ливанского правительства и нежелание сирийцев

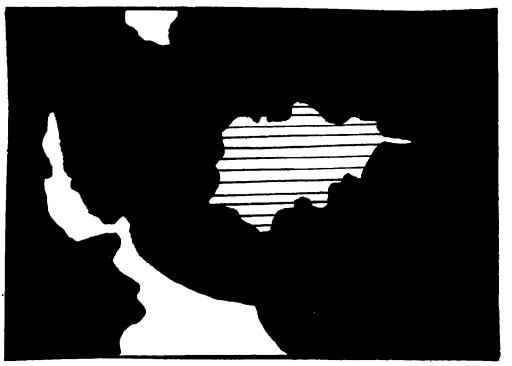
притти к соглашению. Однако, очевидно, что правительство не допустит повторения ливанской войны, приостановит строительство поселений в Иудее и Самарии и попытается сдвинуть с мертвой точки переговоры с Египтом. В своей речи в Кнесете новый премьер Шимон Перес заявил, что приложит все усилия в этом направлении. Перес уже успел получить два послания от президента Мубарака, а министр иностранных дел Шамир предполагает встретиться с египетским коллегой в сентябре во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

Перес заявил также, что стремится к возобновлению дипломатических отношений с Советским Союзом. Шамир вероятно, попытается встретиться в Нью-Йорке с министрами восточноевропейских государств и даже с самим Громыко.

Но вместе с тем от нового правительства едва ли можно ожидать серьезных мирных инициатив. Ликуд и Маарах по-разному относятся к перспективе участия иорданского короля Хусейна в мирных переговорах. Не сходятся они и в трактовке предложений президента Рейгана. Ликуд отказывается обсуждать вопрос о полном выводе израильских войск с территорий, занятых в 1967 г. Маарах считает такое обсуждение в принципе возможным. Переизбрание Рейгана и возобновление его инициативы на Ближнем Востоке могут поставить Ликуд и все коалиционное правительство в сложное положение. Скорее всего правительство национального единства не сможет приступить к решению палестинской проблемы, а отложит этот вопрос в долгий ящик.

Коалиция не решила внутрипартийных проблем Маараха и Ликуда. Возвращение А.Шарона в правительство на пост министра торговли и промышленности, его включение в узкий кабинет лишь обострило борьбу за власть внутри партии Ликуд. Ш.Перес, сумевший восстановить единство в рядах своей рабочей партии, остается малопопулярной фигурой в широких кругах населения. Вдобавок ему предстоит трудная задача не допустить, чтобы Маарах утратил влияние внутри страны. Как ни различны вопросы, стоящие перед руководителями обоих блоков, они теперь связаны общей судьбой. Неудача одного грозит политической карьере другого. Может быть, именно эта взаимная заинтересованность позволит лидерам вопреки мрачным предсказаниям создать сильное правительство, которое выведет израильское общество из кризиса. ●

А.Мильман



АФГАНИСТАН И ПАКИСТАН

По-видимому, Пакистан готов смириться с тем, что советская оккупация Афганистана будет продолжаться неограниченно, хотя официально Пакистан все еще поддерживает требование о выводе советских войск. Недавно президент страны Зия-уль-Хак в одном из интервью заявил: "Мы не можем игнорировать реальность... Можно ли ожидать, что Советский Союз так просто покинет занятые им стратегические позиции? Время работает на него. Чем дольше он остается в Афганистане, тем глубже он там укореняется".

Другие пакистанские официальные лица выражают озабоченность нарастающей напряженностью между пакистанцами – жителями Северо-западной пограничной провинции и Белуджистана, с одной стороны, и тремя миллионами афганских беженцев, осевших в этих провинциях, – с другой. Очевидно, что пакистанские руководители заинтересованы в достижении какого-то соглашения, которое позволило бы Пакистану отослать беженцев домой.

Неудивительно, что правительство Пакистана начинает все больше прислушиваться к требованиям некоторых лидеров оппозиции начать прямые переговоры с Кабулом. Сталкиваясь с собственными внутренними проблемами, пакистанское руководство, кажется, готово закрыть глаза на предостережения, получаемые им со всех сторон: такое "урегулирование" создаст в будущем непосредственную угрозу Пакистану.

Недавно посредник ООН Диего Кордовес возобновил в Женеве переговоры, которые он ведет по отдельности с представителями Кремля и пакистанским руководством. Пока что Советский Союз заявляет, что он выведет свои войска из Афганистана лишь при условии, если об этом попросит Бабрак Кармаль. Надежды на это, разумеется, крайне сомнительны, принимая во внимание, какого рода фигуру представляет собой Кармаль. Если пакистанское правительство вступит с Кармалем в прямые переговоры, признав тем самым его режим, Пакистан не сможет уже ставить предварительное условие о выводе советских войск – это противоречило бы принципу невмешательства во внутренние дела Афганистана. С другой стороны, возможность признать кабульский режим всегда была для Пакистана козырной картой во всей дипломатической игре вокруг Афганистана.

Комиссар ООН по вопросам беженцев в Северо-западной провинции Рустам Шах сообщил, что пакистанские власти распорядились, чтобы афганские группы сопротивления покинули Пешавар, и начали уже их выселение. Афганцев переводят в расположенные поблизости лагеря, ибо их присутствие в Пешаваре создает у жителей этого полумиллионного города "чувство неуверенности".

Афганские группы сопротивления использовали Пешавар как центр своей политической деятельности и стратегического планирования. Но пакистанские власти всегда относились к политической активности афганцев весьма настороженно, опасаясь, что они повлияют на местное население, особенно на пуштунов, населяющих Северо-западную пограничную провинцию. Пуштуны принадлежат к той же этнической группе, что и большинство афганских беженцев, и так же, как белуджи и синдхи, противятся господству центрального правительства, в котором доминируют панджабцы.

Пакистанские власти озабочены тем, что афганцы могут выдвинуть идею создания государства пуштунов между Пакистаном и Афганистаном. Эту идею в прошлом поддерживали в Кабуле такие афганские лидеры, как Мохаммед Дауд и Хафизулла Амин.

Пакистан молчаливо разрешает муджахиддинам провозить через границу личное огнестрельное оружие и боеприпасы, хотя официально и это запрещено. Но власти Исламабада тщательно следят за тем, чтобы афганцы не везли с собой ракеты "земля–воздух" и другое тяжелое оружие. Это дало бы возможность афганцам сбивать советские самолеты и вертолеты, действующие в приграничной области, иногда даже проникающие в пакистанское воздушное пространство и бомбящие пакистанские деревни. Зия-уль-Хак и его советники боятся, что, начав сбивать советские вертолеты и самолеты, афганцы вовлекут Пакистан в конфликт непосредственно.

Изгнание муджахиддинов из Пешавара объясняется также и тем, что правительство боится, что в отместку за пакистанскую поддержку афганского сопротивления Советский Союз и Кабул начнут использовать несколько тысяч просоветских партизан – белуджей и пуштунов, обученных КГБ на территории Афганистана, для возбуждения беспорядков в провинции Белуджистан.

Советский Союз и его верный Кармаль не прекращают давления на Пакистан, чтобы принудить его закрыть афгано-пакистанскую границу и перерезать тем самым пути помощи афганским партизанам. Периодические бомбардировки пакистанских приграничных районов – это не просто ошибки, а еще и напоминание Пакистану, что опасность – у самых его границ.

В декабре прошлого года советский посол в Исламабаде Виталий Смирнов намекнул, что объединенные советско-афганские силы могут начать рейды в Пакистан, чтобы преследовать там отступающих муджахиддинов. Одновременно, используя не только кнут, но и пряник, Советский Союз предложил Пакистану крупный кредит – сотни миллионов долларов для осуществления ряда промышленных проектов и развития энергетики.

До недавнего времени Пакистан был в первых рядах тех, кто требовал вывода советских войск из Афганистана и организации международной помощи беженцам и муджахиддинам. Нелегко так вот сразу совершить крутой поворот к "признанию реальности". Однако Пакистан испытывает все большее разочарование из-за того, что его друзья на Западе и в мусульманском мире не готовы гарантировать ему военную поддержку в случае прямого столкновения с Советским Союзом, не могут даже обеспечить достаточную материальную помощь афганским беженцам и бойцам сопротивления. ●

БУДУТ ЛИ СПАСЕНЫ ВЬЕТНАМСКИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ?

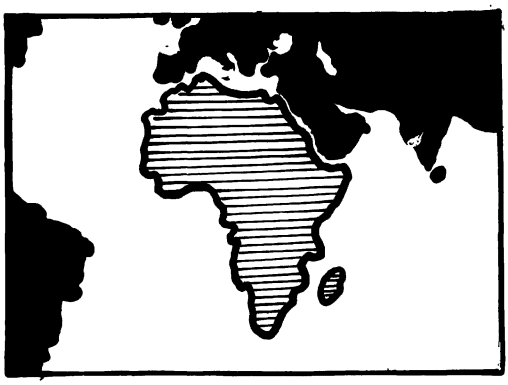
В № 3 нашего журнала мы опубликовали ноту посольства Вьетнама в Лондоне организации "Международная амнистия" по вопросу о политзаключенных, находящихся в "лагерях перевоспитания". Эти противники режима содержатся в лагерях без суда уже многие годы с момента установления в стране коммунистического режима. Число их точно неизвестно. Возможно, оно достигает 16 тысяч, по другим оценкам – несколько меньше.

В ноте сообщалось, что в 1982 г. министр иностранных дел ДРВ Нгуен Ко Тхак предложил разрешить всем заключенным лагерей выехать в США или любую другую страну, если она захочет их принять. Это предложение тогда никто не воспринял всерьез. Лица, представляющие администрацию США, в печати и в частных высказываниях выражали сомнение в искренности вьетнамцев, которые даже не представили списка заключенных и не допускают в лагеря для инспекции представителей Красного Креста.

Вскоре, однако, предложение было повторено вьетнамским премьер-министром Фам Ван Донгом. "Мы готовы, – сказал он, – разрешить всем, кто еще остался в лагерях, завтра же уехать в Соединенные Штаты". В июле этого года директор американского Комитета по делам беженцев Роджер Винтер обратился к президенту Рейгану с письмом, призывая его предпринять в этом вопросе решительные шаги. Он предложил, чтобы администрация в новом финансовом году открыла дополнительно 10 тысяч вакансий, предназначенных специально для иммигрантов – заключенных вьетнамских лагерей. В августе эту инициативу поддержали 13 конгрессменов во главе с членом палаты представителей от штата Нью-Йорк Стефаном Соларцем. Они призвали Р. Рейгана "ясно дать понять Вьетнаму, что США действительно заинтересованы в том, чтобы дать свободу этим политзаключенным". Недавно один из представителей администрации сообщил корреспондентам, что решение об этом будет принято в ближайшее время. "Мы проверим искренность вьетнамцев", – сказал он.

После 1975 г. США уже приняли около 700 тысяч беженцев из Индокитая – примерно половину общего их числа во всем мире. В последние годы США принимали к себе ежегодно до 50 тысяч человек – бывшего "лодочного народа", бегущего из Вьетнама морем в Таиланд и другие страны. 10 тысяч мест для заключенных лагерей не входят в эту ежегодную квоту; они будут выделены дополнительно. ●

Заключенные в одном из "лагерей перевоспитания" во Вьетнаме



ЭФИОПИЯ: ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

В № 1–2 мы сообщали о намерении эфиопского руководства создать к 10 годовщине революции марксистско-ленинскую партию. Теперь чаяния эфиопского народа сбылись: 1 сентября было объявлено, что Рабочая партия Эфиопии создана. Этим увенчался длившийся 5 дней учредительный съезд. На съезде в качестве почетных гостей присутствовали представители 50 зарубежных компартий, от КПСС приехал Г.Романов. 1700 делегатов съезда избрали ЦК из 136 человек и Политбюро из 11 человек. Председатель Временного военного административного совета, правившего Эфиопией последние 10 лет, полковник Менгисту Хайле Мариам единодушно избран Генеральным секретарем.

Рабочая партия – вообще первая политическая партия в Эфиопии, и, надо думать, она так и останется единственной. Полковник Менгисту заявил, что создание партии – первый шаг к установлению в Эфиопии марксистско-ленинской "политической демократии". Военное правление, таким образом, формально прекращается и устанавливается правление гражданское.

Похоже, впрочем, что произошла лишь смена вывесок. Мало того, что военный диктатор стал Генсеком, все 7 членов Военного совета вошли в Политбюро, оставив гражданским лишь 4 места. В ЦК были введены 24 высших офицера. Военные только стали теперь военными-коммунистами.

Победоносный съезд завершился гигантским парадом в Аддис-Абебе. Гусиным шагом по столице промаршировали 15 тысяч эфиопских солдат. За ними ехали платформы, украшенные золочеными серпами и молотами, шли колонны рабочих, крестьян и школьников, которые несли портреты Маркса, Энгельса и Ленина, лозунги "Долой империализм!", "Да здравствует пролетарский интернационализм!" и т.д. Но самым заметным объектом в праздничном шествии была платформа, на которой везли сделанный из папье-маше гигантский бюст полковника Менгисту. Над стадионом, где завершился парад, был развернут огромный портрет Менгисту с поднятым вверх кулаком. Демонстранты скандировали "Вперед вместе с нашим революционным вождем!"

В общем, К.Черненко имел все основания назвать создание Рабочей партии "важным этапом в развитии эфиопской революции".

После своего избрания Менгисту произнес на съезде семичасовую речь. Он осудил политику США и заявил о намерении крепить братские узы с СССР. Он также объявил о начале действия рассчитанного на 10 лет плана экономического развития. Целью его должна быть коллективизация

Стадион в Аддис-Абебе. Празднование 10-летия революции. По разным оценкам эти празднования обошлись в 150–250 миллионов долларов.

сельского хозяйства и уничтожение частного сектора в промышленности.

Общий объем финансовых вложений, предусмотренный планом – 28 миллиардов долларов. Остается пока тайной, откуда Менгисту возьмет эти деньги. Эфиопия – одна из беднейших стран мира: годовой доход на душу населения не превышает 140 долларов. Ее внешние долги поистине ужасающи. Например, Эфиопия должна СССР 3 миллиарда долларов только за военное оборудование, поставленное ей в 1977–1978 гг. во время войны с Сомали.

Но это лишь малая часть эфиопских проблем. С начала 70-х гг. Эфиопия непрерывно страдает – лишь с малыми передышками – от жестокой засухи. Тысячи уже скончались от вызванного засухой голода, а по оценке эфиопских властей голод сказался на здоровье, по крайней мере, 7 миллионов человек – пятой части всего населения.

Другая проблема – существующая вот уже 23 года – война с повстанцами в Эритрее, добивающимися независимости. Война стоит Аддис-Абебе 500 тысяч долларов в день. В ней участвует половина 300-тысячной эфиопской армии. В последнее время повстанцы имеют значительные успехи – так, например, в мае им удалось уничтожить 30 правительственных самолетов – четверть всех эфиопских ВВС. Повстанцы заявляют, что они контролируют положение на 80% территории соседней с Эритреей провинции Тигре. Возникло еще одно сепаратистское движение – среди народности галла (самоназвание: оромо), говорящей на языке кушитской группы. Галла составляют по меньшей мере треть 30-миллионного населения Эфиопии. ●

НА ТЕПЛОМ СИНЕМ МОРЕ...

Еще недавно Сейшельские острова – небольшая группа коралловых и гранитных островков к северо-востоку от Мадагаскара – были всего лишь еще одним туристским раем, и если что-нибудь и представляло здесь опасность, то разве лишь орехи, падающие с кокосовых пальм. Теперь эти патриархальные времена миновали. Сейшельские острова – объект пристального внимания Советского Союза, один из центров его военной деятельности. Уже сейчас густая листва лесов, окружающих международный аэропорт на главном острове Маэ, скрывает несколько батарей советских ракет "земля–воздух". К советскому посольству в столице республики городе Виктория прикомандировано 12 военных советников из Москвы. Среди большого числа советских граждан, нахлынувших на острова, – корреспондент ТАСС, за два года не опубликовавший ни строчки, и представитель Аэрофлота, никогда не продающий билетов.

Интерес Советского Союза к экзотическим островам – составная часть того пристального внимания, которое он уделяет сейчас Индийскому океану как возможному театру военных действий. Советские военные суда и подводные лодки уже получили право базироваться на архипелаге Дахлак у берегов Эфиопии и на острове Сокотра близ входа в Аденский залив. С другими союзниками, однако, не все обстоит так хорошо. Более года назад левый режим на о. Маврикий сменился правоориентированным правительством. Президент Мадагаскара Дидье Рацирака, одно время самый перспективный союзник СССР в этом регионе, понял вдруг, что необходимо решать и экономические проблемы страны, стремительно движущейся к социализму и обнищанию, и, естественно, обратился за помощью к Западу. В этой части Индийского океана у Советского Союза остался единственный надежный друг – президент Сейшельских островов Альбер Рене, твердокаменный левый, пришедший к власти в результате переворота 1977 г.

Архитектором советско-сейшельской дружбы стал советский посол на островах Михаил Орлов – в прошлом резидент КГБ в Турции. Этого генерал-лейтенанта КГБ западные обозреватели называют "советским генеральным послом в Индийском океане".

Прибыв на острова, М. Орлов прежде всего вооружил национальную армию (750 человек) советским оружием. Он "пожертвовал" Сейшельской республике авиационного бензина на 5 миллионов долларов, а также создал огромные запасы дизельного топлива. В случае кризиса этот резерв может быть использован советскими военно-воздушными силами и флотом. На о. Св. Анны были возобновлены запасы горючего в хранилищах, оставшихся со времен Второй мировой войны. Советские суда начали проводить промеры глубины у островов в поисках места для глубоководной стоянки судов советского ВМФ.

Советскому Союзу помогает укорениться на Сейшельских островах Северная Корея. Количе-

ство северокорейских военных советников на островах уже перевалило за 100. Они проводят обучение сейшельской армии, охраняют аэропорт и даже резиденцию президента Рене. Из северокорейцев же сформированы ударные отряды для подавления любых волнений на острове: режим президента Рене не очень уверен в своей прочности, его уже дважды пытались свергнуть (последний раз около 2 лет назад, когда четверть сейшельской армии – 200 человек – пыталась захватить власть в Виктории).

Недовольство населения режимом Рене постепенно усиливается. Безмятежным в прошлом островитянам пришлась не по вкусу ставшая практически обязательной воинская повинность и интенсивная "политобработка" молодых солдат. Не улучшило отношения к правительству и то обстоятельство, что в течение последнего года началась конфискация частных домов, гостиниц, участков земли, принадлежащих противникам режима. ●

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

В предыдущем номере сообщалось, что в Марокко был проведен референдум по вопросу создания "Союза государств". 99,9% проголосовавших высказались за объединение с Ливией. Знакомые цифры, тревожные результаты.

Странный союз смутил многих обозревателей и дипломатов. Обеспокоенный Миттеран полетел в Марокко за разъяснениями. С чем связано и к чему приведет это неожиданное сближение самого либерального, с самым, так скажем, фанатичным режимом арабского мира, так и осталось неясным.

За два дня до референдума на окраине Марракеша прошла небольшая похоронная процессия. За гробом тянулась молчаливая толпа, человек 150–200, почти исключительно молодежь. Юноши поднимали вверх правую руку с раздвинутыми средним и указательным пальцами (victoire – символ сопротивления и победы, возникший во времена Второй мировой войны). Вдоль улиц, по которым шла процессия, теснились в переулках и дворах виллисы жандармов. Хоронили 20-летнего студента, умершего в тюрьме во время коллективной голодовки. Член крохотной марксистско-ленинской партии, он оказался в заключении после январских беспорядков. Эти беспорядки не имели четкой политической ориентации, но заметно сказались на положении многих политических группировок. Участники голодовки требовали улучшить условия содержания в тюрьме, в частности разрешить продолжать образование (получать необходимые книги и учебники) и установить более частые свидания с родственниками.

В Марокко политика – дело королевского двора, и чтобы разбираться в ее тонкостях нужно быть придворным. Но можно оценить тот фон, на котором свершился союз государств – объятия короля Хасана II с полковником Каддафи.

Для образованных марокканцев, да и не только для образованных, слова "арабское дело" или "цели арабов" понятны и естественны. В настоящее время – это освобождение Палестины, но можно истолковать их и шире, как дело объединения арабов в одну семью.

Почти для всех очевидно, что существование множества арабских государств – тяжелое последствие империалистического господства. С точки зрения крайних группировок (и правых, и левых) король Хасан II просто продался империалистам, и его связи с Западом более предосудительны, чем ирано-иракская война ("свои люди сочтемся"). Но и для более умеренных арабов полковник Каддафи отнюдь не исчадие ада, каким он представляется западному миру. Его грозная риторика не смущает ("не нам грозит"), а мелкие пакости прощаются (опять же, "свои люди").

Как всякая идеология, "арабское дело", откуда ни глянь, соткано из противоречий. Арабизация выходит боком берберам, составляющим треть населения Марокко. Туареги Сахары, какое они имеют отношение к этому делу? В какой мере можно считать арабами ливанских христиан? Но всякая идеология тем и сильна, что в ее основе лежат не разумные, а эмоциональные, подсознательные начала, и для марокканского марксиста аятолла Хомейни революционер и народный вождь, хотя с точки зрения традиционного марксизма он выглядит как реакционер и мракобес.

При таких умонастроениях любой союз двух арабских стран рассматривается как безусловное благо. Конечно, не всеми, ослепительная цифра 99,9% кого угодно заставит усомниться. Тем не менее, результат этот, вероятно, не так уж далек от истины: голосовали только те, кто был "за", остальные просто не пошли на избирательные участки. Процент же участников рефе-

рендума от общей численности взрослого населения не сообщался. Очевидно, он был не слишком высоким – спектакль готовился на скорую руку. ●

П. Ростин

БИРМА: СТАРЕЮЩИЙ СОЦИАЛИЗМ

Председатель исполкома ЦК Партии бирманской социалистической программы генерал Не Вин недавно посетил Европу – впервые за 22 года своего пребывания у власти. Вместе с ним путешествовало около 50 человек, включая министров иностранных дел и обороны. В Париже была назначена его встреча с президентом Миттераном, но накануне генерал неожиданно улетел во Франкфурт. После непродолжительных переговоров с немецкими промышленниками и банкирами генерал вновь исчез, по слухам – уединился на одном из западногерманских курортов, а 9 августа возвратился в Рангун.

Немногие видевшие в Европе 73-летнего генерала отмечают, что он выглядит усталым и слабым. Хотя в 1981 г. он формально уступил президенство У Сан Ю и не занимается повседневными делами, все основные решения принимает только он лично. Президент играет лишь символическую роль. В прошлом году Не Вин изгнал с политической сцены и своего общепризнанного наследника, быстро набиравшего силу шефа разведки бригадира Тин У, – якобы за его пристрастие к роскошной жизни.

Социалистическая Бирма при Не Вине стала страной, фактически отрезанной от мира. Мир ничего не знает о ней, а она ничего не знает о мире. Столица Рангун постепенно тихо разрушается. Здания никто не красит и не ремонтирует десятилетиями. На крышах прорастает трава и даже деревья. Такси продают на рынках подержанных машин. Электричество выключается на 4–5 часов практически каждый день.

Целое поколение бирманцев выросло, не изучив никакого иностранного языка и даже не получив профессионального образования. Это приводит в отчаяние фирмы, поставляющие Бирме современное оборудование, машины, средства связи. Большая часть закупленного Бирмой оборудования никогда не покидает ящиков, в которых оно было доставлено. Отсутствие профессионалов фактически парализовало эксплуатацию месторождений природного газа, открытых в полутораста километрах от бирманских берегов.

Бирма никогда не была богатой, но сейчас национальный доход упал ниже, чем когда-либо. Доходы от экспорта снизились с 487 миллионов долларов в 1982 г. до 378 в прошлом году. Доходы от основной статьи – экспорта риса – упали на треть.

Большую часть национального дохода пожирает бирманская армия. Вот уже 30 лет Бирма ведет войну с национальными меньшинствами и с частными армиями торговцев опиумом. В нынешнем году упорные бои ведутся с повстанцами–каренами близ таиландской границы, причем без особого успеха. Потери повстанцев существенно меньше, чем потери бирманской армии. Карены по-прежнему чувствуют себя хозяевами на своей земле. Они установили пятипроцентный налог на экспортируемые из Бирмы в Таиланд лес, драгоценные камни и другие товары. Они облагают налогом также ввозимые в страну японские радиоприемники, телевизоры, компьютеры, лекарства, фотоматериалы. Многие из этих товаров потом продаются на черном рынке в Рангуне, рынке, которому власти официально покровительствуют и где цены в 2–3 раза выше, чем в Гонконге или в Лондоне. Цены эти доступны немногим бирманцам.

Но, по крайней мере, никто в Бирме не умирает с голоду. Фантастически плодородные почвы, обилие дождей и отсутствие планов преобразования природы позволяют бирманцам выдержать даже социализм. А это уже немало. ●

ВЕСТИ ИЗ СССР

А. САХАРОВ ВЫПУЩЕН ИЗ БОЛЬНИЦЫ

11 сентября неизменный Виктор Луи – доверенное лицо КГБ – сообщил газете Bild, что А.Сахаров вышел из больницы и снова находится дома вместе с Е.Боннэр. "Он чувствует себя, – сказал В.Луи, – настолько хорошо, насколько это возможно в данных обстоятельствах". Позднее близкий друг Е.Боннэр – адвокат С.Калистратова получила в Москве телеграмму из Горького, подписанную Е.Боннэр и гласящую: "приветствуем и целуем", что, по-видимому, должно означать, что А.Сахаров и Е.Боннэр действительно находятся вместе. Еще одна знакомая Елены Боннэр в Москве получила от нее открытку, в которой подтверждалось, что они с мужем живут в прежней квартире в Горьком.

Е.Боннэр подала кассационную жалобу на вынесенный ей приговор. Жалоба будет рассматриваться, по-видимому, в ноябре, но шансы на отмену приговора – 5-летней ссылки – практически равны нулю. Об этом говорит многолетний опыт рассмотрения политических дел в советских судах.

Тем временем в августовском номере "Журнала экспериментальной и теоретической физики" появилась датированная мартом 1984 г. статья А.Сахарова, подписанная лишь фамилией без указания титула "академик". В статье, между прочим, выражается благодарность "жене Е. Боннэр" за помощь. Известно также, что в августе 1984 г., еще находясь в больнице, А.Сахаров подписал корректуру другой статьи, не сделав при этом никаких поправок в тексте, что для него очень не характерно. Обе статьи посвящены вопросу о происхождении Вселенной. Власти явно хотят создать впечатление, что с А.Сахаровым теперь "все в порядке". ●

СУД НАД ЮРИЕМ ШИХАНОВИЧЕМ

5–6 сентября 1984 года в Москве проходил суд над Юрием Александровичем Шихановичем. Шихановичу было предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР ("антисоветская агитация и пропаганда"). Он был приговорен к 5 годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки. На суде Шиханович признал, что он составлял и редактировал "Хронику текущих событий" – старейший и наиболее уважаемый правозащитный бюллетень, выпускаемый в Самиздате начиная с апреля 1968 г. и содержащий информацию обо всех ставших известными случаях нарушения прав человека в Советском Союзе, равно как и о выступлениях в защиту этих прав.

Как обычно, в обход существующих законов о гласности судопроизводства, зал суда над Юрием Шихановичем был заполнен специально подобранной публикой. Из близких подсудимого допустили только его ближайших родственников – жену и дочь.

Юрий Шиханович был арестован 17 ноября 1983 г. В то время он был одним из последних ветеранов движения за права человека в СССР. В Советском Союзе на свободе не осталось почти никого, кто, подобно Шихановичу, участвовал бы в правозащитном движении практически с самого его начала. Больше чем кто-либо Шиханович способствовал тому, чтобы предать гласности политические репрессии в СССР и морально (да и не только морально) поддерживал гонимых.

С другой стороны, Шиханович, как это представляется людям, знающим и его самого, и его многолетнюю борьбу не только с безжалостным аппаратом репрессий тоталитарного государства, но и с самим собой, является одной из самых

трагических фигур среди советских инакомыслящих: вырисовывается облик человека, одержимого почти фанатическим стремлением победить в моральном поединке КГБ и регулярно терпящего в этой борьбе поражения.

Юрий Александрович Шиханович родился в 1933 г. в Киеве, окончил механико-математический факультет МГУ, получил ученую степень кандидата педагогических наук. В 1960 г. он начал преподавать математику в Московском университете. В 1968 году, после того, как он подписал письмо 99 математиков с протестом против принудительной психиатрической госпитализации математика и поэта Александра Есенина-Вольпина, он был уволен из университета.

Вскоре после этого Шиханович становится одним из самых активных "самиздателей". После нескольких понижений в должности он в конце концов был изгнан с работы. В 1972 г. к нему трижды приходили с обыском, у него было изъято много самиздатской литературы; во время третьего обыска он был арестован. Ему было предъявлено обвинение в "антисоветской агитации и пропаганде". В течение первых пяти месяцев предварительного следствия Шиханович отказывался давать показания. Однако 28 февраля 1973 г. он передал следователю заявление, в котором обещал "вести себя впредь так, чтобы органам государственной безопасности не было повода мною интересоваться". После этого Шиханович стал давать показания, стараясь, правда, в основном подтверждать то, что уже говорили другие.

Летом 1973 г. эксперты Института судебной психиатрии им. Сербского поставили Шихановичу диагноз: "глубокая психопатизация личности шизоидного круга; возможен вялотекущий шизофренический процесс". В ноябре 1973 г., в отсутствие подсудимого, состоялся первый суд над Юрием Шихановичем. Основным пунктом обвинения было распространение "Хроники текущих событий" среди друзей. Суд формально "освободил" Шихановича от уголовной ответственности, направив его вместо этого на принудительное лечение в психбольницу общего типа.

Арест Шихановича вызвал возмущение советской и мировой общественности. В конце 1973 – начале 1974 г. был создан Международный комитет математиков в защиту Юрия Шихановича и Леонида Плюща. Только под одной из петиций в защиту Юрия Шихановича подписалось 550 французских математиков. В первой половине июля 1974 г. Шихановича выписали из больницы. Через пять лет комиссия во главе с главным психиатром Москвы В. П. Котовым постановила снять Шихановича с психиатрического учета.

Выйдя на свободу, Шиханович возвратился к активной правозащитной деятельности. КГБ не раз оказывало на него давление, стремясь заставить его эмигрировать, но Шиханович не соглашался.

В 1980 г. его вызвал "для беседы" сотрудник районного отделения милиции майор Романовский. В результате беседы Шиханович оставил в милиции обязательство "ни в чем не наносить вред своей стране, в частности – не заниматься общественной деятельностью".

20 февраля 1981 г. сотрудники КГБ изъяли в квартире москвича Леонида Вуля рукопись 59-го выпуска "Хроники текущих событий" и все подготовительные материалы к нему. В результате "Хроника" № 59 не вышла вообще. Выпуск № 60 предварялся сообщением: "Поскольку дальнейшее участие в "Хронике" лиц, ставших известными Комитету государственной безопасности, ставит под удар существование издания, они считают необходимым прекратить свою работу в "Хронике"." В числе этих лиц был назван и Шиханович.

4 сентября 1981 г. у Шихановича был произведен обыск, во время которого среди многих материалов правозащитного характера были изъяты 60-й и 61-й выпуски "Хроники текущих событий". В июне и сентябре 1982 г. у Шихановича вновь устраивают обыски. Наконец, 17 ноября 1983 г. он был арестован во второй раз.

Шиханович был помещен в следственный изолятор КГБ Лефортово. Отсюда в сопровождении группы сотрудников КГБ заключенного Шихановича несколько раз возили в квартиры его знакомых москвичей. К этим людям Шиханович обратился с просьбой выдать "оставленные им на хранение материалы". Он опять давал какие-то показания. Видимо, он все еще пытался переиграть следователей. О том, что происходило на суде, мы знаем очень мало. Известно, что незадолго перед судом Шиханович отказался от адвоката, а его жене было предоставлено с ним свидание, чтобы уговорить его этого не делать. Не исключено, что на суде Шиханович взял назад часть признаний, сделанных им во время предварительного следствия. Во всяком случае, он сказал, что был единственным автором фигурировавших на процессе материалов, в первую очередь – "Хроники текущих событий". Прокурор в связи с этим обвинил Шихановича в "неискренности", ибо, по его мнению, в издании "Хроники" участвовало еще человек 10–15. Видимо, эта "неискренность" и стоила Шихановичу сурового приговора. ●

Ю. Вишневская

"ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ БИТОВ НЕ РАССКАЖЕТ"

"Где же Олег Битов?", "Похищение, политическое преступление, месть?", "Зловещий спектакль", "Установить истину", "Контрабандирован в Англию" – кричали заголовки "Литературной газеты", после исчезновения сотрудника газеты Олега Битова в Венеции в сентябре прошлого года.

"Советские агенты охотятся за Битовым", "Почему я выбрал Запад", "Человек из Министерства Правды" – так английские газеты возвещали о побеге Битова в Англию.

Установить истину о том, почему "человек из Министерства Правды" вначале выбрал Запад, а через год оказался в Москве – нелегко. Официальная версия была оглашена на пресс-конференции 18 сентября в Москве: О.Битова стукнули по голове, одурманили наркотиками и доставили в Англию, где держали под надзором Сикрет сервис и заставляли писать антисоветчину. Заслужив покорным поведением доверие тюремщиков, О.Битов "сам купил билет и сам из Англии улетел" в СССР. На многие вопросы о конкретных деталях происшедшего О.Битов отказался отвечать, пообещав сделать это позднее в своей книге. Вряд ли, впрочем, эти новые подробности, даже если они действительно появятся, помогут выяснить подлинные обстоятельства его "побега" из капиталистического плена.

Олег Битов исчез в Венеции 9 сентября 1983 г. Позднее, в одной из своих первых статей Sunday Telegraph, озаглавленной "Побег из кошмара", он писал, что выбрал для побега время после просмотра фильма Бергмана, окончившегося в час ночи. Слежки за собой он не обнаружил и решил, что настал подходящий момент. О том, как ему удалось связаться с британскими агентами, он тогда не рассказал, дабы, по его словам, не портить шансов для других перебежчиков. Правда, в феврале 1984 г. в открытом письме К.Черненко, он писал, что загадка его побега раскроется, если Черненко выпустит к нему его жену и дочь.

Как бы то ни было, 10 сентября, то есть на следующий день после исчезновения Битова, в книге записей небольшой английской гостиницы в городе Ист Гринстед, к югу от Лондона, появилась подпись Дэвида Лока – имя, которое дали Битову британские власти из соображений его личной безопасности. Тогда Битов говорил, что за ним охотится КГБ. В январе 1984 г. после бесед и допросов сотрудниками британской разведки и Министерства внутренних дел – обычной процедуры, когда перебежчик просит политического убежища – Битову было предоставлено убежище в Великобритании. 2 декабря 1983 г. в западной прессе было опубликовано заявление О.Битова (от которого он теперь отрекается) под заголовком: "Почему я выбрал Запад".

В заявлении говорилось, что бегство на Запад было его личным протестом против поворота в культурной политике страны после смерти Брежнева. По словам Битова, у него была воз-

можность остаться на Западе и раньше, но пока Брежнев был жив, он еще лелеял надежду на то, что преемник Брежнева как-то изменит международный и культурный курс страны. После смерти Брежнева изменения произошли, но, по мнению Битова, в худшую сторону. Руководство Андропова сразу же продемонстрировало, что оно намерено вернуться к сталинскому типу правления. Началась новая кампания преследования интеллигенции, ущемления свободы слова и совести. В связи с этим О.Битов напоминал и об уничтожении цвета советской интеллигенции в 30-х – 40-х гг. Непосредственным толчком к его решению остаться на Западе был расстрел советским истребителем 1 сентября 1983 г. корейского гражданского самолета с 269 пассажирами на борту.

В феврале газета Sunday Telegraph начала печатать серию его статей о жизни в Советском Союзе. В этих статьях ничего нового, сенсационного и неизвестного на Западе Битов не сказал. Он писал о цензуре в советской прессе, о самоцензуре писателей и журналистов, о систематическом истреблении интеллигенции, о войне в Афганистане, которую он сравнивал с Вьетнамом. Себя самого, советского журналиста, он сравнивал с орвелловским Уинстоном Смитом из Министерства Правды – запуганным, запрограммированным героем романа "1984". Битов, правда, сказал тогда, что Уинстон Смит в нем постепенно умирает и что он надеется в скором времени от него окончательно освободиться.

Первые три месяца в Англии Битов скрывался. К нему действительно были приставлены "опекуны", как он их называет. Почти все советские перебежчики на первых порах получают охрану в интересах их собственной безопасности, а у Битова были все основания для опасений, если, конечно, вся эта история не была с самого начала разыграна по сценарию самого КГБ. В январе журналист Дафф Харт-Дэвис, (стилистический редактор, помогавший Битову писать его статьи по-английски) писал, что Битов ему как-то сказал:"Конечно, найдутся люди, которые с радостью уничтожили бы меня до того, как я смогу что-либо написать. Тогда бы они объявили: британская и американская разведка пытались-де его сломать, но не смогли и вынуждены были его убить. К несчастью для Москвы этот вариант уже невозможен".

Британские власти, видимо, тоже решили, что после напечатания статей О.Битова в Sunday Telegraph непосредственная опасность ему уже не угрожает, и Битов остался без "опекунов". Уже начиная с четвертого месяца после своего бегства Битов пользовался полной свободой передвижения, разъезжал на своей красной "Тойоте" по Англии, дважды летал в Соединенные Штаты (один раз – подписывать договор на книгу), ездил в Париж давать интервью радиостанции "Свобода", отдыхал в Северной Африке. Он имел неограниченные возможности войти в контакт с советскими представителями, но этими возможностями, как он сам признает, так и не воспользовался.

Книга О.Битова, договор на которую он подписал, – о цензуре в Советском Союзе – должна была называться "Истории, которые я не мог рассказать". Этих историй Битов миру так и не поведал. Вместо этого он выступил с сенсационными разоблачениями работы Британской разведки, похитившей, пытавшей и использовавшей его, простого советского журналиста, в своих иезуитских целях. За исключением некоторых мелких подробностей, имен и адресов, суть этой убогой детективной истории, рассказанная Битовым на пресс-конференции в Москве, полностью совпадает с версией, изложенной в "Литературной газете" сразу же после исчезновения Битова в сентябре прошлого года. Западные журналисты с недоумением и ехидством задают вопрос: откуда газета уже тогда все это знала, если Битов, как он утверждает, в течение года не имел никаких контактов с советскими представителями?

Недоуменных вопросов много. В частности, почему О.Битов, свободно разъезжавший по миру, просто не пришел в советское посольство и не заявил о том, что он похищен? На пресс-конференции в Москве Битов ответил:"Я не знал, хотят ли они видеть меня" (?). Этот вопрос и этот ответ "Литгазета" не воспроизвела.

Отказался Битов отвечать и на вопрос о том, на самолете какой авиакомпании, когда и откуда он вылетел в СССР. Неясно, почему это большая тайна, чем, скажем, названия гостиниц, в которых он жил в Англии: ведь Битов, по его словам, "сам купил билет и сам улетел!" Может быть, дело в том, что по регистрационным спискам авиакомпаний легко проверить его слова?

О.Битов перед статуей У.Черчилля в Лондоне

Не смог ответить он и на вопрос, каким паспортом он пользовался, улетая в СССР. На паспорте политического беженца, который у него имелся, советской визы не было. Как он "сам" прошел тогда паспортный контроль?

Если он заранее планировал свое бегство, то почему он не позаботился о лежавших на его счету в банке 43 тысячах фунтов? На московской пресс-конференции он гордо ответил: "Родина дороже всяких денег!" Правда, потом он добавил фразу, которую "Литгазета" не напечатала: "Впрочем, для этого есть международные юристы..." Действительно, на что в Москве Инюрколлегия?

Почему машина "уехавшего самостоятельно" Битова была просто-напросто брошена, притом даже не в аэропорту, что было бы еще понятно, а в центре Лондона? Почему личные вещи Битова тоже оказались брошенными ?

Наконец, помимо множества мелких недоумений, остается большое и главное: зачем? Если Битов, по его словам на пресс-конференции, "просто-напросто журналист, даже в армии не служил", то зачем ЦРУ и Сикрет Сервис организовывать сложное похищение, вовлекать итальянские службы, рисковать международным скандалом? Что даст им "просто-напросто журналист?" Еще одно "антисоветское заявление?" Так ведь они и без Битова появляются чуть ли не ежедневно: бегут балерины и спортсмены, дипломаты и шахматисты, рыбаки и военнослужащие, все они без всяких наркотиков охотно рассказывают о своих мотивах. А о новых эмигрантах (их уже более 300 тысяч) и говорить нечего!

Есть и еще одно странное обстоятельство: поведение самой "Литгазеты", "ничего не знавшей" до самого момента сенсационного возвращения Битова. Обычно во всех – ставших уже привычными – случаях "невозвращенства" советская пресса ведет себя совсем по-иному. Пишут об "отщепенцах", "проститутках", "отбросах" и т.п., либо же просто хранят гробовое молчание, как будто ничего не произошло. Так было с Анатолием Кузнецовым, Виктором Корчным, Олегом Протопоповым и Людмилой Белоусовой, Рудольфом Нуреевым, Натальей Макаровой и многими-многими другими. Лишь в беспредельную стойкость "просто журналиста" "Литгазета" продолжала слепо верить целый год. И не ошиблась. В чем тут дело?

Британские власти не особенно озабочены "разоблачениями" Битова. Министерство внутренних дел назвало их абсурдными. Министерство иностранных дел заявило протест советскому поверенному в делах в Лондоне. Британские газеты высказывают всевозможные предположения относительно мотивов Битова, его искренности, роли в сценарии КГБ. Книгу, которую Битов никогда не напишет, можно было бы назвать "История, которую я никогда не смогу рассказать". Уинстон Смит полюбил Большого Брата. Бедный Битов. ●

М.Филлимор

Тадеуш БУР-КОМОРОВСКИЙ

ГИБЕЛЬ ВАРШАВЫ

Воспоминания руководителя Варшавского восстания

17. Нам предлагают сдаться

ТАСС сообщил немцам то же, что и нам: Армии Крайовой предстояло вести борьбу в одиночку. Можно было ожидать, что немцы начнут атаку на Старе-Място – самый уязвимый сектор нашей обороны. В сущности, у нас не было большой разницы между фронтом и тылом. Нередко боевой рубеж проходил между этажами: немцы – в погребе и на первом этаже, поляки – наверху. Порой вражеский пулемет строчил по окнам соседнего дома, а навстречу ему летели самодельные ручные гранаты. И тут же в каких-нибудь двадцати метрах за линией огня, дымили наши общественные кухни, помещались госпитали и другие службы. В этом городе, похожем на ад, за спиной у бойцов продолжалась организованная гражданская жизнь. Во дворах раздавали еду, распределяли работу, жили одной большой семьей. Вместе молились, подчас вместе и погибали. Жизнь в постоянной опасности углубила религиозные чувства до такой степени, какой я прежде нигде не наблюдал. Я не могу вспомнить ни одного двора, где не было бы алтаря. Однажды я проходил мимо дома, в который только что угодил тяжелый снаряд. В центре двора жители, стоя на коленях, пели вечернюю молитву перед обломком алебастра, – это было все, что осталось от только что стоявшей здесь статуи Христа.

На семнадцатый день борьбы подразделения вермахта начали обстрел Варшавы из тяжелых орудий, таких же, какие в свое время применялись при осаде Севастополя. Немцы вели прицельный огонь по нашим штабам, радиостанциям, по армейским складам, еще недавно принадлежавшим им. После продолжительного обстрела наступила пауза, и между развалинами показался парламентер. Он явился от имени генерала фон Баха, командующего немецкими силами в Варшаве. Нам предлагали капитулировать.

Ответом была решительная атака на пункты немецкой обороны, расположенные внутри наших позиций. Среди них была телефонная станция, одно из самых высоких зданий города. Из верхних окон станции гарнизон вел огонь по нашим позициям. Ворваться в эту крепость нам помог шестидесятилетний старик, бывший телефонный техник. Он хорошо знал здание станции и две недели подряд собственноручно расчищал подземный ход, ведущий внутрь помещения. С его помощью глубокой ночью наши бойцы проникли в здание и бросились на немцев. Бой шел за каждый этаж, за каждую комнату. Взрывами солдаты проделывали проходы через стены. Все помещение было окутано пылью и дымом. После десяти часов ожесточенной борьбы мы овладели станцией. Старик, расчистивший проход, был ранен. В качестве награды ему вручили револьвер с десятью патронами. Мы провели еще несколько успешных операций, но они не могли изменить общего положения.

Окончание. Начало в № 8.

18. Бои за Старе-Място

Девятнадцатого августа противник возобновил атаки на Старе-Място. Приказ, найденный в кармане убитого немецкого офицера, содержал точные сведения о неприятельских силах, которые участвовали в операции: против 5000 наших плохо вооруженных бойцов вели наступление 10 пехотных батальонов, взвод минометчиков и два батальона инженерных войск. Ударный кулак составили танки типа "Тигр", 20 полевых орудий, 50 "Голиафов", две батареи 75-миллиметровых и одна батарея тяжелых 380-миллиметровых орудий (калибр, использовавшийся немцами для обстрела английского побережья через Ламанш). Наступление поддерживал бронепоезд. С воздуха защитников Старого Города атаковали пикирующие бомбардировщики, которые налетали сначала через час, а затем каждые 15 минут. Вся эта мощь обрушилась на пространство, не превышавшее одного квадратного километра. Нужно добавить, что к этому моменту в Старом Городе, кроме наших бойцов, находилось около двухсот тысяч местных жителей и беженцев из других районов Варшавы.

Вскоре после начала атаки в штаб принесли на носилках тело убитого лейтенанта Камлера, одного из самых надежных моих помощников. Жена и дочь Камлера (одна была медсестрой, другая – рассыльной) пришли на погребение прямо с боевых пози-

ПЛАН ВАРШАВЫ

····· Канализационный туннель между Старе-Място и центром

○ ○ ○ Места последовательного расположения штаба восстания

ций. Тело опустили в могилу на двух досках, не было никакого салюта: мы не могли пожертвовать ни одним патроном. На деревянный крест повесили принадлежавший лейтенанту трофейный немецкий шлем, украшенный цветами польского национального флага. После похорон жена и дочь убитого сразу вернулись на свои посты.

Каждое утро начиналось с артиллерийской канонады и обстрела с воздуха. Затем к баррикадам двигались "Голиафы", за ними ползли "Тигры", обстреливая в упор наши позиции и лишь после этого шла в атаку неприятельская пехота. Наши люди подпускали ее на близкое расстояние – недостаток патронов все сильнее давал себя знать – и открывали огонь в последний момент. Временами доходило до рукопашных схваток. С наступлением темноты атаки немцев прекращались, ибо плацдарм был настолько мал, что ночной обстрел мог оказаться опасным для них самих. Приходила наша очередь. То, что мы теряли днем, нередко удавалось вернуть ночью. Таким образом, мы сражались в две смены. После суток боя нашим солдатам полагалось двадцать четыре часа отдыха. Но во всем районе не было места, отстоящего от линии огня дальше, чем на 500 метров. Когда наступало время передышки, люди просто отходили на 200–300 шагов, под грохот обстрела укладывались кто где мог и мгновенно засыпали. Обходя расположение войск, я видел этих юношей, спящих на мостовых, во дворах, на полуразрушенных лестницах. Даже во сне каждый крепко сжимал свое ружье. Отряд, отведенный для отдыха, постоянно приходилось будить для борьбы с пожарами. Пожары были нашим проклятьем. Старе-Място горело беспрестанно. Когда началось немецкое наступление, в районе было около тысячи домов; спустя три дня 400 было разрушено снарядами, а 300 сгорело.

Постепенно территория, контролируемая нашими силами, сокращалась. Если нам удавалось продолжать борьбу в Старом Городе, то лишь благодаря подмоге, которая пришла через канализационные ходы из Жолибожа и центра города. Несколько сот гранат, несколько автоматов и пулеметов – даже эта скромная помощь была для нас поистине неоценимой.

19. Еще один враг – голод

Оружия было так мало, что полковник Вахновский, руководивший обороной Старого Города, проводил специальные совещания, чтобы решить, какая баррикада получит пулемет, а какая – связку гранат. Один пулеметчик, награжденный за храбрость, слезно просил не отводить его на отдых, чтобы пулемет не попал в чужие руки. Его просьба не была удовлетворена. Он покинул свою позицию и погиб в "тылу" во время сна от разрыва бомбы.

Теперь на нас надвигался новый враг – голод. В первые дни восстания паек польского солдата состоял из мясных консервов, добытых на немецких складах, и вина из прославленных погребов Старого Города. Вина было вдоволь, его даже легче было получить, чем воду. На седьмой день боев запасы оказались погребены под развалинами. Солдатский рацион сократился до горстки вареного ячменя, выдаваемого один раз в день.

В эти трудные дни я убедился, что женщины намного выносливее мужчин. Они легче переносили нехватку пищи. Женщины были связистами, работали на медицинских пунктах, обслуживали кухни и оказывали помощь гражданскому населению. Большинство из них были старательны и спокойны.

20. В вонючем аду

Неотложной задачей, стоявшей перед нами, была разведка канализационных проходов – только они могли обеспечить надежную связь между разрозненными позициями. Сеть канализации, построенная 60 лет назад, представляла собой подземный лабиринт, неведомый, опасный, простирающийся на много километров.

Самые узкие туннели, из тех, которыми можно было пользоваться, были высотой около метра. Битое стекло лежало толстым слоем в тине и грязи на вогнутом дне: в таком туннеле невозможно было двигаться ползком, невозможно стать на колени. Малейшая царапина грозила заражением крови. Приходилось перемещаться рывками, пользуясь двумя короткими палками как костылями. Хотя от Старе-Място до центра Варшавы было всего два километра, путь по туннелю длился около девяти часов. Путешествие в темноте по зловонной жиже пугало даже храбрецов. Я знал людей, которые бесстрашно бросались навстречу танку, зажав в руке бутылку с зажигательной смесью, но теряли выдержку и падали в обморок, пройдя несколько сот метров по тесному и смрадному проходу.

Были, однако, и другие туннели, достаточно широкие, чтобы можно было итти по ним почти не сгибаясь, но здесь подстерегала другая опасность. Это были коллектора, предназначенные для сбора стоков из целых районов, и уровень жидкости в них мог подняться настолько, что дальнейшее продвижение становилось возможным только с помощью предохранительного каната. Иногда внезапный поток из бокового туннеля мог заполнить главный канал доверху и поглотить человека. Многие погибли этой страшной смертью на коротком пути от Старого Города до Жолибожа. Первый отряд из Жолибожа потерял 36 человек из 60. Когда оставшиеся в живых добрались до нашего канализационного люка, они были настолько измучены, что не могли подняться наверх. Их пришлось вытаскивать.

Между тем значение этого способа передвижения постоянно росло, поэтому были введены специальные меры предосторожности. У канализационных люков была поставлена охрана. В зловонных туннелях инженеры проложили доски, прикрепили спасательные канаты, обозначили опасные места и поставили световые сигналы. Где было возможно, построили плотины, которые давали возможность контролировать движение нечистот. В узких проходах было установлено одностороннее движение, специальные патрули помогали людям, потерявшим дорогу.

Общая координация движения под землей осуществлялась через Лондон. Для сообщения с группой, находившейся в каких-нибудь трехстах метрах, мы должны были связываться с британской столицей. Дело в том, что у нас не было провода для телефонной связи, а коротковолновые передатчики, способные принимать сигналы от мощных радиостанций, не годились для местной связи. Множество сообщений посылалось из всех районов в Лондон, откуда их ретранслировали на Варшаву.

Однажды разведывательный патруль, посланный из Жолибожа для поисков более короткой дороги к центру города, проблуждал в подземном лабиринте 19 часов. Дойдя, наконец, до цели, люди оказались в колодце с захлопнутой крышкой. Не было никакой возможности поднять ее изнутри. Один человек ценой необычайных усилий вернулся в Жолибож и передал по радио в Лондон, чтобы в центральном секторе открыли все люки. Это было сделано,и люди выбрались на свет.

21. Штаб переезжает снова

Двадцать седьмого августа пришлось отправиться в подземный путь и моему штабу. Решено было перебазироваться в центр города.

В последний раз я окинул взглядом Старе-Място. Шесть веков труда, гения, мастерства польского народа обратились в дымящиеся развалины. Такова была цена нашего сопротивления врагу.

Было 11 часов вечера, когда мы спустились в колодец на площади Красинского, в двухстах метрах от немецких позиций. Войдя в узкий цементный ход, ведущий в туннель, я почувствовал, как от зловония на глазах выступили слезы. Я шагнул в канализационную трубу и очутился по пояс в зловонном потоке. Течение было таким сильным, что я едва устоял на ногах. Ухватившись за веревку, которую держал проводник,я протиснулся вперед, чтобы дать место спускавшемуся за мной.

Понадобился целый час, чтобы спустить всю нашу группу в туннель. С величайшей осторожностью пробирались мы под люками, расположенными на территории врага. Смрад затруднял дыхание. Когда кто-нибудь выбивался из сил, он дергал три раза за веревку. Тогда проводник останавливал всю группу. Нам предстояло пройти полтора километра — это должно было занять, если ничего не случится, не более пяти часов.

В темноте колонна двигалась, возглавляемая двумя солдатами, державшими автоматы над головой. Течение становилось все сильней, итти приходилось полусогнувшись, так как туннель в этом месте был высотой около полутора метров. Вдруг сзади раздался крик. Наша связная Бася поскользнулась, и поток увлек ее назад. К счастью, кому-то удалось подхватить ее и помочь встать на ноги.

Слава Богу, немного погодя уровень нечистот понизился. Но легче от этого не стало, грязная жижа под ногами сделалась гуще, смрад еще ужасней. На последнем отрезке пути я приказал зажечь сигнальную лампу. До выхода оставалось всего 200 метров, но мерцание голубой лампы как будто удалялось от нас. Казалось, этому не будет конца.

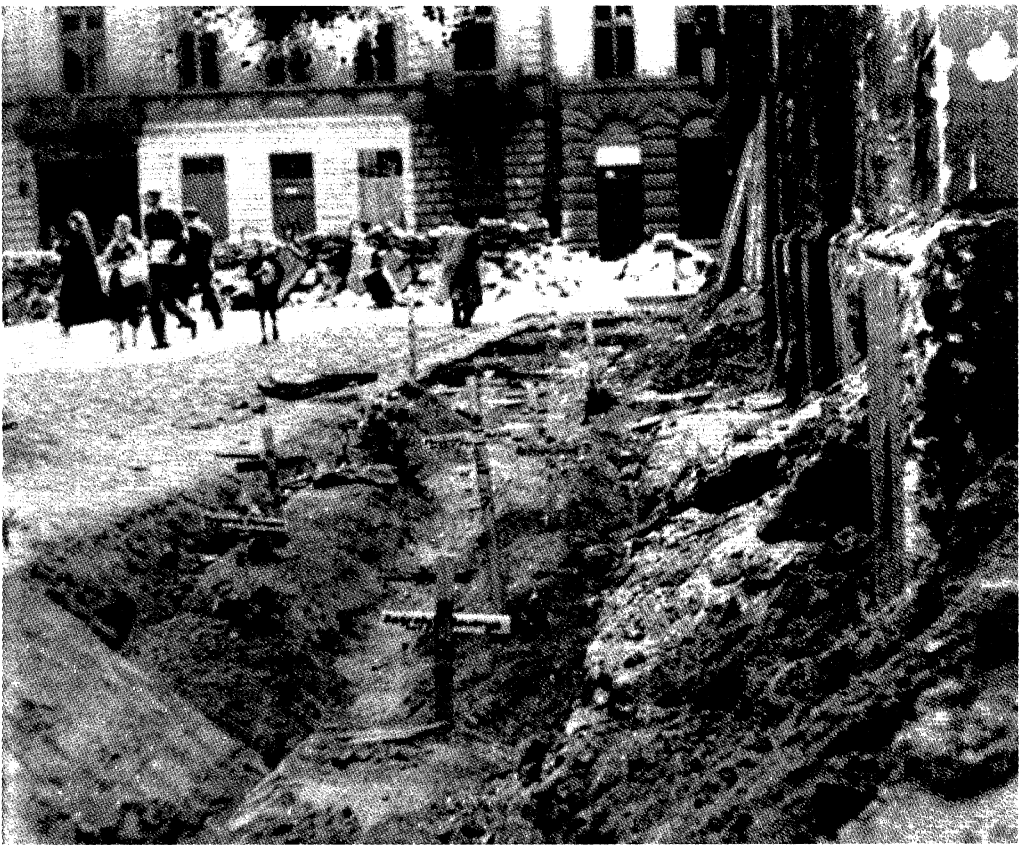
Наконец, мы кое-как выкарабкались наверх. Воздух опьянил нас. Мы шатались от головокружения. Солдаты, охранявшие люк, засыпали нас градом вопросов. Сильно ли разрушена Бонифратская улица? Цел ли такой-то дом на улице Длуга? Их семьи находились в Старом Городе.

22. Варшава. Саксонский сад

Странное впечатление производил центр города: мы чувствовали себя словно в другом мире. Дома стояли неповрежденными, даже оконные стекла в некоторых зданиях уцелели. Мостовые не были разбиты. Люди, кажется, еще имели возможность умываться. Словом, здесь как будто еще продолжалась мирная жизнь. Похожие на каких-то чудищ, мы двинулись в штаб-квартиру полковника Монтера. Нам был предложен роскошный подарок — по ведру воды. Оказалось, что и здесь вода была дорогим удовольствием: действовал только кран в подвале. Какое это было наслаждение — освободиться от нестерпимо пахнущей, изгаженной одежды и ненадолго прилечь.

Монтер рассказал о положении в городе. Недостаток продовольствия ощущался отчетливо. Почти все пекарни вышли из строя, хлеба должно было хватить только до восьмого сентября. Детская смертность была огромной. Началась эпидемия дизентерии, возникла угроза тифа.

Первейшей задачей, однако, было спасти защитников Старого Города — их осталось там полторы тысячи человек. Мой план состоял в том, чтобы атаковав противника с двух сторон, пробить коридор сквозь неприятельские линии. Эта операция, требовав-



Временные кладбища повстанцев.

шая тщательной координации между обеими частями наших сил, была назначена на ночь 30 августа.

Задача полковника Вахновского в Старом Городе была исключительно сложной. Нужно было незаметно отвести бойцов с передовых позиций и перегруппировать для прорыва. Вскоре мы узнали, что отвод войск вызвал панику среди гражданского населения. Толпы испуганных людей окружали солдат, шум и крики привлекли внимание немцев, и по опустевшим баррикадам был открыт огонь. С трудом удалось Вахновскому вернуть свои части на прежние места для отражения немецкой атаки. Лишь один батальон, не успевший вовремя получить приказ о возвращении, в условленный час атаковал немецкие позиции. Попытка прорыва не удалась, бойцы отступили под сильнейшим неприятельским огнем и были вынуждены искать убежища в канализационных туннелях. Без проводника люди потеряли дорогу и, добравшись до люка, вышли наверх в Саксонском саду — прямо к немцам. Командир принял смелое решение. Его солдаты были одеты в мундиры СС, захваченные в бывшем немецком складе. Передав шепотом приказ снять бело-красные повязки, он построил людей в колонну, впереди поставил четырех бойцов, хорошо говорящих по-немецки. Громко и уверенно отдавая приказы по-немецки, он промаршировал во главе своего отряда к польским позициям, которые находились на расстоянии двухсот метров.

По пути их остановил патруль. Ефрейтор-немец почтительно напомнил господину капитану о необходимости соблюдать полную тишину на марше, дабы не привлечь внимания поляков. Капитан спросил, где лучше пройти, чтобы не нарваться на мины. Дальнейшее движение происходило без инцидентов, но когда отряд подошел к польской баррикаде, его встретили огнем; один человек был убит, двое ранены. Никто не ожидал, что польская часть появится со стороны занятого немцами Саксонского сада.

23. Отступление

Все попытки освободить защитников Старого Города окончились неудачей. Оставался единственный выход – уходить под землей.

Это было одно из самых тяжелых решений, которые я принял в Варшаве. Привести в исполнение этот план значило оголить баррикады. Из подземного лабиринта назад дороги уже не было. Не говоря уже о том, что спустившись в туннель в таком количестве, бойцы рисковали обнаружить себя. Несколько газовых бомб, брошенных в канализационные люки, паника в темном туннеле – и ни один не выйдет живым.

Но другого выхода я не видел и приказал полковнику Вахновскому отступать через туннель. Как раз в этот момент немцы через парламентеров предложили осажденным заключить перемирие до полуночи, чтобы подобрать убитых. Вахновский ответил согласием, а тем временем отдал распоряжение приготовиться к уходу через канализационную систему.

В полночь на боевых позициях оставались лишь небольшие сторожевые группы. Тысяча пятьсот солдат Армии Крайовой один за другим, словно в братскую могилу, сошли в канализационную шахту на площади Красинского. Длинная вереница людей медленно двигалась по туннелю. Нельзя было останавливаться ни на минуту: наверху, у входа в колодец стояла очередь. И когда голова колонны достигла центра города, хвост все еще был на площади Красинского. Вместе с солдатами шли 500 гражданских лиц и 100 пленных немцев. В пять часов утра площадь покинул последний солдат. Затем охрана оставила баррикады и спустилась в люк вместе с командиром – полковником Вахновским.

Немцы, казалось, ничего не заметили. С восходом солнца, как всегда, загремела артиллерия, двинулись "Голиафы", танки, в полдень пошла в атаку пехота. Все как обычно. Но когда оказалось, что позиции пусты, немцы растерялись. Был дан поспешный приказ к отступлению: офицеры заподозрили ловушку. В это время польский арьергард во главе с Вахновским уже выходил из-под земли в центре Варшавы. Эвакуация прошла удачно.

24. Совет национального единства и два правительства

Теперь мой штаб находился в доме, отбитом у немцев, на расстоянии 800 метров от линии огня. Опыт научил меня, что чем ближе к фронту, тем безопасней: немцы не решались обстреливать зону вблизи своих постов.

Тут же неподалеку заседал Совет национального единства. Как представитель военной власти я посещал его каждый день. Под аккомпанимент канонады Совет обсуждал предложение Лондона включить в состав польского правительства коммунистов, – уступка, которая должна была, как надеялся премьер-министр Миколайчик, помирить нас с Советским Союзом.

Как относиться к коммунистам – на этот счет у нас не было разногласий. Польская коммунистическая партия рассматривалась не как организация, выражающая

интересы той или иной части народа, а как инструмент иностранного вмешательства. Введение членов этой партии в правительство не прибавило бы ему популярности. Но все понимали необходимость соглашения с СССР. Любое разумное решение, которое помогло бы восстановить дипломатические отношения между двумя правительствами и дало бы надежду на помощь большевиков, народ будет только приветствовать. Все члены Совета сходились на том, что коммунисты могут участвовать в правительстве. Но они были едины и в убеждении, что пять лет борьбы за свободное польское государство обязывают нас обеспечить его независимость в будущем.

Когда Миколайчик объявил о своей готовности отставить нескольких лиц, известных своей враждебностью к СССР, Москва неожиданно поставила его перед совершившимся фактом — создав Комитет национального освобождения, который переехал в Люблин и провозгласил себя правительством Польши. Теперь Советский Союз требовал — в качестве условия восстановления дипломатических отношений — включить представителей этого Комитета в польское правительство.

В дискуссиях Совета под грохот "Тигров", атакующих наши баррикады, противники уступок восклицали: "Можно ли вводить в правительство людей, которые слушаются только приказов Москвы, а на польской земле их поддерживает лишь Красная Армия, да еще советская тайная полиция? Хорошо, пустим их в правительство, а что дальше? Какое новое требование выставит завтра Советский Союз?

В конце концов, Совет национального единства согласился принять предложение Миколайчика. Мы надеялись, что уступка Советам спасет защитников Варшавы. Ничуть не бывало. Из Москвы пришел ответ: теперь они требовали переформировать лондонское правительство, чтобы четыре главные политические партии получили в нем по одному месту, а остальные 14 мест заняли члены просоветского люблинского Комитета.

25. Мы теряем Повисле

Я неустанно просил помощи воздушным путем, но уже не верил, что она придет. Артиллерия и "Юнкерсы" разрушили почти все наши склады. Второго сентября кончились запасы хлеба. На каждого бойца осталось 12 патронов. С гранатами, правда, было немного лучше.

Четвертого сентября была разгромлена электростанция. Радиосвязь с внешним миром прекратилась. Кроме того, гибель станции означала прекращение производства боеприпасов. Связистам удалось разыскать несколько бензиновых моторов, к ним подключили динамо, и подача электроэнергии возобновилась. Надолго ли?

Восстание продолжалось уже пять недель. С серой кожей, впалыми щеками, с глазами, налитыми кровью, люди выглядели угрюмо и страшно. И все ждали, когда начнется наступление Красной Армии.

На рассвете пятого сентября немцы открыли ураганный артиллерийский огонь по нашим позициям между центром Варшавы и Вислой. Было ясно, что они намерены отрезать нас от реки. Обстрел продолжался три дня. Затем — это было седьмого сентября — повстанцы увидели толпу женщин, которых нацисты гнали перед собой. Бойцы прекратили огонь. Поняв в чем дело, они возобновили стрельбу, целясь в немецких солдат, шагавших за спинами полячек, но было поздно. Женщины ложились на землю перед баррикадами; по телам лежащих немцы бросились вперед и прорвали линию нашей обороны. С наступлением темноты нам удалось остановить наступление, но район Повисле был потерян.

26. Русские пушки заговорили

И вот, наконец, 10 сентября из-за Вислы донесся грохот русской артиллерии. В небе появились советские самолеты. После перерыва в 41 день Красная Армия приступила к боевым действиям. Сомнений не было: русские готовились к наступлению!

Мы были уверены, что теперь-то командование Красной Армии примет меры к тому, чтобы установить с нами контакт. Я немедленно отправил послание маршалу Рокоссовскому, воспользовавшись восстановленной радиосвязью с Лондоном. Одновременно я отдал приказ полковнику Монтеру выделить патрули, которые должны были встретить русских и вступить в контакт с их командованием, как только передовые части Красной Армии достигнут восточного берега Вислы.

Усталость и неверие как рукой сняло. Люди выбегали из подвалов с радостными возгласами. Я чувствовал необычайное волнение. Между тем вермахт напрягал все силы, чтобы сломить сопротивление варшавян. Мы понимали, что гибель грозит нам в самый последний момент. Нужно было во что бы то ни стало удержать Мокотув и Чернякув – районы, которые могли стать предмостным укреплением для Красной Армии. Я послал в Чернякув последние запасы самодельных гранат и лучшую резервную часть. Отряд отправился туда по длинному и тяжелому подземному пути.

В который раз я послал в Лондон сигнал бедствия: мы остались без патронов. Я прибавил: "12 дней у нас нет хлеба". Мне ответили, что большевики вновь отказали американским летчикам в просьбе воспользоваться советскими аэродромами и что воздушная операция большого масштаба, с участием около ста "летающих крепостей", будет проведена через несколько дней.

27. Красная Армия занимает Прагу. Помощь с воздуха

По всем признакам наступление русских развивалось успешно. Вечером 12 сентября советские части заняли южную окраину Праги, и артиллерия начала обстреливать позиции врага на нашем берегу Вислы.

На другой день советские самолеты появились над позициями Армии Крайовой и сбросили извещение о предстоящей пробной доставке припасов. Они просили, чтобы цели были обозначены световыми сигналами в форме звезды. С наступлением темноты девушки-сигнальщицы были уже на местах, и помощь пришла – первая советская помощь: мешки с американскими консервами и ружейные патроны. Припасы были сброшены без парашютов, большая часть разбилась при падении.

В ту же ночь немецкий самолет сбросил мешки с бисквитами. К бисквитам был подмешан мышьяк. Мы догадались об этом лишь после многочисленных случаев отравления. Враг хотел внушить населению города, что большевики стремятся его погубить.

После этого советские самолеты сбрасывали грузы каждую ночь. Пятнадцатого сентября мы получили от русских два тяжелых пулемета, 50 автоматов, 11 гранатометов с пятьюстами гранатами и некоторое количество мешков ячменя. К несчастью, оружие, сброшенное без парашютов, снова было разбито.

Нужно сказать, что советский метод доставки грузов отличался от британского. Операции англичан длились не более 15 минут. Полеты русской авиации обычно продолжались всю ночь. Светящиеся цели привлекали неприятельский огонь, и росли потери среди сигнальщиц. И все же это было подлинное сотрудничество, моральный эффект которого был необычайно велик. Солдаты и весь народ преисполнились уверенности, что в ближайшие часы Красная Армия ворвется в город.

28. Надежды и разочарования

К 14 сентября армии Рокоссовского овладели большей частью Праги. Отступающие немцы уже взрывали мельницы, фабрики, собственные казармы.

В восемь часов вечера польские патрули услышали обращение, переданное по радио из Москвы от имени люблинского Комитета:

"Борцы Варшавы! Час освобождения героической Варшавы близок! Вашему страданию и мучениям скоро придет конец. Немцы заплатят дорогой ценой за развалины и кровь, пролитую в Варшаве. Первая польская дивизия имени Костюшко вступила в Прагу. Она борется плечом к плечу с героической Красной Армией. Освобождение идет! Продолжайте сражаться! Каковы бы ни были мотивы тех, кто начал борьбу преждевременно, без согласования с Верховным командованием Красной Армии – мы с вами всем сердцем. Продолжайте борьбу!"

Пятнадцатого сентября Прага была полностью очищена от немцев, и советские войска вышли на восточный берег Вислы. Лето 1944 года было сухое, вода стояла низко, так что передовые позиции русских находились совсем близко от нашего плацдарма в Чернякуве. Хорошо были слышны советские громкоговорители, призывавшие немецких солдат прекратить сопротивление. 14 и 15 сентября полковник Монтер послал две группы на восточный берег для связи с советскими частями.

Утром 16 сентября два советских офицера-парашютиста приземлились в нашем расположении на улице Вилча. Один из них, радист, упал с рацией на колючую проволоку и был смертельно ранен. Другой сообщил, что оба они прибыли от Рокоссовского для установления связи с АК. Полученные им инструкции запрещали ему давать какую-либо информацию; он должен был доложить советскому командованию обстановку в городе. Но его напарник был мертв, а его аппарат разбился. Все же техникам удалось исправить передатчик, и наша радистка передала сообщение разведчика, закодированное его собственным шифром, так что содержание сообщения осталось для нас неизвестным.

Мы продолжали борьбу. Каждый день Лондон ободрял нас обещаниями помощи, и каждый день операция откладывалась. Наконец, 17 сентября в эфире прозвучала условленная мелодия мазурки. Это значило: восемнадцатого сентября ждите между 11 и 12 часами дня.

Помощь с воздуха. Один из немногих парашютов с оружием и продовольствием, опустившихся на территорию повстанцев.

Восемнадцатого был ясный солнечный день. Сто "летающих крепостей" шли в четком строю, как на параде. Небо наполнил гул моторов, и за каждым самолетом развернулся шлейф парашютов. Немецкие зенитные батареи не могли поразить армаду, летевшую на большой высоте. Но именно это обстоятельство обернулось для нас тяжелой неудачей. Сбросить груз с большой высоты точно по назначению почти невозможно. Территория, которую мы удерживали, была слишком мала. Большая часть сброшенных припасов – продовольствия, патронов, всего, в чем мы так нуждались, упала в Старом Городе, Повисле и Воле, то есть в районах, которые находились в руках Армии Крайовой еще неделю назад.

29. Развязка

Между Прагой и Центром города была возможна телефонная связь, и я послал еще один патруль через реку, чтобы сообщить советскому командованию номера телефонов и условия подключения. Чтобы доказать свои добрые намерения по отношению к СССР и убедить русских, что мы не собираемся вести подпольную борьбу против Красной Армии, я раскрыл в письме свое настоящее имя, а также имена других польских командиров. Это был рискованный шаг, ведь советская пропаганда грозилась предать нас суду за "провокацию Варшавского восстания". Но и на это письмо мы не получили никакого ответа. Лишь несколько раз советские артиллеристы запрашивали по радио данные о немецких огневых точках, и мы, разумеется, сообщили им все, что знали.

В конце сентября немцы обрушились на наши позиции в Чернякуве и Мокотуве на берегу Вислы; позиции эти были расположены всего в нескольких стах метрах от советских частей. Они видели, как было подавлено отчаянное сопротивление наших бойцов. Но Красная Армия даже не пыталась воспользоваться этими подготовленными для нее плацдармами. Наоборот: мы вообще перестали получать от нее какую-либо помощь. Артиллерийская перестрелка через Вислу прекратилась. Вновь наступила угрюмая тишина.

Двадцать седьмого сентября, в день, когда мы узнали о разгроме наших сил в Мокотуве, я созвал заседание штаба и рассказал о безнадежных попытках связаться с советским командованием. Положение было катастрофическим. Уже к двадцатому числу резервы продовольствия были исчерпаны. Все лошади в Варшаве были съедены. Шла охота за собаками, кошками, голубями.

В городских госпиталях врачи оперировали раненых без наркоза, не было бинтов, для остановки кровотечения применялась бумага. Люди уже не обращали внимания на крики несчастных, заживо погребенных под развалинами; расчищать завалы не было сил. Возле нескольких уцелевших колодцев выстраивались километровые очереди. Немцы расстреливали их из минометов.

Мы решили в последний раз обратиться к маршалу Рокоссовскому. Я кратко описал ситуацию и довел до сведения советского командующего, что мы продержимся не более 72 часов. Если в течение этого срока мы не получим помощи или хотя бы обещания помощи, мы будем вынуждены прекратить борьбу. Советский радист подтвердил прием этого сообщения.

Двадцать восьмого огонь немецкой артиллерии и воздушные бомбардировки сосредоточились на районе Жолибожа. Весь день и всю ночь мы ждали ответа от командования Красной Армии.

Двадцать девятого мы получили ультиматум генерала фон Баха. В случае добровольной сдачи солдатам АК были обещаны права военнопленных. Мы все еще ждали ответа от Рокоссовского, и тогда немцы начали штурм Жолибожа. Помочь защитникам

было уже не в наших силах; я приказал им прекратить борьбу. Приказ был выполнен в 6 часов вечера 30 сентября. Советская сторона молчала. Вслед за этим началась подготовка условий общей капитуляции.

Во второй раз во время войны Варшава была принуждена склониться перед силой. В восемь часов вечера 2 октября условия сдачи были подписаны.

30. Покуда мы живы

В ночь со 2 на 3 октября 1944 года в разрушенной Варшаве воцарилась тишина. После 63 дней боев она казалась молчанием смерти. На рассвете бледные и обессиленные люди медленно вышли из своих подвалов. Женщины и дети несли остатки своего скарба, едва передвигая ноги. Все они по приказу немцев должны были направиться в сборный лагерь в Прушкове.

Бах пригласил меня прибыть в его штаб для обсуждения некоторых деталей капитуляции. Я отправился к нему в полдень 4 октября в сопровождении моего адъютанта лейтенанта Саса.

Генерал являл собой образец прусского офицера. Его манеры были надменны и самоуверенны. Его вежливость была искусственной. Он начал с комплиментов защитникам Варшавы, выразил сочувствие их судьбе. Далее он сказал, что ему понятны горькие чувства, которые каждый поляк должен испытывать к Советской России. Теперь-то уж не может быть сомнений в истинном отношении большевиков к Польше. Немцы и поляки стоят теперь бок о бок перед общим врагом. Вместе – против варваров с Востока.

Капитуляция. Слева – генерал Бур-Коморовский, справа – генерал Бах.

Я коротко возразил, что капитуляция частей Армии Крайовой в Варшаве не меняет взаимоотношений Польши и Германии, с которой мы находимся в состоянии войны с сентября 1939 года. Какие бы чувства мы ни питали к СССР, выражение "общий враг" неуместно. Враг Польши – это Германия.

Генерал стоял на своем: немцы совершили ряд серьезных ошибок в своем отношении к полякам, настало время их исправить, достичь взаимопонимания для совместной борьбы с Советами.

Я попросил Баха ограничить наш разговор целью моего посещения – выработкой условий эвакуации гражданского населения. Он предложил мне переехать на соседнюю виллу, чтобы вместе с ним решать все вопросы, касающиеся эвакуации; я отказался. Тогда генерал выдвинул последнее предложение: он хотел бы, чтобы перемирие в Варшаве распространилось на части АК, действующие на всей территории Польши.

Разумеется, я ответил отказом. Я сказал, что мы выполняли свои обязательства перед союзниками на протяжении пяти лет и не собираемся нарушать их накануне победы.

"Победа? – спросил генерал. – Чья победа?" По его мнению, я совершенно превратно представлял себе положение дел. Победа Германии абсолютно неизбежна. По-видимому, он как и многие, верил в секретное немецкое оружие, которое решительно изменит обстановку.

Я отвечал, что придерживаюсь другого мнения.

Мы распрощались весьма холодно. Я вернулся в Варшаву. Отправка бойцов Армии Крайовой в лагерь военнопленных была назначена 5 октября на 9 часов 45 минут.

Последние часы были самыми тяжелыми. Наша варшавская радиостанция заговорила в последний раз. Прерывающимся от волнения голосом диктор произнес:

– Два месяца мы были свободными людьми, а сейчас вынуждены возвратиться в плен. Но немцы не могут еще раз взять Варшаву. Варшавы больше не существует.

Оставались считаные минуты. Я запел национальный гимн – мазурку Домбровского. Солдаты и стоявший вокруг народ подхватили.

Jeszcze Polska nie zginęła
póki my żyjemy,
co nam obca przemoc wzięła
szablą odbierzemy.
Marsz, marsz Dąbrowski
z ziemi włoskiej do Polski
za twoim przewodem
złączym się z narodem.[1]

Затем началось шествие через развалины к вражеским укреплениям. Пока мы шли через баррикады и разрушенные улицы, священник, держа в руках крест и Святые Дары, благословлял нас. ●

Публикация воспоминаний генерала Т.Бур-Коморовского осуществлена при любезном содействии проф. Л.А.Юдовича.

[1] "Еще не погибла Польша, покуда мы живы. Что отняли вражьи силы, вернем себе саблей. Марш, вперед, Домбровский, от пределов Италии в Польшу. За тобою следом соединимся с народом."

ПОЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ В СМЕНЕ ВРЕМЕН

Два месяца и два дня кровавых боев, лишений и зверств фашистов против гражданского населения. В итоге – гибель почти 200 тысяч человек и уничтожение города.

Сорок лет продолжается спор. В нем участвуют историки, политики, журналисты, рядовые люди – по существу – все поляки. Было ли оправдано решение, принятое руководством Армии Крайовой, – вступить в бой? Чтобы взвесить все "за" и "против", следует вспомнить, каковы были основные цели Варшавского восстания.

Летом 1944 года практически стало ясно, что Германия проиграла войну. Ненависть к оккупантам, жажда возмездия были всеобщими. Злодеяния нацистского режима, преступления против польского народа, истребление евреев – укрепили всех в мысли о том, что день расплаты неизбежен и счет должны предъявить сами жертвы. Между тем видение близкой свободы затмила новая опасность. Преследуя немцев, Красная Армия в январе 1944 года перешла довоенную границу Польши. Было хорошо известно, что Москва не отказалась от территориальных приобретений 1939 г. Даже в период существования дипломатических отношений с лондонским эмигрантским правительством генерала Сикорского (30 июля 1941 – 24 апреля 1943), когда польские земли в границах до сентября 1939 года полностью находились в руках немцев, Сталин считал аннексию части польской территории раз навсегда решенным делом. После разрыва дипломатических отношений он домогался международного признания этих захватов. Что и было отчасти достигнуто в конце 1943 года на конференции "Большой тройки" в Тегеране. Все шло к тому, что независимо от мнения самих поляков восточные области страны отойдут к СССР.

Руководители польского подполья не хотели с этим мириться. Конечно, они понимали, что без поддержки западных союзников шансы на послевоенное восстановление государства в досентябрьских границах крайне сомнительны. Но речь шла не только о границах. Чрезвычайное беспокойство вызывало то, что вопреки своим

публичным заверениям Сталин явно готовился к тому, чтобы вообще лишить Польшу независимости. В Москве формировались группы агентов, главным образом из числа послушных Сталину польских коммунистов, и цель этой подготовки не оставляла сомнений: подчинить советскому влиянию будущее польское государство, оставив ему внешнюю видимость автономии, либо попросту присоединить все польские земли к СССР в виде очередной союзной республики, как это произошло перед войной с прибалтийскими государствами. Когда в июле 1944 г. было объявлено о возникновении марионеточного правительства, назвавшегося "Польским комитетом национального освобождения", стало ясно, что подготовка по крайней мере одного из вариантов идет полным ходом.

Уступки Черчилля и Рузвельта в Тегеране и действия Сталина и были причиной, побудившей руководителей подполья пойти

на шаг, который они считали единственно возможным в сложившейся ситуации. Решено было овладеть Варшавой до вступления в нее Красной Армии, с тем чтобы предстать перед ней хозяином города и на правах победителя заявить перед лицом всего мира о подлинных чаяниях народа. Начиная с 1943 года московская печать, а также издававшиеся в СССР польские коммунистические листки, прежде всего газета так называемого Союза польских патриотов, обвиняли подпольную Армию Крайову в пассивности, трусости, нежелании бороться с оккупантами. Раздавались даже упреки в коллаборационизме. Активная борьба с оружием в руках, организация всенародного восстания были единственной возможностью опровергнуть клевету, политическая цель которой, впрочем, была очевидна: умалить роль подполья, связанного с лондонским правительством, и раздуть значение левых групп, истинный вес которых в подпольной борьбе был близок к нулю.

С точки зрения национальных интересов восстание представлялось неизбежным и необходимым. Но завершилось оно военной катастрофой: смертью лучших, активнейших и наиболее патриотически настроенных молодых бойцов, крушением всех надежд и апокалиптической гибелью польской столицы. В итоге восстание не только не принесло ожидаемых политических результатов, но и лишило народ энергии, необходимой для сопротивления новой оккупации. Путь к господству навязанного Польше коммунистического режима был открыт.

Вот почему в независимых кругах польской общественности (об официальных марксистских толкователях и говорить не приходится) Варшавское восстание и его организаторов серьезно критиковали уже едва ли не с момента его поражения.

Условием успеха была помощь западных союзников, а также координация действий с приближавшимися к Варшаве советскими частями. На эту координацию прежде всего возлагались надежды повстанцев. Командование АК пренебрегло, однако, прежним опытом. А он говорил о том, что на серьезную помощь рассчитывать не приходится. Сталин справедливо полагал, что поражение восстания дискредитирует его руководителей и даст возможность руками гитлеровцев уничтожить значительную часть бойцов Армии Крайовой. Непростительной иллюзией было, таким образом, ожидать поддержки от решительного противника идеи свободной Польши. Дальнейшие события подтвердили это. Напомним, что весной 1945 года НКВД похитил 16 руководителей польского подполья во главе с фактическим командующим АК генералом Окулицким; они были доставлены в Москву и беззаконно осуждены. Можно напомнить также о преследованиях и массовых арестах бывших бойцов АК в первые годы коммунистической власти в Польше.

Иллюзией было и ожидание помощи от западных союзников, чье сотрудничество с Москвой, в особенности после Тегеранской конференции, не могло вызывать сомнений.

Существовала ли альтернатива? Да, существовала: отказаться от вооруженной борьбы. Другими словами, отказаться от независимости Польши. Столица была бы, по всей вероятности, спасена. Погибшие сохранили бы жизнь. Другой вопрос, примирились бы они с новой оккупацией. Скорее всего они бы остались в подполье и рано или поздно попали бы в руки НКВД или его польского аналога – "Службы безопасности".

Во всякой борьбе есть элемент риска. При очевидном неравенстве сил шансы повстанцев представлялись все же немалыми. Можно было ожидать, что учитывая серьезность общей военной ситуации, германское командование не бросит в тяжелые уличные бои слишком много частей, необходимых на фронте. Вспомним, что потери вермахта за 63 дня боев в Варшаве составли, по немецким данным, 17 тыс. убитыми и 9 тыс. ранеными. Со стратегической точки зрения подавление восстания такой ценой было бессмысленным. Следовательно, польские командиры имели основания рассчитывать на вынужденную сдержанность противника.

Оценки восстания в трудах польских историков противоречивы. Приведем два характерных высказывания. Ежи Кирхмайер ("Варшавское восстание", Варшава, 1959) считает, что восстание было ошибкой, ибо оно было направлено против советской политики. Другой историк, поляк, получивший образование в Англии, Ян Цехановский ("Варшавское восстание", Лондон, 1977) тоже склонен ду-

мать, что решение начать восстание было ошибочным, но его аргументация диаметрально противоположна: восстание, полагает Цехановский, противоречило интересам британской политики. До недавнего времени подобные утверждения были в общем довольно типичными. Положение, однако, изменилось после 1980 г. с развитием независимых подпольных публикаций в Польше: трибуна была предоставлена специалистам, которым цензура прежде закрывала дорогу к читателям. Вот что пишет, например, видный историк и публицист, бывший участник восстания Владислав Бартошевский:

"Редко думают о том, что наряду с учетом интересов различных блоков и государств — с каким бы уважением, симпатией или терпимостью к ним ни относиться, — мы имели и имеем право на собственную политику и даже на собственные ошибки. Кто-то весьма проницательно заметил, что Варшавское восстание (кто знает, может быть, на многие годы вперед) было последним суверенным актом прежней Речи Посполитой, решением, которое приняли поляки в интересах государственного существования Польши в длительной перспективе... Поэтому не проблема права или отсутствия права на решение собственной судьбы, на борьбу собственными силами за собственную столицу, может быть ключом к объяснению, почему к нашему решению подходят с одной меркой, а к действиям других, воевавших в других странах, — с иной меркой. Дело не в праве на то же самое решение, дело в ситуации более общего характера и более сложной" ("Размышления о Варшавском восстании", независимый общественно-политический ежемесячник "Глос", Варшава 1983).[1]

Наконец, приведем высказывание польского историка Тадеуша Лепковского ("Мысли об истории Польши и поляков", независимое издательство ЦДН, Варшава, 1983):

"Варшавское восстание, а также попытки вооруженных выступлений, предпринятые Армией Крайовой и гражданским населением в восточных районах Польши, были национально-демократической революцией.

Присмотримся прежде всего к Варшавскому восстанию. Часто говорят, что в военном отношении оно было направлено против немцев, а политически — против СССР и его ставленников. Это совершенно понятно, ибо восстание было национальной революцией, целью которой было завоевать независимость. Иначе и быть не могло. Было ли это восстание, подобно ноябрьскому,[2] революцией консервативной? Ответить на этот вопрос непросто, так как Варшавское восстание продолжалось недолго и закончилось поражением. Известно, однако, что в Варшаве в период патриотической повстанческой эйфории в городе била ключом политическая жизнь, что она была свободной, демократической, плюралистической. Публиковались политические документы самых разных направлений, не исключая коммунистических... Политическая свобода в борющейся Варшаве составляла резкий контраст с ее отсутствием в "освобожденном" Люблине. Августовская революция, не имевшая никаких шансов на победу, практически ограничилась Варшавой. Варшава пала под ударами немцев, покинутая бессильным Западом и "обескровленная на расстоянии" Красной Армией, которая равнодушно наблюдала за трагедией... В октябре 1944 года демократическая, борющаяся за независимость страны польская революция была разгромлена. Последующие три года — это лишь ее агония..."

Минуло сорок лет, но страсти не угасли, и печальная годовщина, которую мы сегодня отмечаем, лишь обострила их. Оценка этого события не может быть однозначной. Все согласны в одном: несмотря на множество ошибок, недостаточную компетентность, наивность, нравственное величие восстания неоспоримо. В исторической перспективе его значение возрастает. Тысячи молодых поляков, защищавших свободу страны и ее независимое существование, пожертвовали жизнью не напрасно.●

Михаил КОЛОДЗЕЙ

---

1 Автор статьи сопоставляет решение о Варшавском восстании с повстанческой акцией в Париже, предпринятой в это же время — в августе 1944 г. События в столице Франции изменили стратегические планы союзников: войска, наступавшие в сторону Рейна, остановились на полдороге, чтобы помочь восставшему Парижу. — Ред.

2 Имеется в виду польское восстание 1830—31 гг. — Ред.

"ПРАВДА" О ВАРШАВСКОМ ВОССТАНИИ

Пробравшись по подземному туннелю к Висле, герои фильма Анджея Вайды "Канал" видят сквозь канализационную решетку на той стороне реки бездействующие советские танки. Грозный молчаливый вопрос встает перед зрителем. Почему? Что случилось, почему могучая армия не пришла на помощь гибнущей польской столице? Этот же вопрос не оставляет нас при чтении книги Бур-Коморовского. Отвечает ли на него советская публицистика, советская историческая и мемуарная литература? И да, и нет. Начав в свое время с прямой лжи, с голословных отрицаний, авторы книг и газетных публикаций постепенно переходят к описаниям и рассуждениям, истинный смысл которых – желание оправдаться. Ответ, похожий скорее на попытку уйти от ответа. И хотя история еще не вынесла свой приговор, поведение обвиняемого выдает его с головой.

Первой реакцией советской стороны на события в Варшаве было молчание. Третьего августа 1944 г. газета "Правда" в привычно-торжественных выражениях рассказывала о продвижении Красной Армии: "Вал наступления докатился до предместий Варшавы". Одновременно сообщалось, что генерал-губернатор Польши Франк перенес из Варшавы свою резиденцию. О причинах этого перемещения ничего не говорилось.

Лишь одиннадцатого августа, на десятый день восстания на страницах центрального органа печати появляется первое упоминание о положении в польской столице. Это была перепечатка из английской коммунистической газеты "Дейли Уоркер", фактического лондонского филиала "Правды". Стиль этой заметки позволяет догадываться, что она была составлена в Москве или в советском посольстве в Лондоне.

Рассказы о боях в Варшаве, по мнению некоторых кругов, являются блефом, преследующим двоякую цель: если Варшава будет освобождена через несколько дней, лондонские реакционеры будут кричать, что своим освобождением Варшава обязана им, а не Красной Армии. Если же окончательное изгнание немцев займет больше времени, они будут кричать, что Красная Армия оставила польскую армию на произвол судьбы, когда та в конце концов пыталась добиться сотрудничества.

Перед этим "Правда" поместила сообщение о встрече И.В.Сталина с польским премьер-министром, называя его "г-н С.Миколайчик". Этому скромному наименованию подчеркнуто противопоставлялись громкие титулы советских ставленников, о встрече с которыми сообщалось отдельно:

Прием тов. И. В. Сталиным Председателя Польского Национального Совета г-на Б.Берута и Председателя Польского Комитета Национального Освобождения г-на Э. Осубки-Моравского.

Наконец, двумя днями позже в газете появилось первое сообщение ТАСС, о котором упоминает в своих мемуарах генерал Бур. Восстание было подвергнуто решительному осуждению, ему предрекали неизбежный крах. Советский Союз, писала "Правда", снимает с себя ответственность за исход "авантюры в Варшаве". Девятнадцатого августа (18-й день восстания) в статье К. Демидова "Алчин в роли адвоката польских эмигрантских авантюристов" сделана попытка обосновать нежелание помочь восставшим, так сказать, теоретически:

Были города, которые Красная Армия освободила прямым штурмом. Еще больше было городов, которые она освободила прямым маневром. Но не было ни одного большого города, который бы она освободила путем сочетания удара войск с восстанием населения города. Почему? Где причина? Потому, что только авантюристы, притом до крайности неумные, могут думать, что можно добиться успеха путем восстания плохо вооруженных людей в городе, переполненном немцами с их танками, орудиями, самолетами. Неслучайно не было примера таких восстаний на всем пути Красной Армии, да и других армий. Более того, Красная Армия всегда предостерегала против таких восстаний.

Вслед за тем наступила пауза; никаких известий о том, что происходит в Варшаве, в советской печати не появлялось. Восстание, не поддержанное Красной Армией, билось в предсмертных корчах. Накануне конца, 1 октября, "Правда" опубликовала заявления руководителей просоветских польских организаций на специально устроенной в Москве пресс-конференции. Главнокомандующий сражавшегося в составе Красной Армии Войска польского генерал М. Роля-Жимерский заявил:

На основании полученной нами информации мы установили, что генерал Бур на всем протяжении восстания не находился на территории Варшавы.

Эта ложь, очевидно, имела целью подтвердить версию о "провокационном характере" восстания. На конференции сообщалось о снабжении повстанцев советским оружием. Сбрасывание снаряжения без парашютов было представлено как новое слово в технике подобных операций: без парашютов приземление точнее. Задержка воздушной помощи, начатой лишь 13 сентября, оказывается, была вызвана тем, что позиции восставших не были точно известны.

Другой оратор, Ендриховский, говорил о передачах просоветской радиостанции имени Костюшко в конце июля 1944 г. на Польшу. Радиостанция призывала население к вооруженной борьбе, но оказывается,

это были призывы к партизанской борьбе, призывы к подготовке общего восстания. Однако это не было сигналом к началу общего восстания в городе.

В дальнейшем советская военная историография подхватила и продолжила эти самооправдания и встречные обвинения.

Первая группа доводов сводится к тому, что Советский Союз якобы не имел возможности активно помочь восставшим.

Оруженосцы "холодной войны" не раз заявляли, что советское командование сознательно остановило свои войска у стен Варшавы и тем самым обрекло восстание на гибель. Это могут проповедовать только недруги советского народа, не утруждающие себя исследованием положения и возможностей войск Красной Армии к моменту Варшавского восстания и не желающие считаться с фактами... Советские войска после длительного, сорокадневного наступления в условиях возросшего сопротивления противника не могли продолжать наступательные действия в высоких темпах и оказать немедленную помощь восставшим. Это было ясно даже немецкому командованию. Например, Типпельскирх пишет, что "восстание вспыхнуло 1 августа, когда сила русского удара уже иссякла..." Выполнение задачи затруднялось также и тем, что войскам Красной Армии предстояло бы при этом форсировать крупный водный рубеж — реку Вислу... О тяжелом положении 2-й танковой армии у Праги можно судить по ее потерям. В боях на польской территории — в районе Люблина, Демблина, Пулавы и на подступах к Варшаве — она потеряла около 500 танков и самоходно-артиллерийских установок. Не сумев из-за очень сильного сопротивления немецко-фашистских войск овладеть Прагой, танковая армия вынуждена была перейти к обороне и отражать контрудары.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, том IV, *стр. 244 (М. 1962)*

С выходом советских войск на подступы к Восточной Пруссии и на Вислу их наступательные возможности иссякли... В августе советские войска предпринимали большие усилия, чтобы продолжить наступление, но вследствие возросшего сопротивления противника смогли продвинуться лишь на отдельных направлениях. Среднесуточный темп наступления не превышал 1—3 км. В конце августа советским войскам был дан приказ прекратить дальнейшее наступление и перейти к обороне.

Вторая мировая война 1939–1945 гг., стр. 593 (М. 1958)

Бои носили тяжелый характер, и наступление развивалось медленно. В конце августа советские войска вышли к реке Нарев севернее Варшавы и захватили плацдарм в районе Сероцка, а южнее Праги форсировали Вислу, заняв плацдармы у Магнушева, Пулава и Сандомира. Бои за их расширение были ожесточенными, и в конце августа советским войскам пришлось перейти к обороне... Да будет известно, что к середине сентября в боях на польской территории войска 1-го Белорусского фронта потеряли убитыми и ранеными более 166 тысяч человек. Вот он, ответ предателям, посмевшим клеветать на советский народ, будто тот не протянул руку помощи своим братьям полякам!

С. Г. Поплавский, Товарищи в борьбе, стр. 166 сл. (М. 1974)

Ссылка на тяжелые потери – довод, который, разумеется, нельзя обойти вниманием. Нет оснований не доверять и другим сообщениям историков. Действительно, темпы советского наступления в августе 1944 г. падали, сопротивление немцев росло, помочь варшавянам было не так просто. Тем не менее очаг вооруженной борьбы в тылу врага создавал очевидные военные преимущества. Совет-

ские историки даже не пробуют объяснить: почему все-таки не было предпринято никаких попыток продвинуться вперед и соединиться со сражающимися в Варшаве польскими частями? Ведь единственная пехотная дивизия немцев на восточном берегу Вислы была отрезана и в течение нескольких недель не получала подкреплений. Почему же вал наступления, докатившись до Варшавы, внезапно застыл, почему замолкла артиллерия, прекратились действия авиации? Почему продвижение советских войск в августе продолжалось и севернее, и южнее польской столицы и лишь непосредственно перед Варшавой армия стояла, как вкопанная? Почему американским самолетам была запрещена посадка на советских аэродромах? Почему советское командование не откликалось на предложение поляков наладить радиосвязь через Лондон? Чем объяснить упорное молчание советских газет об антифашистском народном восстании в польской столице? Наконец, зачем понадобилось разоружать польские части, шедшие на помощь Варшаве?

И еще один вопрос, который неизбежно должен встать перед историком, коль скоро обсуждаются военно-стратегические аспекты советского наступления: каково было, собственно, соотношение сил под Варшавой? Совершенно очевидно, что дело было не в слабости и усталости Красной Армии. Спустя сорок лет все эти вопросы остаются без ответа.

Вторая линия доводов сводится к тому, что советские войска, напротив, оказывали повстанцам весьма серьезную помощь, а именно с воздуха.

С 13 сентября по 1 октября 1944 г. авиация произвела более 5000 самолето-вылетов и сбросила восставшим 156 минометов, более 500 противотанковых ружей, около 3000 автоматов и винтовок, 41780 гранат, 3 млн. патронов, 113 тонн продовольствия и медикаменты.

Советская военная энциклопедия, т. 2, стр. 23.

Советская сторона пыталась установить связь с восставшими:

По заданию Верховного к Бур-Коморовскому были посланы два парашютиста офицера для связи и согласования действий, но Бур-Коморовский не пожелал их принять.

Г. К. Жуков, Воспоминания и размышления, стр. 600 (М. 1969)

Этот эпизод, происшедший 16 сентября, упомянут в мемуарах генерала Бура (глава 28), из которых читатель без труда может видеть, действительно ли командир восставших "не пожелал принять" советских офицеров.

Наконец, был высажен десант. Как следует из воспоминаний генерала армии Штеменко, инициатива этой операции принадлежала самому Сталину. Принимая маршала Жукова, он сказал:

Разберитесь с Варшавой на месте и принимайте меры, какие нужно. Нельзя ли там провести частную операцию по форсированию Вислы именно войсками Берлинга... Задачу полякам поставьте лично вместе с Рокоссовским и сами помогите им организовать дело.

С. М. Штеменко, Генеральный штаб в годы войны, книга 2, стр. 97 (М. 1973)

Польская армия Берлинга, воевавшая в составе Красной Армии, представляла в этот период немалую силу.

Благодаря активной деятельности Польской рабочей партии общая численность Войска Польского достигла к концу 1944 г. 286 тысяч человек. Вооруженные силы имели в своем составе 10 пехотных дивизий, 1 кавалерийскую бригаду, 1 танковый корпус, 2 отдельные танковые бригады, 12 артиллерийских и одну минометную бригаду, 3 зенитных артиллерийских дивизии, 5 саперно-инженерных бригад, 4 авиадивизии.

Боевые действия народного Войска Польского 1943–1945 гг., стр. 32 (М. 1961)

На 1-ю армию тоже была возложена задача оказать помощь варшавянам. 2-ю и 3-ю польские дивизии усилили пятью артиллерийскими бригадами и минометным полком. Поддерживали их советская артиллерийская бригада, шесть артиллерийских дивизионов резерва Главного Командования и крупные силы авиации 1-го Белорусского фронта.

История Второй мировой войны. 1939–1945 гг., том IX, стр. 72 (М. 1978)

Для форсирования Вислы дивизиям придали три советских инженерных батальона особого назначения с плавающими автомобилями. Все это подтверждает, что намеченной операции придавалось большое значение. Форсирование Вислы началось ночью 16 сентября.

С. Г. Поплавский, цит. соч., стр. 162

После переправы через Вислу частей третьей польской пехотной дивизии им предстояло развить наступление в западном направлении вдоль Аллеи 3 мая для соединения с центральной группой повстанцев, удерживавших район почтамта, и в юго-западном направлении (обсерватория Бельведер) для соединения с южной группой восставших в районе Мокотува... В течение 16—19 сентября в Варшаву было переправлено до шести батальонов пехоты 3-й и 2-й пехотных дивизий. В боях за Вислой солдаты польской армии проявили героизм и самоотверженность. Однако противник, опираясь на мощную оборону, не позволял переправившимся подразделениям расширить захваченные плацдармы и образовать общий плацдарм. Одной из причин неудачи было также нежелание руководителей восстания допустить совместную борьбу повстанческих отрядов с польскими частями, сражавшимися на плацдармах. К 21 сентября противнику после контратак пехотой и танками удалось расчленить переправившиеся подразделения и лишить их взаимной поддержки. Обстановка на плацдармах оказалась настолько тяжелой, что командующий 1-й армией Войска Польского принял решение эвакуировать подразделения из Варшавы на восточный берег Вислы. К 23 сентября эвакуация была закончена с большими потерями.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, том IV, стр 245 (М. 1962)

Чтобы оказать помощь восставшим варшавянам, по заданию командования 1-го Белорусского фронта советские и польские войска переправились через Вислу и захватили в Варшаве набережную. Однако со стороны Бур-Коморовского вновь не было предпринято никаких попыток установить с нами взаимодействие. Примерно через день немцы, подтянув к набережной значительные силы, начали теснить наши части. Создалась тяжелая обстановка. Мы несли большие потери. Обсудив создавшееся положение и не имея возможности овладеть Варшавой, командование фронта решило отвести войска с набережной на свой берег.

Г. К. Жуков, цит. соч., стр. 600—601

Рассмотрим эту аргументацию. Очевидно, что воздушная помощь была ничтожной: 113 тонн продовольствия для 40-тысячной повстанческой армии — это снабжение на 2—3 дня, не говоря уже о гражданском населении Варшавы. Вес сброшенных боеприпасов и оружия также не превышал ста тонн, и если, как указывает Советская военная энциклопедия, для доставки их потребовалось более 5 тыс. самолето-вылетов, это говорит о том, что грузоподъемность участвовавших в полетах самолетов была крайне мала.

Трудно поверить, чтобы Бур-Коморовский — учитывая отчаянное положение, в котором находилась его армия, — отказывался от контактов с советским руководством. Но есть и объективный наблюдатель безуспешных попыток поляков вступить в связь с командованием Красной Армии: англичане. Из Лондона в Москву посылались неоднократные обращения Бур-Коморовского. Ответа не было. Совсем не случайным представляется и провал десантной операции. Шесть батальонов польской пехоты без поддержки танков и, судя по всему, без артиллерии были переброшены в район Повисле, захваченный к этому времени немцами. После 8—9 дней неудачных боев они были эвакуированы обратно за Вислу. В середине сентября, когда это произошло, Армия Крайова еще контролировала берег реки в Чернякуве и Жолибоже. Очевидно, что десантную операцию было намного легче осуществить на этих плацдармах, и даже один батальон хорошо вооруженных бойцов мог бы необычайно укрепить оборону повстанцев. А переброска двух дивизий, если она действительно планировалась (в чем можно теперь усомниться) полностью изменила бы соотношение сил. Как бы то ни было, командование Красной Армии не поставило в известность руководителей АК обо всей этой операции ни заранее, ни тогда, когда она уже началась: по крайней мере, ни один известный нам советский источник не сообщает, что Бур-Коморовский был информирован о ней.

Третья группа оправдательных аргументов — разоблачение руководителей восстания. Они-де устроили все это нарочно для того, чтобы всем было хуже, преследуя собственные корыстные цели. Этот мотив восходит к самому первому сообщению ТАСС (от 13 августа) и звучит уже 40 лет. Ограничимся здесь лишь одним высказыванием.

Поднимая варшавское восстание, не подготовленное в политическом и военном отношении, командование АК во главе с генералом Бур-Коморовским рассчитывало на панику гарнизона гитлеровских войск и фашистской администрации Варшавы, начавшуюся в связи с приближением советских войск и Войска Польского. В действительности же эти его действия лишь осложнили обстановку на самом важном участке советско-германского фронта.

История Второй мировой войны..., том IX, *стр. 71*

Действительно, "осложнили". Красной Армии пришлось остановиться, чтобы не дать возможности польской Армии Крайовой добиться успеха, не оказаться с ней в одном лагере. Об этом весьма откровенно Сталин писал Черчиллю 16 августа 1944 г.:

...Варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано, до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт. При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от Варшавской авантюры...

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. 1, стр. 257.

"Отмежеваться" означало прекратить военные действия против немцев на варшавском направлении, освободить им руки для разгрома восставших. Гитлер этим и воспользовался. Вот что писал варшавский губернатор Фишер своему начальнику генерал-губернатору Польши Франку:

Обергруппенфюрер фон ден Бах получил новый приказ — в течение этой войны уничтожить Варшаву, учитывая при этом перспективу строительства крепости... Вышеупомянутое передаю к вашему сведению, поскольку этот новый приказ фюрера об уничтожении Варшавы имеет огромное значение для дальнейшей политики в отношении Польши.

Архив Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений. Цит. по С. Поплавскому, стр. 165–166

Еще подробней изложил и обосновал эти соображения Гиммлер, выступая 21 сентября перед командующими округами и начальниками офицерских школ:

С исторической точки зрения факт организации поляками восстания является для нас божьим благословением. В течение пяти-шести недель мы покончим с ним. Тогда Варшава, этот очаг сопротивления, где находится цвет интеллигенции польского народа, будет стерта с лица земли. Не будет больше столицы народа, который в течение 700 лет блокирует нам Восток и который от первой битвы под Танненбергом постоянно стоит на нашем пути...

Я отдал приказ о полном уничтожении Варшавы. Приказ требует: каждый дом и каждый квартал должен сжигаться и взрываться.

(Там же)

Вернемся к вопросу, поставленному в начале статьи. Почему не пришла помощь? Почему были оставлены на произвол судьбы и погибли двести тысяч жителей польской столицы, а город превратился в груду развалин? Ответ на все эти и многие другие "почему" очевиден. Причина бездействия Красой Армии у ворот Варшавы – не военная, а политическая. Сталину не нужна была прежняя Польша, не случайно он категорически отказывался признать польское эмигрантское правительство; не нужны и вредны были любые сторонники польской независимости. И в душе он радовался, видя, как они гибнут. Ради этих высших соображений можно было поступиться военными преимуществами, которые создавало восстание поляков. "Гибель восставших была трагическим аккордом, с которым навсегда ушел из польской действительности старый мир". Такое признание сделала газета "Глос люду" – орган ЦК ныне правящей Польской объединенной рабочей партии. Справедливые слова.

Этот аккорд Сталин и Гитлер, как и в сентябре 1939 года, взяли в четыре руки. ●

С. М.

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Агентство Рейтер сообщает, что сегодня в 9 часов утра английский посол в Берлине уведомил германское правительство, что если оно до 11 часов 3 сентября не даст удовлетворительного ответа на требования английского правительства прекратить военные действия против Польши и отозвать свои войска с польской территории, то с этого часа английское правительство будет считать, что Англия находится в состоянии войны с Германией.

Агентство Трансоцеан по радио передает меморандум германского правительства, который был опубликован в ответ на английский ультиматум. В меморандуме говорится, что германское правительство отказывается принять ультимативные требования английского правительства.

Как сообщает агентство Рейтер по радио, Чемберлен сегодня заявил, что Великобритания находится в состоянии войны с Германией.

"Известия", 4 сентября 1939 г.

Части Красной Армии с утра 23 сентября начали движение к демаркационной линии, установленной Правительствами СССР и Германии, заняли гор.Стрый и Городок и вышли на рубеже западнее Белосток, Брест-Литовск, Ковель, Владимир-Волныский, Львов.

Продолжая операцию по очищению территории Западной Белоруссии и Западной Украины, части Красной Армии ликвидировали небольшие группы польских войск к северо-западу от гор. Гродно и к северо-востоку от крепости Брест-Литовск. По дополнительным сведениям, 22 сентября при ликвидации группы польских войск к юго-востоку от гор.Ковель захвачено в плен свыше 8 000 солдат и офицеров, 2 000 лошадей и несколько железнодорожных эшелонов с разным военным имуществом.

"Правда", 24 сентября 1939 г.

В течение 25 сентября части Красной Армии, продолжая выдвижение к демаркационной линии, заняли гор.Сувалки и Гониондз и вышли на Линию Сувалки, Гониондз, Сураж, Янов, Опалин, Буденка, Комаров, Лавриков, Подгайчики, Унятыче, Рыбник, Козиова. В Западной Белоруссии и Западной Украине продолжаются операции по очищению от остатков польских войск.

Оперативная сводка Генерального штаба РККА
"Правда", 26 сентября 1939 г.

Я много видел парадов в Москве на Красной площади. Эти парады, сила и мощь нашей армии меня глубоко волновали, но то что я увидел по дороге от Тарнополя до Львова, меня потясло.

Сухопутные дредноуты-гиганты, тысячи боевых машин, артиллерия всевозможных калибров... Прекрасно сказал один крестьянин: "Червона армада — ураган". Да, наша армия подобна урагану.

Александр Корнейчук
"Правда", 26 сентября 1939 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО И ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ

После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах.

По уполномочию Правительства СССР В.Молотов *За Германское Правительство И.Риббентроп*

"Правда", 29 сентября 1939 г.

Р. БАХТ

ЧУЖОЕ И СВОЕ

Послесловие к одному очерку

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил...
И раб судьбу благословил.
А. Пушкин

Человек сугубо городской, я с особым вниманием читаю деревенскую прозу. Не только потому, что мне интересны люди иного, далекого от меня мира, но и потому, что деревенская проза обладает удивительным умением показать крестьянина в системе всех его сложнейших связей с миром – экономических, социальных, психологических, просто человеческих.

При чтении порой кажется, что все, что можно сказать о деревне, уже сказано, что тема исчерпана. Ничего подобного. Последнее тому доказательство – очерк А. Рослякова "Чужое и свое" в первой книжке "Нового мира" за 1984 год.

"Богатый или бедный колхоз имени Ленина? С какой стороны посмотреть. С одной, вроде богатый, все у людей есть: и скотина, и парники, и телевизоры, автомобили у половины механизаторов. А с другой... С другой – у колхоза больше двух миллионов рублей долга государству. Как же так может быть?"

Первое ощущение – так это же прекрасно! Слишком хорошо мы помним время, когда было наоборот: колхозы-миллионеры – и голодные, нищие колхозники. Но стоит задуматься, и восторг тускнеет. Разумеется, хорошо, что у колхозника теперь есть не только хлеб, но и телевизор. Но откуда государство берет эти миллионы, – ведь колхоз имени Ленина, надо думать, не единственное убыточное хозяйство в стране?

Как известно, государство, даже если оно владеет землей, заводами и фабриками, само по себе ничего не производит. Производят люди. И следовательно, если оно кому-то дает больше, чем тот вырабатывает, значит кому-то другому недодает. Недодает рабочим, врачам, ученым, преподавателям. В этом смысле вопрос, который партийные демагоги любят задавать интеллигенции: "Чей хлеб едите?!" – звучит нелепо. Логически рассуждая, получается, что не интеллигенция, а крестьяне едят "чужой" хлеб...

Как же создалось столь странное положение? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться назад, к системе отношений, существовавших в советском сельском хозяйстве в 30–40-е годы. В ту пору, собственно, действовали две системы отношений: одна – между колхозом и государством, другая – между колхозом и членами колхоза.

О характере тех и других отношений в советской прессе и литературе сказано много звонких слов. Если, однако, оставить риторику и попытаться вникнуть в суть дела, картина получается такая. Колхоз, которому земля предоставлялась в "вечное и безвозмездное пользование", должен был не только возмещать государству все действительные и мнимые расходы (например, оплату услуг МТС), но и сдавать – по ценам, установленным государством! – зерно, молоко и так далее сперва в счет обязательных поставок, затем в счет "добровольных" поставок, вносить средства в фонд развития кол-

хозного хозяйства и т. п. Короче, это было нечто вроде оброка, но оброка на чрезвычайно невыгодных для колхоза условиях.

Обычно в результате всех этих оплат и поставок колхоз оказывался в долгу перед государством, в лучшем случае у него оставалось для расчетов со своими членами совершенно мизерное количество зерна и других продуктов. При делении (даже если было что делить) на один трудодень редко приходилось больше 100–200 граммов зерна – награда за труды чисто символическая. Ясно, что жить на такую "оплату" было нельзя, поэтому для прокорма колхознику предоставлялся небольшой приусадебный участок. Таким образом, работа в колхозе была откровенной барщиной, с той лишь разницей, что в роли помещика выступало государство, действовавшее через посредство колхоза.

Понятно, что людей, годами ничего или почти ничего не получавших за свой труд, можно было заставить работать в колхозе только насильно. Для этой цели существовала целая система средств принуждения: обязательный минимум выработки трудодней, уголовная ответственность за опоздание и невыход на работу, прикрепление к земле и пр. Система эта никогда не была эффективной, и ее относительная действенность определялась исключительно степенью насилия.

В период оттепели, последовавшей за смертью Сталина, стало очевидным, что работать бесплатно колхозники больше не будут. И тогда прежняя система барщины была заменена другой, которую условно можно назвать промышленной.

Суть промышленной системы проста. Процесс производства (скажем, выращивания хлеба) был разделен на ряд последовательных операций: обработка земли, сев, прополка, уборка урожая и т. д., причем для каждой операции были установлены нормы и расценки с учетом качества земли, характера используемой техники и пр. Предполагалось, что выполнение норм на каждом из этапов обеспечит общий высокий результат.

Все было учтено, кроме мелочи – специфики сельского хозяйства. Даже в промышленности два плюс два – не всегда четыре, а в сельском хозяйстве, где процесс производства растянут во времени, а все его элементы взаимосвязаны, где многое зависит от состояния земли, погодных условий и десятков других факторов, эта арифметика и вовсе неприменима.

Очерк Рослякова не оставляет на этот счет никаких сомнений. Люди работают. Наряды закрываются. Ставится рекорд за рекордом, кругом передовики, ударники, лауреаты. Только вот урожаев нет.

За деревню выйдешь летом —
Рожь, к примеру, у ручья.
Рожь... а ржи-то, брат, и нету...
Чья работа? А ничья.

В общем-то все ясно. Все понимают, что нынешняя система нелепа, что вознаграждение за труд должно быть естественным образом связано с его результатами. При частном владении землей примерно так и происходит: чем лучше урожай, тем выше прибыль. Но как создать такую связь в колхозе, где работают сотни людей, труд которых обезличен? Последнее слово в этой области – бригадный подряд, или так называемые безнарядные звенья. С мыслью внедрять эту новую и во всех отношениях прогрессивную систему и приехал в колхоз имени Ленина журналист А. Росляков.

В чем суть безнарядной системы? Цитирую: "Во главу угла ставится принцип: получать не за отдельные поэтапные работы (наряды), а за конечную продукцию. И полный хозрасчет: чем меньше средств затратили на производство, тем больше за продажу полученного продукта самим достанется. Выгодных и невыгодных работ тоже нет. Только нужные."

Не правда ли, краткое и толковое объяснение. Но если бы журналист писал не для современного, окончившего среднюю школу читателя, а для темного дореволюционного, он мог бы ограничиться одним словом: оброк. В самом деле, звено берет у колхоза землю в аренду, обрабатывает ее, засевает, оплачивает стоимость машин, удобрений и прочего, а полученный урожай делит в определенной, заранее оговоренной пропорции. Правда, с политэкономической точки зрения тут не все понятно. Например, почему за землю, отданную колхозу в безвозмездное пользование, колхозники обязаны еще что-то платить? Но не будем придираться. Ясно, что оброк лучше барщины и логичнее странной системы, при которой оплата вообще не зависит от результатов труда.

Способен крестьянин это понять? Конечно. Не так уж он наивен, этот современный сельский житель. И однако... "Все знают в Пермской области о преимуществах звеньев, но ни об одном полеводческом звене пока неизвестно." Почему?

Ссылки автора на недостаток инициативы звучат наивно. Зато превосходно описана сцена, когда он пытается убедить членов бригады в преимуществах новой системы. "Мне думалось, я приеду, заговорю, буду убеждать несогласных, готовился к возражениям... Но тут сама атмосфера такая, что просто физически тяжело открывать рот, чтобы сказать что-то по поводу этого "чужого" дела на "чужой" земле".

И дальше:

"Я в двух словах объяснил суть безнарядных звеньев. На секунду все притихли, с любопытством повернулись ко мне, но любопытство это, видно, относилось больше к самому случаю, что вот пришел кто-то чужой и что-то такое говорит, чем к смыслу моих слов.

И никакого вопроса, возражения, никакой вообще реакции не последовало. Ответил только Плешков (бригадир. Р.Б.):

– Звено? Ну да, знаю... Нет, у нас это не получится.

Тут вошел кто-то с улицы с делом до него, на этом разговор и окончился. И интерес остальных, чуть было вспыхнувший на минуту, тут же потух..."

Нет нужды объяснять (Росляков этого и не делает), как вышло, что земля, с такой щедростью отданная государством крестьянам, стала для них чужой. Но почему стало для них "чужим" дело оплаты их труда, – ведь работают же люди всюду в мире на "чужих" фермах, заводах, фабриках?

Нет, речь идет не просто о том, кому принадлежит земля, а о чем-то несравненно более сложном и болезненном. Десятилетиями из крестьянина выбивали чувство хозяина, отучали его понимать значение своего труда, наконец, отучили от простого здравого смысла. Надо ли удивляться, что теперь он испытывает заведомое недоверие к любому мероприятию властей, попросту не верит, что эта нелепая власть способна изобрести хоть что-то разумное...

Потребовалось сочетание целого ряда исключительно благоприятных условий, чтобы эксперимент все-таки удалось осуществить. Среди них: настойчивость Рослякова (для районного начальства журналист из Москвы – "власть"), помощь и поддержка председателя колхоза, наличие в колхозе молодых и работящих мужчин (большая редкость), очевидные материальные выгоды, которые сулил опыт. Но, пожалуй, главную роль сыграли все же человеческая порядочность и здравый смысл: не мог крестьянин мириться с тем, что деньги ему платят "просто так" – не за выращенный хлеб, а за то, что трактор выполнил такую-то норму, пробежав по полю столько-то квадратных километров.

Первые результаты эксперимента были ошеломляющими: звено из семи человек (только этих семерых и удалось уговорить) засеяло на 100 гектаров больше, чем бригада в 24 человека. И это еще не все. За звеном было закреплено пять тракторов, за бригадой – девять (правда, в звене тракторы работали, а у бригады стояли). Но самое главное, на второй год звено собрало по 19 центнеров зерна с гектара – в то время как средний урожай по району составлял 13 центнеров. А это уже не абстрактные показатели вспашки или сева для отчета и показухи; это – хлеб.

Причина успеха безнарядной системы кажется очевидной: материальный стимул или, проще говоря, желание побольше заработать. Однако нахальные факты не укладываются в эту общепонятную схему.

Начать с того, что механизаторам (в числе семерых членов звена) выигрыш в заработке вовсе не был гарантирован. Скорее наоборот. В бригаде, работая ни шатко, ни валко, они знали, что получат не меньше 250–300 рублей в месяц, даже если весь урожай сгорит. При новой же системе было много рискованного: а вдруг земля не уродит? Вдруг колхоз не выполнит соглашения? Или изменятся условия оплаты? Соображения достаточно серьезные.

Сразу же скажем, что худшие опасения оправдались. В первый год лето выдалось сухое и жаркое – все сгорело. Вышло по 8 с чем-то центнеров с гектара. "В сравнении с другими отделениями, с районом – даже больше, но для звена – ноль, ничто, аванс не окупается."

"В бригаде, – замечает далее Росляков, – получали свои твердые 250–300 и с ехидцей посмеивались над звеном, вроде и сама стихия была на их стороне. Им-то совершенно все равно было, хоть печет, хоть каплет..."

Выручил председатель – вот что значит поддержка! Хотя прибыли не получилось, трактористам все же доплатили – соответствующие статьи нашлись. Это было справедливо: если колхоз годами платил ни за что, то грешно было не заплатить за работу..."

Оправдалось и второе опасение. В следующем году, когда звено получило свои рекордные 19 центнеров с гектара, в среднем вышло у них за лето по 200–250 рублей. "У некоторых еще меньше, чем без звена, когда вдвое большим числом в полтора раза меньше урожай собирали". Кстати, в той же бригаде зарплата была куда выше – до 350 рублей в месяц.

Как же так получилось? Да обыкновенно. В бухгалтерии порвали прежний договор, составили новый и "велели расписаться".

"Вот тебе и договорное начало! – возмущается очеркист. – "Велели расписаться!" После уборки! Да это же насмешка – и над звеном, и, что горше всего, над тем ростком доверия, который не успел взойти, как тут же угодил под шальную руку вездесущей бухгалтерии".

На сей раз и председатель был бессилен.

"– А что поделаешь? Нельзя с районом ссориться, все равно с ними жить потом. Кредиты пока ихние, в колхозе денег нет. Долг давит!

О господи! Какой горькой иронией оборачиваются здесь, на низу, слова о самостоятельности и инициативности, дарованных щедрой рукой моему неугомонному председателю! Дать-то дали, но дали одновременно и тех, кто не допустит этой самостоятельности никогда."

Пришлось самому Рослякову ехать в область. То ли начальник попался на удивление толковый, то ли сработал авторитет журналиста из центра, но вернулся он с победой: заработанные деньги звено, наконец, получило...

Нет, нужно было быть уж очень наивным человеком, чтобы отказаться от твердой оплаты, прельстившись такими вот "материальными стимулами". По-моему, дело в другом. Безнарядная система привлекла людей, не всех, конечно, но хотя бы тех семерых, кто не до конца утратил желание работать, – привлекла своей естественностью. В мире кривых зеркал, искареженных и вывернутых наизнанку понятий вдруг возник островок нормальных человеческих отношений, где работа – это работа, а не игра в показатели, где между трудом, его результатами и оплатой существует не мистифицированная, а естественная связь. Природный крестьянский здравый смысл сразу же уловил эту связь. Ради того, чтобы пожить в этом нормальном мире, стоило рискнуть заработком...

Так что же, безнарядные звенья – это и есть та палочка-выручалочка, что поможет советской власти наконец-то вывести сельское хозяйство из тупика, в который загнала его колхозно-совхозная система? Похоже, сам автор очерка в это не верит. Правда, по необходимости выражается он сугубо осторожно, но мысль ясна. Оказывается, в своей деятельности звенья столкнулись с "объективными причинами". "Да, столкнулись всерьез, не разведешь. Если раньше эти "причины" даже как бы жить помогали, когда одному партнеру хорошо было другим отговориться, то теперь партнер – колхоз – по понятной причине так уж не может. Значит, надо и другим перестраиваться. Без хорошей работы на полях, ясно, хлеба не будет. Но и просто взять эту хорошую работу, что называется, в одностороннем порядке, этаким безвозмездным сюрпризом, тоже не получится."

А чего стоит такой, к примеру, диалог автора с главным экономистом райсельуправления Муртазиной. Она:

"– У вас на этом хозрасчете каждый год звено будет в долгу оставаться.

– А у вас дальше колхоз разоряться.

– Ну и что, колхозы и так все убыточные."

Куда же дальше? Если все колхозы убыточные, то зачем они? И какой вообще смысл при безнарядной системе в существовании этой промежуточной инстанции между владельцем земли – государством и человеком или группой людей, которые берут участок земли в аренду на условиях оброка? А никакого.

В очень интересном эксперименте участвовал московский журналист Росляков. Эксперимент еще раз подтвердил старые (хоть, увы, и полузабытые) истины. Например, что сельское хозяйство имеет свою специфику, что оброк лучше (легче и эффективнее) барщины, что нормальные экономические отношения выгоднее искусственных административных...

Но можно ли считать систему отношений, основанных на оброке, идеальной? Нет, конечно. Даже в пушкинские времена ее достоинства были относительны – лишь по сравнению с барщиной. С тех пор на практике было испытано множество систем землепользования. Самой эффективной оказалась самая простая: небольшая ферма на участке земли, принадлежащей одной семье.

Говорят, что для России, прошедшей через колхозно-совхозное производство, этот путь исключен, что колхозники давно утратили любовь к своей земле, разучились быть хозяевами. Но вот свидетельство Рослякова – человека если и пристрастного, то уж никак не в пользу частной собственности. Вспомним, кстати, что его очерк так программно и называется: "Чужое и свое".

"Вот она, китайская стена, разделяющая все на две части: свое и чужое. На своем что хочешь вырастет. Тут палкой пахать будут, все равно взойдет. Здесь, в суровом климате Предуралья, зайдешь на огород – какие огурцы! какая клубника! О картошке

я уже не говорю. А там, на чужом, — агрономия, техника, удобрения, мелиорация, что до картошки, так хотя бы из-за того, что в севообороте, а не по одному и тому же месту садится, как у себя, — вдвое должно расти. Но не растет. А если бы, представьте, и то свое было? Со всеми чудо-тракторами, науками и прочим?"

В этих беглых заметках я коснулся далеко не всех моментов, содержащихся в интереснейшем очерке Рослякова. Приведу напоследок такой поразительный факт: средняя урожайность картофеля в колхозе — 50 центнеров с гектара, а вот школьники, которых первый раз послали на картошку, дали 150.

Нужны еще факты? По-моему, нет. Остается лишь подчеркнуть, что очерк напечатан не в "Континенте" и не в "Посеве", а в "Новом мире". Как говорили в старину: для понимающего — достаточно. ●

Дмитрий ШЛЯПЕНТОХ (США)

А ВЫ, ДРУЗЬЯ, КАК НИ САДИТЕСЬ...

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ О ПОЛОЖЕНИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Нельзя сказать, что руководители СССР не заботятся о том, чтобы обеспечить народ продовольствием. Тем не менее проблема села превратилась в неразрешимую задачу: каждый новый вождь в начале правления решительно берется за нее и в конце концов убеждается, что ничего сделать не удалось.

Андропов находился у власти столь краткое время, а Черненко пришел так недавно, что их деятельность приходится оценивать не столько по результатам, сколько по намерениям. Но и это представляется достаточно интересным; знакомство с советскими газетами и журналами за последние два года помогает понять, какие проблемы, по мнению нынешнего правящего аппарата, стоят перед сельским хозяйством и какими средствами он собирается их решать.

РАБОЧАЯ СИЛА

Бегство из деревни — постоянная тема печати. Не хватает людей для полевых работ, для ремонта техники, даже для доения коров ("Правда", 27 июля 1984). Авторы статей пытаются понять характер этого явления; большинство согласно, что прежние, ставшие шаблонными аргументы тут не подходят.

Еще недавно главной причиной миграции рабочей силы из села в город считались более высокие заработки горожан. Но сейчас разница заметно сократилась, а миграция продолжается. Приходится искать другие объяснения.

Прежде всего, рост зарплаты — отнюдь не гарантия соответствующего роста жизненного уровня. Например, в Сибири трактористы порой зарабатывают до 500 рублей в месяц ("Известия", 28 мая 1983), но отражается это главным образом на размере вкладов в сберкассах. Газета приводит случай, когда один сибирский совхоз не смог получить вовремя деньги из банка. Чтобы выйти из положения, директор занял их у одного служащего. Занял столько, что смог выплатить месячную зарплату всем работавшим в совхозе. При повышенном спросе на рабочую силу сельские жители не слишком дорожат своим рабочим местом. Бывают случаи, когда люди отказываются от высокооплачиваемой, но трудной или грязной работы, предпочитая ей не столь прибыльную, но менее утомительную. Причина проста: деньги не на что тратить. Даже приобретение "телеги"

(автомобиля) в иных районах не приносит радости: по деревенскому бездорожью далеко на этой телеге не уедешь.

Один из способов решения проблемы рабочей силы в деревне — принудительная помощь горожан. На городское предприятие возлагается ответственность за выполнение плана в подшефном колхозе или совхозе. Заводы, фабрики и учреждения вынуждены посылать своих работников на поля и фермы, сохраняя за ними зарплату по месту основного производства. Лет десять назад эта практика вызывала безусловное одобрение, в ней усматривали стирание различий между городом и деревней, ростки коммунизма. С тех пор она росла и ширилась, но в последнее время печать относится к ней заметно сдержанней. Во-первых, высказываются опасения, что деревня привыкает к своеобразному паразитизму. "На селе доводилось слышать упреки в адрес шефов: не так, как ожидалось, помогли, вот и результаты прихрамывают" ("Известия", 25 ноября 1983). Во-вторых, себестоимость продукции оказывается огромной. Так, сотрудники одного московского института, брошенные на картошку, продолжали получать на службе по 400 рублей в месяц ("Правда", 2 февраля 1983). Порой создается ситуация, когда рабочие только формально числятся на предприятии, а на самом деле чуть ли не круглый год находятся в деревне ("Литературная газета", 20 апреля 1983; "Наш современник", 6, 1982). Иногда подобная специализация рассматривается как положительное явление. "Если раньше завод посылал на уборку "своих" 75 гектаров картофеля 30—40 человек, то сейчас вдвое меньше, но каждый из присланных поистине двоих стоит — по три-четыре сельских специальности у каждого" ("И к селу, и к городу", "Известия", 25 ноября 1983).

ЖИЛЬЕ

Многим авторам кажется, что лучший способ прекратить утечку людей из деревни — улучшение жилищных условий.

Слово "новоселье" мелькает в заголовках статей, очерков, репортажей: "Пошехонские новоселья", "Огни новой улицы", "Пожал мне руку новосел", "Ждет село новоселов" и т. д. Считается, что благоустроенное жилье и культурно-бытовые учреждения могут без труда решить все проблемы, связанные с нехваткой рабочих рук. Вот, например, замечательная белорусская деревня Семежево, "деревня, из которой не уезжают" и о которой то и дело пишут в центральных газетах. "Здесь повсюду асфальтированные улицы, чистенькие тротуары..., добротные жилые дома со всеми необходимыми хозяйственными постройками, подворья, где скот и разная птица. Первоклассная больница. Современные магазины, комбинат бытового обслуживания. Отличный детский сад. Столовая, гостиница. Везде порядок, рачительность, основательность" ("Известия", 4 декабря 1983 ; "Правда", 13 июня 1984). "Клубы, врачебные пункты, жилые дома с большим комфортом можно создать" и в деревне, и там будет "житься не хуже, а даже лучше, чем в городе: ведь их окружает прекрасная природа" ("ЭКО", 5, 1984, стр. 51). Вместе с тем попытка перейти к городским условиям жизни путем укрепления деревень, создания агрогородов — сегодня решительно отвергается. Она лишь стимулирует исход из деревни. Вместо того, чтобы из деревушки переселяться в крупное село, жители деревни направляются прямо в город. Вывод: неперспективных населенных мест нет — жить можно и нужно везде ("Малому поселению жить", "Литературная газета", 30 мая 1984).

А вот сколько замечательных учреждений может разместиться в пустующем Доме животноводства: "красный уголок, душ, буфет (60 копеек стоит в нем сытный обед, 30 из них доплачивает совхоз), зал для проведения занятий и собраний животноводов, лечебная сауна, медицинский процедурный кабинет..." ("Сельская жизнь", 29 ноября 1983).

Но одних материальных стимулов недостаточно, и печать призывает к созданию нравственных традиций, формированию у молодого поколения уважения к сельскому труду. Предлагается возродить похвальные сельские обычаи ("первый сноп, сжатый по обрядовой традиции женскими руками"), демонстрировать "заботу о старшем поко-

лении тружеников", усилить воспитательную работу в школе и пр. ("Сельская жизнь", 24 декабря 1983; "Учительская газета", 19 мая 1983). В 1983 году на страницах газет была развернута специальная пропагандистская кампания под девизом "семейные узы". Юношам и девушкам объясняли, что уезжая из родной деревни, они теряют связь с родными, оставляют в одиночестве отца и мать, что им грозит потеря корней и неисцелимая ностальгия. Предполагается, что эти рассуждения помогут удержать молодежь в деревне. Правда, более скептически настроенные авторы намекают, что проблема закрепления молодежи постепенно теряет актуальность — закреплять уже некого ("Труд", 13 февраля 1983; "Советская Россия", 17 мая 1983).

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Существует другое решение. Еще в конце правления Брежнева возникла тема самообеспечения горожан продуктами питания. На пленуме ЦК в мае 1982 г. говорилось, что Продовольственная программа — дело каждого человека и каждого коллектива. Предприятиям, учреждениям, школам, да и отдельным гражданам следует свести к минимуму зависимость от централизованных поставок (читай: покупки в магазинах) и перейти на самообеспечение. В оптимальном варианте им предстоит не только обеспечивать себя, но и сдавать излишки государству. Крылатая строчка нашего великого поэта: "Землю попашем — попишем стихи" на наших глазах неожиданно получает реальное воплощение. Полковник Шенин публикует на страницах "Красной звезды" (10 января 1984) статью под несколько претенциозным названием "С думой об урожае". О чем он размышляет? О том, почему Дальневосточный, Забайкальский и Уральский военные округа не выполнили план по производству зерна, картофеля и овощей. Его беспокоит подготовка к севу в сельскохозяйственных предприятиях (военных совхозах) Тихоокеанского флота и Закарпатского округа. Одновременно в "Правде" директор крупного завода рассказывает, как ему удалось добиться высокого привеса свиней (обнаруживая при этом прекрасную осведомленность в вопросах животноводства), просит выделить ему подходящую технику и настаивает на том, чтобы сельскохозяйственная продукция была учтена в общем производственном плане предприятия.

Начальник тыла вооруженных сил маршал С. К. Куркоткин собирает Всесоюзное совещание по вопросу "дальнейшего развития сельскохозяйственных предприятий" ("Красная звезда", 2 марта 1984). Шахтеры Кузбасса разводят овец, а металлурги Западной Сибири в бывших производственных помещениях, используя плавильные котлы, разводят форель и осетровых рыб, выращивают в теплицах сотни тонн огурцов, держат около 4000 свиней и 300 пчелиных ульев ("ЭКО", 6, 1984).

К созданию подсобных хозяйств призываются не только коллективы, но и отдельные граждане. Выясняется (на 67 году советской власти), что частное хозяйство обладает высокой продуктивностью. Газета "Труд" (20 января 1983) сообщает читателям о районе, где в личном владении граждан находится всего лишь два процента обрабатываемой земли, но на них производится 60 процентов овощей, половина урожая картофеля и больше половины всех собираемых в районе фруктов. Автор статьи предлагает всемерно поощрять подсобные хозяйства и приводит множество убедительных примеров их высокой эффективности.

В некоторых областях колхозы раздают гражданам молодняк для выращивания и снабжают их для этого кормами. Дабы привлечь колхозников к сдаче продуктов в потребительскую кооперацию, практикуется поощрение такими экзотическими дефицитными товарами как американские джинсы и японские транзисторы. Но неплохо заработать можно и не прибегая к посредничеству кооперации. Так, 93-летний старик, возделывая крошечный участок в одном из северо-восточных районов страны, получает ежегодно доход в размере 4—5 тысяч рублей. Спрос на его продукцию так велик, что нет необходимости везти ее на рынок, покупатели сами приезжают к нему домой ("Дальний Восток", 1, 1983).

Правда, владельцы приусадебных участков сталкиваются с серьезными трудностями. Все приходится делать вручную. Даже если им разрешат покупку сельскохозяй-

ственной техники и лошадей (многие авторы относятся к этой идее положительно: "Оставьте лошадь семье Пилипенко...", "Литературная газета", 7 марта 1984), большинству это будет не по карману. Частники страдают от бюрократического произвола. У них нередко отбирают скот для обязательных поставок в счет плана колхоза, отбирают сено, а газета "Труд" (15 февраля 1983) описывает такой случай: по распоряжению председателя была снесена теплица, принадлежащая колхознице. Основание? Теплица отвлекала ее от работы на колхозном поле.

ТРУДОВАЯ ДИСЦИПЛИНА

Укрепление дисциплины — ключевое слово, новая идея, которую принесло с собой недолгое правление Андропова. Вся центральная и местная печать дружно бросилась клеймить нарушителей в городе и на селе. Оказывается, частенько шефы, прибывшие из города, погружаются в беспробудное пьянство и если пашут землю, то разве что "носом". Не лучше ведут себя студенческие отряды. Наконец, и сами сельские жители как будто "отбывают трудовую повинность" ("Крокодил", март—апрель 1983). Попытки объяснить низкую трудовую дисциплину порой плохо согласуются с официальной доктриной развитого социализма. Например, выясняется, что в сознание жителей села проникает (сегодня!) капиталистическая идеология. Раньше деревенский житель просто любил землю и работал на ней, даже если она не приносила ему больших доходов. Теперь он стремится главным образом "хорошо заработать". В качестве примера приводится даже целая республика — Армения. Прежде крестьяне почти не сажали цветов, понимая, что земли мало и ее нужно использовать для основных сельскохозяйственных культур. А сейчас? Жители армянской деревни выращивают доходные цветы и забросили свои виноградники. Но не лучше обстоит дело и в Центральной России. Сельские парни, забросив традиционные профессии, занялись изготовлением сувениров, которые дают возможность зарабатывать 500 рублей в месяц ("Наш современник", 6, 1982). Можно добавить, что это напоминает даже не капиталистическую, а докапиталистическую психологию.

Впрочем, далеко не все журналисты столь примитивным образом толкуют эти и подобные им явления. В прессе встречаются статьи, где утрата крестьянином интереса к земле и результатам своего труда объясняется именно отменой частной собственности. Конечно, говорить об этом прямо нельзя. Но отсылки к доброму старому времени достаточно красноречивы. Говорится, например, что хороший хозяин никогда не лег бы спать, не покормив лошадь (а когда это, спрашивается, была лошадь у хорошего хозяина?!).

Можно встретить и прямые признания, что двадцатые годы (НЭП) были временем высокой личной активности и трудовой дисциплины; предприимчивость крестьян автор сравнивает с энергией золотоискателей Клондайка ("Крокодил", 10, 1983). Главную причину падения трудовой дисциплины печать единодушно усматривает в гарантированной оплате труда, в том что заработок не зависит непосредственно от производимого продукта. По-видимому, эту точку зрения разделяет сегодня советское руководство.

Выход из положения как будто найден — создание производственных подразделений, оплачиваемых по конечным результатам труда, — "бригадный подряд". Вот несколько выбранных наугад, но типичных газетных заголовков: "Хозрасчет и подряд", "Подряд и севооборот", "Учет — компас хозрасчета", "Оценивает конечный результат", "Подряд крепок дисциплиной". Уже два года в газетах постоянная рубрика: "Бригадному подряду — широкую дорогу". Повсюду, где созданы эти замечательные коллективы, немедленно происходят чудеса. "Та же земля, те же люди, та же техника, а результаты труда в полеводстве за последние пять лет улучшились вдвое. В этом факте нашла отражение перемена в отношении хлеборобов к земле, наступившая после освоения в нашем совхозе коллективного подряда" ("Сельская жизнь", 13 ноября 1983). Идея санкционирована на самом высоком уровне: из выступлений Андропова, Горбачева, Черненко мы узнаем, что подряд внедряется повсеместно и увеличивает выход продукции в полтора-два раза. Эта форма труда замечательно сочетается со всеми другими

экономическими идеями и предначертаниями партии и правительства.

При этом оказывается, что коллективные подрядные бригады могут быть совсем немногочисленными: бригадой может стать обычная деревенская семья. "Роздали маленькие нерентабельные фермы отдельным семьям, — рассказывает "Литературная газета" (18 января 1984), — и дело пошло. Суточные привесы животных намного повысились, себестоимость мяса снизилась". А не возврат ли это к старой форме ведения хозяйства? — спросят наивные читатели. "Нет, — отвечает газета. — Ясно, что семейная форма ничего общего не имеет с хозяйством личным, а тем более частным, как показалось некоторым читателям. В ней все: помещение, скот, корм — собственность совхоза, колхоза".

Но почему столь эффективный метод до сих пор не дал себя знать в масштабе страны, в общих показателях сельскохозяйственного производства? Ответ отчасти содержится в только что процитированном разъяснении "Литературной газеты". Не только авторы статьи, но и сами колхозники отдают себе отчет в том, что скот, помещение, инвентарь и т. д. — не их собственность. Это лишь предоставленные им во временное пользование средства производства, в любую минуту их можно отобрать. Другая причина прочитывается в руководящем высказывании К. Черненко о бригадном подряде. Он считает ("Литературная газета", 28 марта 1984), что этот метод есть некоторый экономический рычаг "совершенствования всего того, что мы понимаем под управлением хозяйственным механизмом". Очевидно, что партийные руководители не могут и помыслить о том, что следовало бы вовсе отказаться от управления. Между тем контроль партийных органов, плановые задания, словом, все, что "мы понимаем под управлением" весьма трудно совместить с инициативой. И еще одно: колхозники вовсе не рвутся работать по-новому, предпочитая низкую, но устойчивую оплату труда неопределенным перспективам.

ИНФРАСТРУКТУРА

Если бригадный подряд — в некотором роде новинка, то модернизация сельского хозяйства в целом, техническое оснащение, строительство складских и производственных помещений, дорожное строительство и т. д. — темы традиционные и непреходящие. Печать неустанно обсуждает проблемы мелиорации, орошения засушливых земель, внедрения урожайных сортов, выдвигаются проекты совершенствования техники, проведения каналов, создания лесозащитных полос, развития Нечерноземья, Ставрополья и многие другие. Выгоды, которые сулит реализация этих проектов, огромны. Капиталовложения должны быстро окупиться. Даже обычные для любого хозяйства меры экономии, бережное отношение к зерну, скоропортящимся продуктам обещают резко снизить дефицит. Спрашивается, за чем дело стало? Именно этот вопрос задают себе и читателям журналисты и эксперты, хотя понять, где же в конце концов собака зарыта, по-видимому, не так уж трудно.

Пожалуй, наиболее остро стоит проблема коммуникаций. В этом легко убеждается каждый, кому пришлось пожить в деревне. Дороги — важнейший элемент сельскохозяйственной инфраструктуры. Дорогам уделяется сейчас весьма серьезное внимание. Еще десять лет назад в Красноярском крае лишь восемь процентов дорог имели твердое покрытие. Сейчас ежегодно строится 500 километров шоссейных дорог, они соединили около 400 колхозов и совхозов края. Тем не менее проблема очень далека от решения. Множество населенных пунктов, как и много лет назад, отрезаны от внешнего мира. Жители сибирских сел нередко предпочитают автобусу самолет. Причем дело тут не в больших расстояниях. Почти в таком же положении находятся жители Московской области: как во времена Вяземского ("дороги наши — сад для глаз"), распутица превращается в катастрофу, жители сел и рабочих поселков не могут добраться до районного центра, и единственным средством связи оказывается портативная рация ("Крокодил", 10, 1983).

Бездорожье усугубляет недостаток рабочих рук. Статистика свидетельствует, что отток выпускников средней школы из деревень, окруженных плохими дорогами, вдвое

больше, чем из населенных мест с более или менее налаженным сообщением ("Известия", 21 января 1983).

Громадные капиталовложения в сельское хозяйство, сугубое внимание партийных и государственных руководителей к проблемам села парадоксальным образом дают обратный эффект — рост стоимости производства. Председатели колхозов "забыли, как считать деньги". Десять лет назад, в Кировской области рубль, вложенный в колхозное производство, давал продукцию стоимостью в 1,7 руб., теперь этот показатель упал вдвое ("Советская Россия", 21 и 26 июля 1983). Еще выше себестоимость продукции в подсобных хозяйствах. В РСФСР на единицу сельскохозяйственной продукции подсобные хозяйства тратят в 3—4 раза больше, чем колхозы и совхозы ("Советская Россия", 13 июля 1983).

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Еще одна новация, по крайней мере терминологическая — агропромышленный комплекс (АПК) и районное агропромышленное объединение (РАПО).

Эти бюрократические новообразования призваны связать многочисленные организации, созданные для управления сельским хозяйством, свести вместе сельхозтехнику, агрохимию, банк, мелиораторов, строителей, заготовителей и, наконец, непосредственных производителей — колхозы и совхозы. Собравшись под одной крышей под руководством райкома партии и в контакте с потребителями, все эти организации объединят свои усилия и создадут оптимальный план сельскохозяйственного производства. Не зря на страницах газет раздаются, чтобы затем перекочевать на всевозможные стенды, дорожные щиты, плакаты, первомайские и октябрьские призывы: "Работники агропромышленного комплекса! Ускоряйте интенсификацию сельскохозяйственного производства!" и прочее. Буквально в каждом номере каждой газеты фигурирует магическое сочетание букв: РАПО. РАПО решит все проблемы, накормит страну, спасет престиж социализма.

Итак, выход из сельскохозяйственного кризиса мыслится советской печатью в виде гибрида инициативных и дисциплинированных хозрасчетных подрядных бригад внизу и централизованного бюрократического комплекса управления наверху. В придачу рекомендуется множество самых полезных экономических мероприятий от строительства дорог и домов до усовершенствования способов обработки земли.

Что можно сказать по этому поводу? Мораль, которую нетрудно извлечь из выступлений прессы, из всего опыта усовершенствования сельского хозяйства последних десятилетий, выражена в заголовке этой статьи; но, может быть, к ней стоит добавить несколько замечаний. Идея дисциплинированной и планово управляемой инициативы производит удручающее впечатление. И странно видеть, что на нее всерьез возлагаются какие-то надежды. Ведь все это не раз предлагалось, опробовалось, восхвалялось и отбрасывалось. Был и полный централизм наверху, и хозрасчет, и аккорд, и материальная заинтересованность, и борьба с уравниловкой. Был и семейный подряд, правда, в доколхозной деревне и с более широкими возможностями проявить инициативу. Нужно быть очень наивным — или сознательно кривить душой, — чтобы рассчитывать на то, что пересаживая в который раз административных руководителей и обещая сельским жителям кое-какие послабления, правительство сумеет существенно улучшить ситуацию в сельском хозяйстве. Как бы то ни было, два года непрерывной газетно-пропагандистской шумихи, широковещательных докладов, партийно-бюрократического словоговорения не привели пока ни к каким результатам. ●

ИЗ ГАЗЕТ

Житомир. Жители деревень Бердичевского района продают излишки картофеля государству. С каждого подворья Солотвинского сельского Совета уже реализовано 500 тонн клубней.

"Сельская жизнь" 12 ноября 1983 г.

Пятьсот тонн клубней с приусадебного участка 0,5 га при среднем урожае 10 тонн с гектара. Воистину вера (в неограниченные возможности частного сектора) творит чудеса!

ВТОРАЯ ШАХМАТНАЯ ДЕРЖАВА

10 сентября этого года главный арбитр матча на первенство мира между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым гроссмейстер С.Глигорич пустил в Колонном зале Дома Союзов шахматные часы. Чемпион мира, как некогда Остап Бендер, сделал первый ход: e2 — e4.

Матч начался, но особого волнения по этому поводу шахматный мир не выказывает. Вернулись добрые старые времена: первенство проходит в Москве, снова на шахматном столике стоят друг против друга два красных флажка, — болельщикам, а тем более физкультурно-спортивному начальству особенно беспокоиться не о чем.

Но, по крайней мере, один вопрос тревожит, если не зрителей, то участников: приз. Говоря более прозаически — деньги. В старину Ботвинник и его конкуренты в СССР получали за победу на поединке за шахматную корону 4000 рублей. Отчаянная борьба Бобби Фишера за престиж шахмат привела к тому, что ставка повысилась сначала до десятков, а затем до сотен тысяч долларов. Плоды этой борьбы пожали Спасский, Корчной и Карпов. А что теперь? Неужто и в финансовом отношении мы вернемся к былым временам?

Однако дело, в конце концов, не в деньгах. Завоевав и первую, и вторую доски мира, советские шахматисты вновь напомнили Западу и Востоку, что они представляют величайшую шахматную державу. В СССР живет четыре с половиной миллиона из общего числа 5 млн. официально зарегистрированных во всем мире шахматистов. Из 180 тысяч шахматисток лишь около 10 тысяч приходится на весь зарубежный мир. В нашей стране находится четверть международных гроссмейстеров (45 из 169) и почти половина шахматистов высшего класса с показателем Эло более 2600. Напомним читателю, что показатель, или коэффициент, Эло рассчитывается каждые полгода по результатам очередных турниров; в начале 1984 г. в списке ста сильнейших шахматных бойцов мира, опубликованном в журнале "Schach Magazin 64", три первых места занимали Каспаров (показатель Эло 2710), Карпов (2700) и Корчной (2635). Два советских шахматиста и один бывший советский.

Итак, советская шахматная школа, как и прежде, вне конкуренции. Однако страсти и бури последнего десятилетия заслонили от многих существенный факт — возникновение новой шахматной державы. Эта держава не имеет флага и границ, но по числу асов занимает сегодня второе место в мире. Имя ей — **советская эмиграция**. Если взять верхнюю половину упомянутого списка — 55 шахматистов с коэффициентом Эло выше 2515, — среди них 18 официальных представителей СССР и 7 человек, покинувших эту страну (все другие страны представлены меньшим числом). В 1983 г. из 14 участников чемпионата США шестеро были наши соотечественники. К сожалению, команда эмигрантов не может участвовать в международных соревнованиях, но тем больше оснований рассмотреть, из кого она состоит.

Виктор Корчной (род. 1931), победитель на сорока с лишним турнирах, четырежды чемпион Советского Союза, дважды боролся за звание чемпиона мира с Карповым, а затем отступил на предпоследней ступеньке перед более молодым претендентом Каспаровым. Корчной остался за границей летом 1976 г. после турнира ИБМ в Амстердаме. Как уже сказано, у него третий в мире показатель Эло.

Борис Спасский (род.1937), экс-чемпион мира и чемпион СССР; показатель Эло в 1984 г. 2615, двенадцатое место в общемировой иерархии. В 1975 г. Спасский женился на сотруднице французского посольства в Москве и после долгой волокиты получил разрешение выехать во Францию на один год; там он живет до сих пор. Довольно долго Спасский, работая как шахматный профессионал в Германии (он играет на первой доске за клуб города Золинген), выступал за СССР на международных соревнованиях, но в этом году заявил, что не будет больше представлять советскую команду.

Лев Альбурт (род.1945) сравнительно поздно (после 30 лет) выдвинулся в ряд сильнейших игроков страны. Чемпион Украины, второй на нескольких международных турнирах. В 1979 г. не вернулся в СССР из Западной Германии после соревнований на кубок Европы. Коэффициент Эло 2515.

Геннадий Сосонко (род.1943), с 1972 г. гражданин Нидерландов. К 1981 году стал семнадцатым в списке сильнейших шахматистов мира; в 1984 г. занимает 31-е место (коэфф.2560).

Владимир Либерзон эмигрировал из СССР в 1973 г. Занимал первые места на международных турнирах в Венеции, Лонг-Пейне и Бер-Шеве, до 1978 г. входил в первую сотню сильнейших.

Роман Джинджихашвили (род.1944). В 1976 г. выехал в Израиль и дважды был израильским чемпионом. На турнире в Гастингсе 1978 года "Чингисхан", как называли его израильтяне за необузданный нрав и бурный образ жизни, победил, обогнав таких признанных фаворитов, как Петросян, Горт и Сакс, и занял 15-е место среди элиты мира (коэфф. Эло 2595). Затем покинул обетованную землю, скитался по разным странам и постепенно изменил шахматам ради более азартной и доходной карточной игры.

Леонид Шамкович эмигрировал из Союза ССР в 1974 г. в возрасте 51 года. В 1976 г. он выиграл открытое первенство США; в лучшие годы имел показатель Эло около 2500.

Анатолий Лейн не вернулся в СССР из заграничной поездки в 1976 г., когда ему было 45 лет. Участник Олимпийской сборной США, в 1978 г. имел коэффициент Эло 2535.

Дмитрий Гуревич (род.1956). Победитель турнира Гран-При в 1981 г. в США. Звезда Гуревича, видимо, далеко еще не достигла зенита, сейчас он имеет коэффициент 2545 и в списке сильнейших стоит на 36-м месте.

К этим десяти гроссмейстерам нужно добавить несколько крупных международных мастеров. Игорь Иванов, победивший Карпова на Спартакиаде народов СССР в 1979 г., был включен в советскую команду для участия в турнире памяти Капабланки и при посадке самолета в Канаде попросил политического убежища; коэффициент Эло 2550. Сергей Кудрин, один из многообещающих молодых шахматистов-беженцев из СССР, тоже имеет показатель 2550. Можно упомянуть еще Леонида Басса, Максима Длугого, Льва Гутмана, Якова Мурея, Бориса Когана.

Длительное время добиваются выезда из СССР Борис Гулько и Анна Ахшарумова. Неудачно сложилась шахматная судьба Аллы Кушнир, которую в свое время отстранили от участия в чемпионате мира среди женщин за намерение выехать в Израиль. После эмиграции она успешно сыграла в Олимпиаде в Хайфе (1976 г.), когда израильская женская команда стала чемпионом мира, а затем Кушнир сошла с шахматной сцены.

Как ни значительны, однако, шахматные успехи третьей советской эмиграции, до феноменальных достижений первой (послереволюционной) эмиграции ей еще далеко. Пятьдесят лет назад, как и сегодня, проходил матч на первенство мира. За шахматным столиком сидели два русских эмигранта: Александр Алехин и Ефим Боголюбов. Противник Алехина, невозвращенец 1926 года, был заклеймен как изменник родины и лишен звания чемпиона СССР. Кроме этих двух великих шахматистов, оставили заметный след в истории шахмат Е.Зноско-Боровский, О.Бернштейн, не говоря уже о таких корифеях, как Рубинштейн и Нимцович, выбывших из русского подданства при развале Империи.

Ответить на часто задаваемый вопрос, почему наша страна непрерывно рождает такое множество блестящих шахматистов, нелегко; во всяком случае, здесь не может не играть определенную роль усечение общественной и экономической жизни как важнейшего поприща для проявления человеческих способностей. И уже совершенно очевидно, что не личными причинами, а глубоким неблагополучием в стране вызван исход крупных шахматных дарований в минувшее десятилетие, не говоря уже о двадцатых годах. Подобно поколению Алехина, новая волна шахматной эмиграции подошла к своему пределу. На советском шахматном Олимпе царит спокойствие. Надолго ли? ●

Н.Котон

Александр ЯНОВ (Энн-Арбор, США)

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО РАЗУМУ

1.

Я представляю себе, как живется моему читателю в России: ведь и я получаю "Литературную газету" и каждую неделю вдыхаю миазмы нынешнего московского болота. Я понимаю, как унизительно жить под властью режима, который нельзя не презирать, который запутался в собственной лжи и сам не знает, куда он ведет страну, — быть может, к пропасти. Еще горше ощущать свое бессилие изменить этот гибельный курс.

Я совсем не хочу сказать, что так уж приятно жить сейчас в Америке — при нынешней администрации, которая точно так же не видит за деревьями леса, точно так же находится во власти примитивных идеологических импульсов (только с обратным знаком) и, не подозревая об этом, подталкивает Россию, а с нею, быть может, и мир, к пропасти. Но в Америке можно говорить об этом открыто, можно спорить, отстаивать свою точку зрения. Здесь можно быть еретиком и не гореть на костре. Политическая оппозиция здесь узаконена и даже институционализирована. В этом — по крайней мере, для меня — состоит главная разница между современным государством и государством средневековым. В этом ядро демократии. Интеллигент здесь может высоко держать голову, даже терпя поражение.

Западная демократия убеждает даже тех, кто давно утратил веру в прогресс, что прогресс все-таки существует.

2.

Патрик Мойнихен, представлявший Соединенные Штаты в ООН, с горечью констатировал, что демократические страны находятся там в безнадежном меньшинстве. Однако всего лишь два века назад никто не подозревал о том, что вообще может существовать современное централизованное государство, способное мириться с политической оппозицией, которая бы публично критиковала, а временами и откровенно оскорбляла его. В ту пору это казалось противоестественным. Старый скептик Шарль де Монтескье, самый близкий мне интеллектуал XVIII века, глубоко сомневался в жизнеспособности даже такого отдаленного подобия демократии как конституционная монархия, которую он называл "умеренным правлением". "Несмотря на любовь людей к свободе, — сокрушается он, — несмотря на их ненависть к насилию, большая часть народов подчинилась

ему. И нетрудно понять почему. Чтобы образовать умеренное правление, надо уметь комбинировать власти, регулировать их, умерять..., подбавлять балласту одной, чтобы она могла уравновесить другую; это такое мастерское произведение законодательства, которое редко удается выполнить случаю и которое редко позволяют выполнить разуму. Напротив, деспотическое правление, так сказать, само бросается в глаза; оно повсюду однообразно, и так как, чтобы установить его, не нужно ничего, кроме страстей, то на это пригоден всякий."

Нам ли упрекать старика в пессимизме? Политическая действительность в Европе в его время была примерно такой же, как сейчас в России. Пожалуй, даже хуже. Сейчас мы по крайней мере знаем, что политический прогресс в принципе возможен, — у нас перед глазами Запад. У Монтескье его не было. Тогда это была Европа, где последние остатки "умеренного правления" деградировали, разлагались и, казалось, навсегда уходили в небытие. Странствуя по Европе, Монтескье искал хоть какого-нибудь проблеска надежды. Не было проблеска. Все тонуло в грязи, в коррупции, в подлости, в тираническом преследовании диссидентства. Даже в Англии, самой культурной стране тогдашнего европейского болота, голоса представителей народа открыто скупались по 200 ливров за штуку. Увы, вздыхал Монтескье, англичане, у которых есть конституция, более не достойны ее, они сами толкают короля на путь деспотизма. Что уж говорить нам, французам, у которых конституции и не предвидится? "Подобно тому как реки бегут слиться с морем, монархии жаждут раствориться в деспотизме."

Все было плохо, и неоткуда прийти надежде. Не правда ли, знакомая картина? Как соблазнительно было в такой ситуации воскликнуть вместе с поэтом что-нибудь вроде: "Умом Европу не понять, в Европу можно только верить"! Или вместе с другим, не менее известным поэтом проклясть "немытую Европу, страну рабов, страну господ". Или призвать Европу к топору. Или, подобно Александру Солженицыну, пригласить ее вернуться назад, в еще более темные века. Или, перефразируя недавнюю статью Бориса Хазанова, воззвать к некоему "европейскому Богу", в отчаянной надежде на то, что "в последнюю минуту, на краю пропасти, пред самым концом, этот Бог вмешается. Он не допустит, чтобы Русь (то бишь Европа) загремела в тартарары".

Это было соблазнительно, но это была бы капитуляция разума перед лицом иррациональной реальности — гнилого настоящего и, казалось бы, беспросветного будущего. Вместо проклятий тому, что давно уже проклято, вместо призывов к топору или к военному перевороту, для которых "кроме страстей ничего не нужно", Монтескье просто засел за работу, за поиски того самого "мастерского произведения законодательства, которое редко позволяют выполнить разуму".

Таков был чудовищный вызов, который он бросил самому себе. Какой, помилуйте, смысл в описании модели превращения абсолютизма в конституционную монархию, в "безумной идее" разделения властей, предельно ослабляющего угнетательские потенции государства, когда это государство заинтересовано в чем-то как раз противоположном? Единственным основа-

нием и оправданием гипотезы Монтескье было то, что Англия все-таки добилась конституции. Но какое же это было зыбкое основание! Во-первых, нет никакой уверенности, что конституция там удержится ("англичане сами толкают короля к деспотизму"), а во-вторых, кто сказал, что Франция вообще может последовать конституционному примеру? Что если она представляет совсем другую, авторитарную по духу цивилизацию, которой конституция чужда по природе и которая отвергнет двухпартийную систему как чужеродное тело? Века и века французской истории свидетельствовали, казалось, именно об этом. Монтескье был полон мучительных сомнений. Тем не менее он принялся решать свою совершенно утопическую задачу — при каких условиях всемогущее государство вынуждено терпеть политическую оппозицию. Решая эту задачу, он изобрел демократию. И спас честь интеллекта.

Ему не суждено было узнать об этом. Через два десятилетия после его смерти горстка интеллигентов в дикой английской колонии по ту сторону океана неправильно интерпретировала его мысль и вместо конституционной монархии создала — опираясь на его фундаментальное открытие — демократическую республику. Когда сегодня Мойнихен жалуется, что демократия недостаточно сильна, он, разумеется, прав. Но по сравнению с временами, допустим, Вашингтона, она неправдоподобно могущественна. При всей своей феноменальной способности генерировать "безумные идеи", Монтескье никогда не поверил бы в то, что их ожидает столь ошеломляющий успех.

3.

Зачем я рассказываю все это? Чтобы напомнить, что можно не подчиниться гнусной иррациональной реальности, как не подчинился ей Монтескье. Ведь и в его время, как во все времена, политики, бюрократы, полководцы и мирные обыватели каждый по-своему уживались с этой иррациональной реальностью. Одни принимали ее с радостью, другие по необходимости, третьи с отвращением. Даже мятежники, бунтовавшие против нее, так или иначе принимали ее — ибо, как все другие, не знали замены. И лишь непрактичные интеллектуалы вроде Монтескье р а б о т а л и н а д а л ь т е р н а т и в о й, не просто отрицавшей эту реальность, но предлагавшей прорыв в другое измерение реальности, к тому, что я назвал бы политической модернизацией.

В чем до крайности нуждаются сейчас и Запад и Россия, так это, говоря фигурально, в новом томе "Духа законов", где излагались бы возможные модели политической модернизации незападных систем, — в первую очередь величайшей из них — России. Монтескье сделал это для Запада. Кто сделает это для нас?

Перед лицом всеобщей коррупции, измельчания страстей, профанации идей, разгула КГБ и угрозы ядерной войны то, о чем я говорю, может показаться и, без сомнения, покажется многим беспочвенной утопией. Это,

впрочем, тот самый упрек, который политики, бюрократы, мирные обыватели, а также собратья по перу бросали в свое время Шарлю Монтескье.

Мои современники могут, однако, заметить, что коль скоро Монтескье уже выполнил эту задачу в своем "Духе законов", зачем нам снова изобретать велосипед, зачем мечтать о "втором томе"? Ведь мы уже знаем альтернативу. Если представить себе, что в наше время Запад играет роль конституционной Англии XVIII в., почему бы не поручить России роль Франции эпохи Монтескье? Иначе говоря, зачем тратить время на головоломные теоретические изыскания? Почему просто, без дураков, не стремиться к демократической революции в России?

Возражение это кажется эффектным, но неверно по существу. Даже на Западе все было далеко не так просто. Монтескье скончался в 1755 году. Но лишь спустя 115 лет Франция достигла устойчивой политической модернизации, пережив две империи и пройдя через множество революций, реформ, мятежей и европейских войн. Италия и Германия достигли ее еще позже, через 190 лет, после двух мировых войн и фашизма в промежутке. Испания и Португалия — через 220 лет, продравшись сквозь затяжные конвульсии авторитаризма. Таким образом, во-первых, стихийный процесс модернизации на Западе затянулся на столетия. Во-вторых, он, как видим, был крайне неравномерным. Различия в политической культуре, в традициях, в исторически сложившихся формах политических изменений обусловили огромную разницу темпов модернизации в каждой европейской стране. Что же говорить о России, если все рывки в будущее, которые она сделала в промежутке между 1770-ми и 1980-ми годами, в эпоху, когда совершалась модернизация Запада, регулярно перечеркивались мощными попятными движениями, так что и в наши дни она нисколько не ближе к этой модернизации, нежели в дни Монтескье? Не значит ли это, что ее традиции, ее формы политического изменения радикально отличаются от западных, которые при всей их медлительности и хаотичности не знали ни такой регулярности взмахов исторического маятника, ни такой мощи движения вспять?

Сколько иронии в том, что еще во втором десятилетии XVII века, то есть почти за сто лет до рождения Монтескье, российское государство стояло на пороге превращения в конституционную монархию, когда это не снилось еще ни одной западной стране. Какая ирония в том, что в 1720-х годах, то есть опять-таки задолго до того, как был написан "Дух законов", Россия повторила эту отчаянную попытку; в том, что в 1860-х гг. она, казалось, самым решительным образом вознамерилась сбросить автократическую оболочку, а в феврале 1917 объявила себя демократической республикой — и когда? — в разгар мировой войны, когда даже самые демократические государства эволюционировали в сторону авторитаризма.

Цена, которую платила Россия за эти отчаянные рывки в сторону политической модернизации, была, однако, ужасна. После каждого из них страна отбрасывалась на десятилетия, иногда на столетия назад и в конечном счете всегда оказывалась на исходных — средневековых — позициях, толь-

ко на более высоком уровне сложности. В этом странном качании исторического маятника, в этих противоречивых формах политического изменения — истинная загадка России. И "Дух законов" нам тут не поможет. Ничто не поможет нам, покуда мы не разгадаем эту загадку.

4.

Итак, забудем на время о Монтескье. Такой шаг покажется парадоксальным после гимна, который здесь был ему пропет. Я, однако, сослался на Монтескье лишь затем, чтобы показать читателю (если, конечно, у него есть вкус к решению трудных или даже на первый взгляд неразрешимых теоретических задач, а только к такому читателю я и обращаюсь), что опускать руки рано, что работа для него есть, что он нужен миру и стране, что Россию, как и все остальное в мире, умом постичь можно, подобно тому, как постиг Европу в самый темный и безнадежный ее час Монтескье.

В сущности, работа, которую может исполнить сегодня российский интеллект, едва ли не самая важная в нашем веке. Она, однако, настолько же отлична от работы Монтескье, насколько формы политического изменения в России отличны от западных. Слишком много вреда принесло России примитивное западничество прошлого века. Не меньше, чем примитивное славянофильство. И западники, и славянофилы игнорировали в своем анализе и в своих политических рекомендациях самое важное — формы политического изменения. Вот почему "учить русскую диалектику" по Монтескье столь же опасно, как учить ее по Хомякову или Данилевскому.

Запад знает две главные формы политического изменения: реформу и революцию. Посмотрите на образцы политического изменения в России за последние четыре столетия, с момента, когда она стала царством, и вы увидите, что здесь все было иначе, сложнее, драматичней, мучительней. Вот как выглядит сведенная в таблицу судьба крупнейших попыток реформ в России за четыре с небольшим века.

Попытка 1550-х годов	разгромлена контрреформой.
Попытка 1610-х годов	выродилась в политическую стагнацию.
Попытка 1680-х годов	разгромлена контрреформой.
Попытка 1720-х годов	выродилась в политическую стагнацию.
Попытка 1760-х годов	выродилась в политическую стагнацию.
Попытка 1800-х годов	выродилась в политическую стагнацию.
Попытка 1820-х годов	разгромлена контрреформой.
Попытка 1860-х годов	выродилась в политическую стагнацию.
Попытка 1879—80-х гг.	разгромлена контрреформой.
Попытка 1095—07 гг.	выродилась в политическую стагнацию.
Попытка февраля—октября 1917 года	разгромлена контрреформой.
Попытка 1920-х годов	разгромлена контрреформой.
Попытка 1960-х годов	выродилась в политическую стагнацию.

Что говорит нам эта таблица? Прежде всего, что русская политическая история полна драматических попыток реформ. Некоторые из них были успешны, иные даже блестящи. Ни одна, увы, не оказалась необратимой. Одни вырождались в гнилые, затяжные стагнации, другие были непосредственно разгромлены террором контрреформ. Именно эти постоянные неудачи реформ и блокировали, надо полагать, политическую модернизацию России. Второе бросающееся в глаза обстоятельство — число и интенсивность контрреформ, каждый раз возвращавших систему к исходным средневековым параметрам. Эта форма политического изменения была в лучшем случае второстепенной на Западе. Англия, например, знала только одну контрреформу (в 1660—1688 гг.), Франция тоже одну (1814—1830 гг.), между тем как Россия испытывала их систематически на всем протяжении своей имперской истории. Ленин в октябре 1917 г. считал, разумеется, что дает стране мощный толчок в будущее, тогда как в действительности он отбросил ее на столетие назад, так же как это сделали до него Иван Грозный и Петр I и пытались сделать (с разной степенью успеха) Павел I, Николай I и Александр III, — каждый вложил свою лепту в предотвращение политической модернизации России.

Тут мы подходим к третьему — и самому важному — обстоятельству, следующему из нашей таблицы. Как все русские реформы потерпели поражение, так все русские революции, от основополагающей "революции сверху" Ивана Грозного в 1564 г. до антибольшевистской "революции сверху" Иосифа Сталина в 1929 г., оказались на самом деле контрреформами. Иначе говоря, они вели не к либерализации и политической модернизации системы, а к результату прямо противоположному. Все послабления, постепенно на протяжении десятилетий отвоеванные у автократического государства, все результаты предшествовавших реформ — оказывались разрушенными победившей революцией-контрреформой. И каждый раз она несла с собой реставрацию средневековой диктатуры.

Таковы в самом сжатом виде главные образцы политического изменения в России за последнее полутысячелетие. Почему именно так сложились они исторически, я пытался выяснить в книге "Происхождение автократии", опубликованной в 1981 г. в США. Вкратце объяснение мое сводится к двойственности русской политической культуры, смешавшей в себе в самых своих истоках динамичные и реформистские элементы североевропейской культуры с элементами стагнирующей и авторитарной византийской культуры.

Как бы мы ни объясняли, однако, происхождение этой двойственности, она — исторический факт; приведенная выше таблица наглядно его демонстрирует. Он-то и привел меня к моему главному выводу, что основная дихотомия политического изменения в России радикально отличается от той, с которой имел дело на Западе Монтескье. Если в Западной Европе существовал выбор между реформой и революцией, то у нас всегда (по крайней мере, после эпохального поражения Великой Реформы 1550-х гг.)

можно было выбирать только между реформой и контрреформой. Вот этого никогда не осознавала, а в большинстве своем и сейчас не осознает русская интеллигенция.

5.

На протяжении всего минувшего столетия она, эта интеллигенция, жила мечтой об антицаристской революции. Она смотрела на Европу, она читала и даже писала книги по европейской истории — и видела, что революция открывает врата свободы. Почему же у нас должно быть иначе? Интеллигенция полагала, что законы политического изменения универсальны, что политическая вселенная гомогенна, она была совершенно убеждена в своей святой правоте и не щадила ни себя, ни других, порываясь к революции или, как самое малое, к конституции.

Можно назвать это "большевистской ментальностью" русской интеллигенции, но как ни назови, этос революции пронизывал ее сознание на протяжении всего XIX века. И даже роковые события нашего времени, сначала ленинская, а за нею сталинская революции-контрреформы оказались бессильны разрушить эту роковую ментальность. Даже после того, как Сталин осчастливил Россию конституцией со всеми мыслимыми свободами (только без механизмов их реализации), русская интеллигенция все еще остается во власти своей революционно-конституционной мечты. В результате значительная часть эмигрантских активистов по-прежнему живет в девятнадцатом веке, по-прежнему бодро сочиняет проекты конституций, по-прежнему бредит революцией, на этот раз не антицаристской, но антикоммунистической. Подобно Бурбонам, она ничему не научилась. Но в отличие от Бурбонов, она все забыла.

Отчасти происходит это, конечно, потому, что альтернатива новой революции-контрреформе не очевидна. У нас нет пока своего Монтескье, способного взглянуть в глаза беспощадному факту, что в отличие от Запада история отказала нам в локомотиве (как Маркс называл революцию) и мы принуждены тащиться к политической модернизации на волах. Вдобавок, как свидетельствует таблица, все попытки реформ в России кончились поражением. Таким образом, проблема, ожидающая нашего потенциального Монтескье, оказывается в самом деле необыкновенно сложной.

Прежде всего ему придется ответить на вопрос, означает ли этот главный парадокс русской истории (постоянная неудача реформ и невозможность освободительной революции) фатальную неизбежность средневековой консервации России. А если нет, возможно ли в принципе выработать модель успешной и необратимой реформы? Разумеется, нельзя дать ответ на этот вопрос не рассмотрев историю всех русских реформ с самого начала, не попытавшись понять причины их постоянных поражений, не разобравшись в их политическом и социальном механизме и не выяснив, при каких — пусть гипотетических — условиях русская реформа смогла бы выжить, утвердиться, разорвать заколдованный круг, установившийся за по-

лутысячелетие, и стать, наконец, действительным прорывом к достойному человеческому будущему, к политической модернизации России.

Если у читателя создалось впечатление, что я "знаю, как надо", он ошибается. Я знаю лишь, как не надо. Самая возможность успешной реформы в России есть лишь гипотеза, хотя и опирающаяся на детальное изучение русских реформ 1550-х, 1610-х, 1720-х и 1960-х годов. Кому-то еще предстоит облечь эту гипотезу в плоть конкретного анализа. Кому-то предстоит выработать на основе этого анализа работающую модель реформы. Эти невообразимо сложные задачи под силу лишь новому коллективному российскому Монтескье, который — если мечте моей суждено осуществиться, — так сказать, усыновит эту гипотезу, другими словами, найдет ее достойной проверки.

Так же, как и у Шарля Монтескье в середине XVIII столетия, у него не будет уверенности, не будет никакой гарантии, что идея необратимой русской реформы осуществима. Так же, как его предшественнику, ему придется работать в обстановке всеобщей апатии и отчаяния, посреди уверений в том, что умом Россию не понять, под аккомпанимент призывов к топору, к военному перевороту или к возвращению в темные века. Так же, как его предшественник, он будет полон сомнений. Но покуда он будет работать, надежда пребудет с нами. И кто знает? — быть может, она осуществится, как осуществилась идея его предтечи.

6.

Работа над этими проблемами только начинается на Западе. Осенью 1985 г. соберется, я надеюсь, в университете в Энн-Арборе первая общенациональная конференция, посвященная одному вопросу: способна ли Россия реформироваться. Именно так и будет называться эта конференция: "Is the Russian Commonwealth Reformable?" На ней вперыве специалисты по ранним русским реформам встретятся с советологами, изучающими реформы XX века. Трудно сказать, окажется ли эта первая ласточка способной летать. Американская наука настолько специализирована, эксперты по разным эпохам так глухо отгородились друг от друга, советологи до такой степени отчуждены от историков, что разбить эти прочно сложившиеся стереотипы разделения труда, пожалуй, не легче, чем начать русскую реформу.

Вдобавок есть еще одно возражение, в котором американские советологи, как ни парадоксально это звучит, единодушны с советскими идеологами, антикоммунисты — с коммунистами. Возражение это состоит в том, что Советская Россия — социалистическая страна, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории и создала в некотором смысле "новую нацию", формы политического изменения которой настолько отличны от старого дремучего царизма, что их вообще невозможно сопоставлять.

Разумеется, советские идеологи поют осанну новому строю, тогда как антикоммунисты возглашают ему анафему, но в принципе, теоретически между ними нет разногласий: и те, и другие убеждены, что вековые

образцы политического изменения в России неприменимы к изучению советской действительности. Вернувшись, однако, на минуту к нашей таблице, читатель легко убедится, что если даже все остальное изменилось в "новой нации", образцы политического изменения остались прежние, царские, имперские: те же подавленные реформы, те же революции-контрреформы, та же затяжная, гнилая политическая стагнация, оказывающая к тому же необъяснимое влияние на современную западную мысль о России: эта мысль тоже застаивается и загнивает. Так же, как старшее поколение советологов, выросшее за четверть века сталинской тоталитарной диктатуры, ожидало после смерти Сталина только новых Сталиных, так младшее поколение специалистов по Советскому Союзу, возмужавшее за два десятилетия брежневской стагнации, ожидает только новых Брежневых. Поэтому одно, пожалуй, я могу гарантировать теоретикам необратимой реформы, если таковым действительно суждено появиться в России: в хвосте у западной науки они не окажутся.

С другой стороны, в их распоряжении будут не только великолепные библиотеки, за доступ к которым иные западные эксперты готовы продать душу дьяволу, но и разум, свободный от предрассудков, не заключенный в каторжные норы западной специализации, готовый к восприятию иконоборческих гипотез и выдвижению неконвенциональных идей. Самое главное, однако, что отличало бы русских теоретиков от современных западных специалистов, это ясное сознание, что от их работы зависят не диссертации и карьеры, а будущее страны, что на карте — их собственная судьба и судьба их детей. В этом смысле они ничем не будут отличаться от старого мэтра, двести лет назад пытавшегося разрешить неразрешимое.

7.

Конечно, может оказаться, что решения у нашей задачи вообще не существует. Сомнение всегда идет в ногу с надеждой. И все-таки, в отличие от француза, за нами вековая традиция — от Андрея Курбского до Петра Столыпина, от Дмитрия Голицына до Никиты Хрущева. Это верно, что все они потерпели крах. Но ведь и их гонители и ниспровергатели тоже потерпели поражение. Как ни испепеляли они реформистский импульс русской культуры, как ни уничтожали — физически и духовно — русскую оппозицию, а она все жива. Кто может знать, что случится, если дать ей в руки то, чего она была лишена все эти столетия, — теоретическую модель необратимой реформы? То есть по существу то же самое, что дал политической оппозиции Запада старик Монтескье. ●

Борис ГРОЙС

НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ — СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДА

Хорошо известно, что официальная советская идеология не стоит на месте. Напротив, она весьма подвижна. Ей не присуща инерция тщательно разработанных и логически скоординированных систем мысли. В ней почти все сделано наспех, плохо мотивировано. Но зато почти от каждого ее положения можно легко отказаться, если оно перестанет отвечать главной задаче – оправдывать во что бы то ни стало любые решения партийного руководства. При этом сама идеология этой своей особенности как бы не сознает. Она настаивает на своей чистоте, неизменности, верности заветам, преемственности от "классиков" и т. п. Спасает дело диалектика, понимаемая не как преодоление противоречий путем нового синтеза, а как одновременное утверждение противоречащих друг другу положений.

Поэтому важнейшие идеологические сдвиги и перекосы совершаются незаметно, в форме простого указания на то, что "раньше" неправильно делался упор лишь на одно из таких положений, а "теперь" следует обратить внимание и на другое. Постороннему наблюдателю может показаться, что речь идет лишь о том, чтобы переключить внимание с одной проблемы на другую, выпятить какую-нибудь новую сторону, – при абсолютной неприкосновенности основ. На самом же деле этой другой стороной реальности может оказаться прямо противоположная установка. Именно так, под сурдинку, произошла в 70-х годах переориентация советской идеологии на "вечные человеческие ценности". Никто как-то не заметил, что эта переориентация задевает фундаментальные представления советского режима о самом себе. Для понимания происшедшей перемены следует оглянуться на прошлое.

"Нынешнее поколение будет жить при коммунизме"

Советский строй с самого начала заявил о себе как о совершенно новом типе общества. И в революционные, и в сталинские годы неизменно подчеркивалась противоположность между советским обществом и любыми другими формами социальной жизни. Обосновывалось это уверенностью в том, что в социалистическом обществе теряют силу обычные побуждения к труду, такие как честолюбие или стремление к личному благополучию, людей вдохновляет одно лишь бескорыстное служение обществу. Подобная вера давала основание советским идеологам резко ограничить ценность культуры прошлого и особенно – современной культуры зарубежных стран. Предполагалось, что вся несоциалистическая культура была лишь каким-то подготовительным этапом, в лучшем случае – чаянием того, что стало реальностью в Советском Союзе. После смерти Сталина идеология была вынуждена так или иначе признать то, что и без того уже было ясно со-

ветскому населению. А именно, что реальной основой "бескорыстного служения" был террор.

Официальная идеология нашла выход: феномен сталинского террора был осмыслен как "культ личности". Подразумевалось, что Сталин – в качестве отдельной личности – вместо того, чтобы бескорыстно служить общему делу, использовал свое исключительное положение для установления культа собственной персоны и, пользуясь самоотверженным трудом других, подчинил себе страну в угоду своему властолюбию. Основной же тезис о социализме как об обществе бескорыстного труда был не только сохранен, но и развит дальше. Культ личности был объявлен чуждым социалистическому строю и самой партии именно в силу его "частнопотребительской" природы. С устранением культа возродилась "инициатива масс", и советский народ с новым рвением взялся за построение коммунизма. Конечно, говорилось и о "материальном поощрении" труда, но это выглядело скорее как уступка человеческой слабости. При Хрущеве был принят "моральный кодекс строителя коммунизма" и сделана попытка возродить романтически-бескорыстный дух двадцатых годов. Тогда же было обещано, что "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". С новой энергией прозвучал основной постулат советской идеологии: коллективный бескорыстный труд общества, подчиненный единому плану, несравненно более эффективен и плодотворен, чем при капитализме, и, значит, при соревновании двух систем социализм неизбежно должен победить. Отметим еще раз, что критика сталинских извращений сводилась официально именно к тому, что сталинизм отступил от духа чистого общественного служения.

Но уже к концу хрущевского правления стало очевидным, что социалистический строй больше не в состоянии обеспечить быстрые темпы экономического роста. Пошатнулся центральный тезис – что социализм больше соответствует "современному уровню производительных сил", чем капитализм. Экономическая отсталость СССР, разумеется, и прежде не была секретом. Но ее еще можно было с грехом пополам оправдать неблагоприятными историческими условиями. Теперь прискорбная тайна выявилась во всей своей неприглядности: стало ясно, что социализм проигрывает в экономическом соревновании с Западом.

Этот факт, все отчетливей осознаваемый и в Советском Союзе, и за рубежом, ставит под угрозу все здание советской идеологии; жертвы, принесенные народом, лишаются смысла, преступления режима теряют оправдание. Для советской идеологии экономические трудности страны – не просто частный факт, случайная аномалия или одно из побочных обстоятельств социального развития. Вся система марксистского анализа в Советском Союзе основана на презумпции экономического превосходства советского общественного строя. Если этот строй не в состоянии обеспечить "даже" того, что обеспечивает современный капитализм, зачем было огород городить? В этих условиях становится прямо-таки насущно необходимым поиск альтернативных путей для оправдания существующего режима.

В грядущем, а еще лучше – никогда

Всякому, кто пытается анализировать причины нынешних экономических трудностей в стране, бросается в глаза все возрастающая трудовая пассивность советского населения – попросту говоря, нежелание работать. Вопреки всем призывам партийного

руководства, трудовая дисциплина падает, производительность труда не растет, планы выполняются в основном на бумаге и т. д. Ликвидация системы сталинского террора вовсе не привела к "небывалому подъему трудовой активности масс". Наоборот, оказалось, что страх был единственным реальным стимулом для работы в условиях, когда все остальные стимулы исчезли, и на ослабление террора неблагодарное население ответило тем, что окончательно утратило всякий энтузиазм. Много лет подряд советскому народу объясняли, что он трудится для будущих поколений. На внутреннюю противоречивость этого общественного идеала задолго до появления советской власти указывали некоторые русские философы, например, Федоров, Соловьев, Бердяев. С одной стороны, признается, что идеалом человеческого существования на земле является всестороннее материальное благополучие, а с другой – право жить счастливо получают лишь грядущие поколения. Но чем люди грядущего лучше ныне живущих людей? Советская пропаганда по-своему реагировала на это возражение. Говорилось о "пережитках капитализма", которыми все еще заражены люди, о формировании нового, духовно и морально более совершенного человека. Тем самым высокая мораль, как и высокое благосостояние, были объявлены своего рода привилегией будущего. Достоянием нынешнего, морально несовершенного населения оставались нищета и бесправие.

Вместе с тем в предложенной советской идеологией программе воспитания идеально нравственного человека всегда ощущалась некоторая неясность. Как уже сказано, мерилом нравственности советская идеология провозгласила бескорыстие – бескорыстное служение обществу, другими словами, Партии и Государству. Однако наслаждение всеми благами материальной и духовной культуры, которому в итоге будет предаваться высоконравственная личность, не является ли скорее гедонистическим идеалом, мало совместимым с идеей общественного служения? Такое противоречие еще можно было как-то уладить, пока сохранял свое значение тезис об отмирании государства в грядущем коммунистическом обществе; на этом фоне псевдоантичные грезы Маркса о "золотом веке", заимствованные у обожавших все греческое немецких культуртрегеров его времени, еще имели подобие реального смысла. Но когда Брежнев заявил на XXVI съезде партии, что "становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма", иначе говоря, с сохранением нынешней тоталитарной государственной структуры, – стало ясно, что о Греции придется забыть. Как бы то ни было, между лозунгом счастья для всех и требованием счастья для каждого отдельного человека есть связь, которую невозможно отрицать. Это простое соображение заставило некоторую часть советских идеологов усомниться в идее всеобщего счастья: не развращает ли эта идея народ, не благословляет ли она просто-напросто погоню за сытой жизнью? По их мнению, в традиционном социалистическом идеале скрывается зародыш зла, соблазн стяжательства. Не отклоняясь от официальной версии причин сталинского террора, они ухитрились предложить новое объяснение и для него, и для нынешних экономических неудач. То и другое связано с присутствием в западной по своему происхождению социалистической идеологии "потребительского начала", грозящего развратить русский народ.

С Достоевским против "классовой морали"

Новое направление отчетливо проявило себя начиная с 1975 года. Определенную роль здесь сыграла специфическая интерпретация наследия Достоевского, а также офи-

циально разрешенная в то время полемика с движением "новых левых" на Западе и с китайским вариантом коммунизма; под этим соусом можно было осторожно критиковать некоторые традиционные социалистические идеи. Так, в конце 70-х – начале 80-х годов появилось несколько обративших на себя внимание книг и журнальных публикаций известного советского эстетика Ю. Н. Давыдова. В основе левых движений, разъяснял автор, лежит жажда своеволия, стремление к неограниченному удовлетворению своих желаний. Демократическая фразеология "левых" обманчива. На самом деле они стремятся к уничтожению морали во имя чистого наслаждения, высшую степень которого они обретают в разрушении. Своеволие порождает явления, подобные сталинскому террору. Опираясь на Достоевского (уже в юбилейном 1971 году совершилась публичная реабилитация автора "Бесов"), а также на Маркса, Давыдов утверждает существование всеобщей универсальной нравственности, устои которой незыблемы. Отметим также вышедшую в 1976 г. работу "Самообман Раскольникова" Ю. Ф. Карякина; как и произведения Ю. Давыдова, эта книга имела большой успех. Принято думать, что Раскольников совершил убийство "ради идеи". Карякин доказывает, что корысть в его поступке все же была. Раскольников стремился к самоутверждению в ущерб собственной "идее". Аналогичные суждения высказаны в другой книге, где тот же исследователь выступает в качестве соавтора: А. Володин, Ю. Карякин. Е. Плимак, "Черньшевский или Нечаев?" (1976). Здесь сочувственно цитируются слова Достоевского: "Самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, однако беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды". Далее говорится о том, что "проклятая мечта" Раскольникова есть реакция на утопичность социалистического идеала. И снова цитата из Достоевского: "– Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастье и оттого ощущаю спокойствие сердца. Ха! Ха! Зачем же вы меня-то не пропустили? Я ведь всего однажды живу, я ведь тоже хочу..." Так выстраивается цепочка: от идеала всеобщего счастья к личному – а далее к преступлению. "Достоевский, – резюмируют авторы, – обвиняет социалистов по тому же самому списку, что и буржуа. Социализм для него – не антипод, а вариант буржуазности." Внимательный читатель без труда уловит в книге сочувственное отношение к точке зрения Достоевского, а главное – ему внушают, что иное толкование взглядов великого писателя заведомо ошибочно.

Отказавшись от "классовой морали", нынешние советские комментаторы Достоевского стремятся реабилитировать – как ни странно это звучит в советских условиях – мораль абсолютную. Но разговоры о морали давно уже вышли за рамки литературоведения. Каждому, кто более или менее регулярно читает советскую прессу, не может не броситься в глаза обилие материалов на эту тему. "Нравственные проблемы" – вот модное словосочетание; моральный императив, формулируемый уже не с "классовых позиций", как когда-то, а в качестве единой для всех людей системы правил поведения, – вот спасение от коррупции и жажды потребления, грозящей разрушить советский строй. При этом не скрывают, что с соблюдением этих правил дело обстоит не блестяще. Еще недавно из очерка в очерк кочевали истории о самоотверженных борцах за внедрение нового типа шарикоподшипников или чего-либо в этом роде, которые за все свое рвение не получили ничего, кроме неприятностей. Авторы очерков не пытались ставить вопрос, почему в советской экономике технический прогресс – дело морального выбора, а не экономической выгоды. Теперь журналисты и писатели приходят к неявному выводу, что экономический прогресс вообще не может считаться достойной целью, так как в

конечном счете он направлен только на достижение материальных благ. Наибольшим почетом стали пользоваться книги, в которых традиционная мораль выступила в защиту традиционного же образа жизни.

В поте лица твоего
будешь есть хлеб

Большой успех имела, например, повесть Валентина Распутина "Прощание с Матерой". Ее героиня – пожилая крестьянка – трагически переживает необходимость оставить родную деревню и переехать в новый дом. Повесть была превознесена официальной критикой до небес. Однако вполне оценить ее может лишь тот, кто знает, в каких чудовищных жилищных условиях живут до сих пор крестьяне в Советском Союзе. Оно, конечно, значительно "способней" воспевать преданность крестьянина родной земле, как это делают сейчас многочисленные и обласканные властями "деревенщики", объясняя бегство молодежи из деревни тлетворным влиянием духа потребительства, чем пытаться проанализировать до конца причины действительно невыносимого положения, в котором оказалось крестьянство.

Подлинной сенсацией нового идеологического направления стал роман Чингиза Айтматова "И дольше века длится день". На съездах и заседаниях литературных комиссий, в инструктивных статьях "Правды", в "Литературной газете" и "Воплях" (популярное наименование теоретического журнала Союза советских писателей "Вопросы литературы") этот роман представляют как замечательное достижение литературы последних лет, а его героя – как воплощение лучших черт советского человека. Между тем роман далек от казенного оптимизма былых шедевров советской литературы. Старый казах по имени Буранный Едигей, много лет проработал на дальней железнодорожной станции в пустыне. Неподалеку от станции расположен космодром. В день, описываемый в книге, старик собирается похоронить по старинному народному обряду своего умершего друга, но не может этого сделать, так как на космодроме проводится секретная операция и весь район оцеплен войсками. Операция предпринята Советским Союзом совместно с американцами с целью не дать проникнуть на Землю представителям инопланетной цивилизации, которая описывается в романе в терминах, обычно применяемых в СССР для описания будущего коммунистического общества. Параллельно в романе рассказывается легенда о племени, которое некогда напало на казахов и захваченных в плен при помощи особо изощренной пытки лишало памяти. С этими потерявшими память людьми писатель сравнивает молодых людей, выпускников средней школы, подвергшихся аналогичной идеологической операции и позабывших родные казахские обычаи. Таков, например, сын умершего друга Едигея: оторвавшись от традиций, от почвы, он утратил и моральные устои. Войска и космодром предстают в романе Айтматова тоже как чуждые и враждебные силы на казахской земле: они препятствуют исполнению традиционного долга перед умершим, равно как и построению более совершенного общества.

Почему же этот сомнительный с ортодоксально-партийной точки зрения роман имел такой шумный успех? Вероятно, потому, что источником всех зол здесь оказывается индустриальное общество и технический прогресс, поощряющий все тот же дух потребительства. Герой книги – фигура чрезвычайно удобная для сегодняшнего направления идеологии. Всю жизнь старый Едигей честно трудился, не ожидая за это никакого воз-

награждения, он не жаждал преуспеяния, не стремился выдвинуться. Вот восхищенный отзыв одного из критиков (Ю. Мельвиля): "Труд для них (героев Айтматова) не является средством для достижения служебного положения, делания карьеры, приобретения излишних материальных благ... Ни автор романа, ни его герои не задают себе бессмысленного вопроса — является ли их труд творческим или не является? Для них этого вопроса не существует". Остается неизвестным, существует ли этот вопрос для самого критика, и что, собственно, подразумевается под излишними материальными благами. Итак, речь идет о морально-трудовой аскезе в духе Макса Вебера, хотя в отличие от традиции протестантизма самоценный труд здесь не служит идее вечного спасения: советский атеизм отрицает религиозный смысл труда. Однако христианская мораль уже не представляется новым советским идеологам безусловно ложной; скорее они находят ее устаревшей. Прежняя оппозиция коммунистической идеологии христианству сменилась осторожными фразами о том, что советская мораль вобрала в себя "все лучшее" из старой христианской традиции. Это не противоречит усилившемуся в последнее время преследованию христиан: обновление фразеологии вовсе не означает смягчения порядков в стране.

Необычайный успех айтматовского романа связан с общим поворотом идеологии к традиционализму. Книга помогает окончательно отвергнуть тот "ренессансный" идеал человека, который такие советские авторы, как Давыдов, Карякин и другие считают источником всех бед. (Аналогичную роль выполнял фильм Василия Шукшина "Калина красная" и немало других произведений.) Честная трудовая жизнь не имеет иной цели, как только служение морали, воплощенной в государстве. В этом смысле чем труд безрадостнее, тем он лучше и чище, тем отчетливей выявляется его нравственный смысл. Сизифов труд — реальность советского человека — провозглашен моральным идеалом. Так преодолевается внутренняя противоречивость коммунистического идеала. Но не тем, что признается право каждого живущего человека на счастье и достойную жизнь, а путем отказа от обещаний успеха в будущем — путем увековечения безрадостной реальности социалистического труда.

Розга устарела.
Пора браться за дубину

Вернемся к Айтматову. Может показаться, что трактовка его романа официальной критикой произвольна. Вот что, однако, говорит сам автор в интервью "Литературной газете", напечатанном под заглавием "Дефицит духовности" (август 1981 г.): "Давайте сначала поговорим о дефиците. Проблема синдрома вещизма связана с ним крайне тесно. Нам нужно то одно, то другое — а этого нет, было, да вот исчезло. И мы нередко начинаем искать окольные пути для приобретения необходимого предмета... И происходит та самая опасная переоценка ценностей, подмена духовного материальным, которая и провоцирует это тревожное явление". Вещи, полагает писатель, "нам" не так уж необходимы, можно и потерпеть. Погоня за вещами вызвана не тем, что они нужны для жизни: "Потребительство вырастает из дефицита духовности, из просчетов воспитания". Эти просчеты — явление недавнего времени: раньше жили хуже, а жажды приобретать было меньше. И далее в интервью маститого и, разумеется, прекрасно обеспеченного писателя начинают звучать знакомые обертоны эпохи раскулачивания: "Мошенники, принимающие участие в припрятывании товара, действуют против политики нашего государства...

Закон в отношении них должен быть более суровым, чем он есть сейчас". Заметим, что дело происходит в стране, где систематически практикуются расстрелы за так называемые экономические преступления, то есть за то, что в других странах считается вполне законными коммерческими операциями. Писатель-гуманист продолжает: "Честно говоря, я не очень-то верю, что людей такой породы (потребителей) можно остановить, перевоспитать. Нам бы постараться, чтобы в их клан не попали новые жертвы". Вывод: "Пора действовать, пора кончать с обывательщиной". Перед читателем, по крайней мере перед тем читателем, который помнит знаменитый указ 1947 года о борьбе с хищениями социалистической собственности и тому подобные решения, обеспечившие концлагеря рабочей силой в масштабах, превосходящих всякое воображение, – перед читателем – программа нового террора.

Как умилительно выглядит на этом фоне ностальгия по доброму старому времени, "когда люди были честнее"! И героиня Распутина, и герой Айтматова, которых критика воспринимает как носителей народной мудрости, лучшие годы своей жизни провели в условиях сталинского террора, именно тогда и накопив эту мудрость. Террор не есть результат эгоизма и властолюбия отдельной личности. Идея террора вырастает из желания заставить людей трудиться без надежды на результат. Террор – это продолжение "абсолютной морали" другими средствами, когда средства убеждения иссякли. А то, что обещание новых репрессий – не пустые слова, доказывает другое интервью в той же "Литературной газете" – беседа с кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, первым секретарем ЦК компартии Азербайджана Г. А. Алиевым, опубликованная вскоре после выступления Чингиза Айтматова. Напомнив, что "главная черта интеллигентного человека – подвижничество в служении обществу", Алиев настаивает на самых суровых мерах против тех, кто стремится к "излишним" материальным благам, и заканчивает замечательной фразой: "Произнося слово "законность", мы имеем в виду не столько Уголовный кодекс, сколько моральный кодекс нашего общества". Моральный кодекс как замена закона. Лучше не скажешь.

Примеры, которые здесь приведены, можно было бы умножить. Ясно одно: появилась необычайная возможность критиковать общество в рамках официальной идеологии. Эта критика многим импонирует и кажется смелой. Критики-моралисты даже бравируют своей смелостью. Но критика советского общества отнюдь не означает критики советского государства. Вместо традиционной мишени – "бюрократа" – объектом критики становится весь народ, который ленится, обманывает начальство и алчет материальных благ вместо того, чтобы работать на государство, не ожидая ничего взамен. "Вечные моральные ценности" отождествляются с устоями советской власти. Но устои эти таковы, что, с одной стороны, частная экономическая инициатива, т.е. стремление населения своими собственными силами выйти из бедственного положения, рассматривается как преступление, а с другой – государство не допускает никакого общественного контроля над своими расходами, что дает возможность неограниченно тратить деньги на вооружение, содержание партийной верхушки и т.п. Рядовые граждане вынуждены обращаться к черному рынку. Хуже того, на этом же рынке вынуждены промышлять и государственные функционеры, ибо если полагаться на обычное снабжение, руководимые ими предприятия не смогут выполнить плана. Так общество помимо своей воли становится сообществом преступников. Однако вину за это советская идеология хочет переложить на граждан. Проповедь традиционализма, сдобренная угрозами нового террора, должна снова укрепить позиции государства, доказавшего свою экономическую несостоятельность. ●

Г.ПОМЕРАНЦ (Москва)

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ ДУХА

Первый подступ. Чаадаевский перпендикуляр

Статья О.Э.Мандельштама о Чаадаеве — одна из поразительных страниц в истории русской мысли. Я чувствую невозможность писать, не переписав ее почти всю.

"Мысль Чаадаева — строгий перпендикуляр, восстановленный к традиционному русскому мышлению", — начинает Мандельштам, и сразу отмечено главное: движение "поперек и в сторону" (Абрам Терц). "Он бежал, как чумы, этого бесформенного рая, этой мечты о прекращении истории в западном значении слова, о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое "миром"..."[1]

Никто почти не соглашался с ним. Но ни один серьезный мыслитель не мог пройти мимо Чаадаева. "След, оставленный Чаадаевым в сознании русского общества, — такой глубокий и неизгладимый, что невольно возникает вопрос: уж не алмазом ли он проведен по стеклу?"

Перпендикуляры, движения "поперек и в сторону", скандалы — так же необходимы в фабуле русской культуры, как в романе Достоевского. Нельзя вычеркнуть Философическое письмо. Нельзя смести в канаву "Прогулки с Пушкиным", "В тени Гоголя", "Литературный процесс". Что-то во всем этом совершилось, чего не миновать. Что же именно?

Мандельштам указал на одну, но, может быть, важнейшую причину необходимости Чаадаевых: резкую очерченность в них личностного начала. По принципу дополнительности русская текучесть должна время от времени порождать, как свой противовес, личность резко очерченную, непоколебимую в своей внутренней свободе.

"Все те свойства, которых была лишена русская жизнь, о которых она даже не подозревала, как нарочно соединялись в личности Чаадаева: огромная внутренняя дисциплина, высокий интеллектуализм, нравственная архитектоника и холод маски, медали, которым окружает себя человек, сознавая, что в веках он — только форма, и заранее подготовляя слепок для своего бессмертия..."

---

[1] Все цитаты – из текста статьи "Петр Чаадаев" в журнале "Аполлон", 1915, № 6–7, стр.57–62.

"Что же такое прославленный "ум" Чаадаева, этот "гордый" ум, почтительно воспетый Пушкиным, освистанный задорным Языковым, как не слияние нравственного и умственного начала — слияние, которое столь характерно для Чаадаева и в направлении которого совершался рост его личности.

С этой глубокой, неискоренимой потребностью единства, высшего исторического синтеза родился Чаадаев в России. Уроженец равнин захотел дышать воздухом альпийских вершин и... нашел его в своей груди."

"Чтобы понять форму и дух "Философических писем", нужно представить себе, что Россия служит для них огромным и страшным фоном. Зияние пустоты между написанными известными отрывками — это отсутствующая мысль о России."

Многие письма Чаадаева были утрачены и найдены после того, как Мандельштам написал свою статью. Но фрагментарность мысли Чаадаева не изменилась от этого, и никто глубже Мандельштама не объяснил ее смысла.

"Начертав прекрасные слова: "Истина дороже родины", Чаадаев не раскрыл их вещего смысла. Но разве не удивительное зрелище эта "истина", которая со всех сторон, как неким хаосом, окутана чуждой и странной "родиной"?"

"Мысль Чаадаева, национальная в своих истоках, национальна и там, где вливается в Рим. Только русский человек мог открыть этот Запад, который сгущеннее, конкретнее самого исторического Запада. Чаадаев именно по праву русского человека вступил на священную почву традиции, с которой он не был связан преемственностью. Там, где все необходимость, где каждый камень, покрытый патиной времени, дремлет, замурованный в своде, Чаадаев принес нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный. Эта свобода стоит величия, застывшего в архитектурных формах, она равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры, и я вижу, как папа... приподнялся, чтобы приветствовать ее."

"У России нашелся для Чаадаева только один дар: нравственная свобода, свобода выбора. Никогда на Западе она не осуществлялась в таком величии, в такой чистоте и полноте. Чаадаев принял ее, как священный посох, и пошел в Рим. Я думаю, что страна и народ уже оправдали себя, если они создали хоть одного совершенно свободного человека, который пожелал и сумел воспользоваться своей свободой."

Последние абзацы (мысли о сгущенном восприятии Запада русским умом и нравственной свободе, которую русский ум приносит на Запад) — очевидный парафраз Достоевского. Так Достоевский, вглядываясь в Чаадаева, рассуждает в "Подростке" (смешивая в Версилове чаадаевское с тютчевским, с той самой мечтой о прекращении истории, которой Чаадаев противостоял). Так Чаадаев откликнулся в словах Ивана Карамазова о до-

рогих могилках. И, наконец, так это звучит и в Пушкинской речи, в окончательной форме догмата о всемирной отзывчивости русской культуры.

Однако судьба Чаадаева странная. Все знают его имя (Пушкин, "К Чаадаеву"). Но кто его читал? Почти никто из моих друзей. Вряд ли больше ста человек в России. А кто подхватил мысль Чаадаева? Н.А.Бердяев, М.О.Гершензон, О.М.Мандельштам... Мне остается добавить, что и сам я не смог без него обойтись.

Подступ второй. Народное и Вселенское

В каждой великой культуре дополняют друг друга фольклорное и вселенское. Ассимилированный интеллигент ассимилирован *мировыми* аспектами имперской культуры. Фольклорные пласты могут его не затрагивать, и он в принципе способен совершенно без них обойтись, при величайшей и искреннейшей любви к духовным вершинам. Я это чувствую сам. Но форсирование различий между фольклором и классической культурой может быть шагом к совершенному разрыву с этой культурой. У многих участников алии, вырывавших из своей груди привязанность к России, так и было. Крайний случай — тезис Александра Воронеля, что романы Толстого или Тургенева не более связаны с русской деревней, чем культура американских плантаторов — с плясками их черных рабов. Отголосок этой ереси есть и в предложении Бориса Хазанова (1974) — собрать тысячу интеллигентов, хранителей неповторимого русского языка, на необитаемом острове, — и там, наподобие тысячеголового гомункулуса в колбе, они будут писать свои эссе и романы.

Я не верю в этот счастливый остров и не думаю, что слово Достоевского о Мармеладове можно отделить от 50 000 000 или 100 000 000 мармеладовых, спьяну валящихся под колеса. Без причастности к страданию твари нет и вдохновенного вопля к Творцу. Вершины русской культуры неотделимы от русских хлябей. Нельзя творить на этом языке, внутренне отгородившись от русской жизни. Но можно выбрать себе роль по характеру и по плечу. В игре вселенских и этнических мотивов многие инородцы выбирают себе место поближе к вселенскому. Не только они — но они в первую очередь.

В каждой национальной и сверхнациональной культуре (например, в Европе, Индии, Китае) можно подчеркнуть и ее универсальные черты, и ее идиомы, но никогда нельзя оторвать их друг от друга. В эвклидовском разуме универсальное — враг особенного, но в жизни они нераздельны. И в известном смысле все равно, с чего начать. Начнешь иногда с универсального, а приходишь к особенному (вне которого и универсального нет). Или начнешь искать, вместе с Достоевским, русскую идею — и приходишь к всемирной отзывчивости. Мировые религии, равнодушные к роду и

племени, сохранили неизгладимый отпечаток лона, из которого они родились: индийского — в буддизме, еврейского — в христианстве, и наложили отпечаток Индии и Израиля на десятки стран, и не стереть этого. Вселенское и этническое — это не два тела, между которыми можно выбрать. Акцент на вселенском не означает разрыва с локальной традицией, перехода на эсперанто, прыжка в утопию. Вселенский аспект культуры — неотделимая часть ее живой жизни.

Мы живем сейчас в России на повороте к национальному, и модно убеждение, что вселенское холодно и даже агрессивно. Один современный автор счел нужным особо оговориться, что католический космополитизм не заключает в себе ничего предосудительного. То есть космополитизм вообще что-то плохое, но из этого правила снисходительно изымаются отдельные случаи. В мое время так же снисходительно изымались отдельные случаи национального пафоса (в противоположность буржуазному национализму)...

Я убежден, что предубеждения против вселенского так же нелепы, как и противоположные (против всего национального). Вселенское может быть самым сердечным. Ни одна национальная религия не превзошла в милосердии Будду или Христа. Другое дело — как их истолковать. Возможен и холодный космополитизм, и яростный интернационализм (так же, как национальное может быть всяким — и обаятельно теплым, и отталкивающе агрессивным). Каждый выбирает то, что ему по сердцу...

Я строю свой дом там, где кончаются национальные долины и начинается общая всем гора. Так всегда поступала какая-то часть ассимилированных евреев. Если бы все евреи так поступали, — народ еврейский исчез бы. Для народа безумие идти навстречу собственному упразднению. Но личность вправе идти, куда хочет. Для иных умов чужое — тоже свое.

Так немецкая культура около 1848 года потребовала противовеса консервативному и национально ограниченному романтизму. Этнически подлинные немцы плохо справлялись с задачей времени, и на первый план выдвинулись онемеченные евреи — Берне, Гейне, Маркс. Потом их книги сжигали, потом снова печатали. Гейне не удалось вытравить из немецкой литературы, так же как из немецкой философии — Маркса. Хотя о том и о другом можно спорить, кто они: немецкие писатели и мыслители еврейского происхождения или евреи, пишущие по-немецки. С.Булгаков во время Первой мировой войны считал Маркса стопроцентным немцем. Потом того же Маркса стали считать стопроцентным евреем. Гейне — то немецкий радикал-западник, то еврей, спорящий со своим еврейским Богом. Можно ли всех этих Гейне отделить, отрезать друг от друга? Стал ли поэт хуже от своей этнической сложности?

Нечто сходное было в России, когда складывался стиль 20-х годов, с его вкусом к остроте формы, стремительности действия, яркости метафор. Партия и правительство осудили теорию этого стиля (формализм).

Они видели в ней что-то слишком независимое, уклонявшееся от прямого партийного задания. Но задним числом формализм (в теории и на практике) так же неотделим от своего времени, как и партийные постановления против него.

Что-то здесь шло от духа времени, от войны, от революции, от разрухи. Еще до перемены в писателях переменился читатель. "Я перестала писать, — пишет в своих замечательных воспоминаниях Анна Григорьевна Полякова. — Я решительно не понимала, что и о чем мне писать. Более того, я перестала читать: ни Гоголь, ни Пушкин, ни Толстой не умещались больше в моей голове. Я читала только детские приключенческие книги. Забившись в угол своей постели с потрепанным томом Фенимора Купера, я немого переводила дыхание."

Это непосредственное чувство 18-летней девушки, то есть именно того поколения, к которому обращалась литература начинавшихся 20-х годов. В более продуманной форме положение описал Осип Мандельштам: старый роман предполагал характеры, медленно складывавшиеся и медленно вступавшие в связь друг с другом. А сейчас человека швыряет из стороны в сторону, как бильярдный шар, и всю психологию заменил простой закон: угол падения равен углу отражения...

Разумеется, утонченность не исчезла, и не исчезла потребность отгородиться от грохота событий. Но все приобрело другой характер, и *все* талантливые писатели 20-х годов пишут не как Толстой, не как Достоевский (эпигонствует Толстому Фадеев, а Олеша пишет по-новому, Бабель пишет по-новому). Одесская школа быстрее других почувствовала новый вкус. Но почувствовал его и Владимир Набоков. В чем-то он ближе к Юрию Олеше, чем к Льву Толстому:

"Синяя сырость оврага. Воспоминание любви, переодетое лугом. Перистые облака вроде небесных борзых..." Я взял первую попавшуюся строку Набокова и прошу сравнить эмигранта с одесситом. По-моему, цитаты из Олеши в полемике О.Михайлова против одесской школы вполне можно заменить цитатами из Набокова. Набоков никогда не жил в Одессе, но кое-какие романы его ("Машенька", "Король, дама, валет", может быть, еще кое-что) вполне укладываются в русло литературы 20-х годов. А гений вообще ни во что не укладывается...

Литература 20-х годов в целом склонна обходить предельные глубины, философские и религиозные бездны и искать взамен формального совершенства, не продолжая (ей этого не нужно) задыхающийся лепет Достоевского и толстовские длинноты. Одесситы были только острее и категоричнее других. И время оценило их остроту. Предельно популярный случай, упрощенный до уровня толпы, — творчество И. Ильфа и Е. Петрова. Когда "Золотой теленок" печатался по главам в журнале "30 дней", мы — школьники — заучивали наизусть целые монологи. И еще в 1948 году (когда Иль-

фа и Петрова решились переиздать) публика сломала прилавок, расхватывая юбилейный однотомник. Я работал тогда продавцом в Книжной лавке писателей и видел это своими глазами. Помню и анекдот 1948 года: покупатель приходит в магазин и просит книгу про героя нашего времени. Ему дают Лермонтова. "Нет — возразил человек, — мне про героя *нашего* времени, про Остапа Бендера!"

Потом вкусы изменились, начался процесс возвращения к досоветским глубинам, единое сознание советской империи раскололось, и поиски духовной жизни смешались с поисками национальной почвы. Тогда бросилось в глаза, что центр южной школы — в Одессе (раньше это как-то не мешало); что Беня Крик — не пролетарский интернационалист, а еврейский бандит; что духовные глубины Достоевского или Толстого значительнее, чем острота сюжета и блеск метафор. Одесская школа в иных (не очень светлых) головах стала рисоваться иностранной диверсией. Валентин Катаев позабыл, что сам он в 20-е годы принадлежал к той же школе и писал в ее духе (хотя менее талантливо, чем Бабель), и бранит, как чужое, то, что было отчасти и его собственным прошлым.

В ненависти нынешнего Катаева к Бабелю много личного, много мелкой литературной зависти, нашедшей, наконец, идейную возможность вырваться на простор и затрубить о себе всему миру. Но в "Алмазном венце" он выразил не только свои чувства, когда писал о "круглых очках местечкового интеллигента" и "южно-новороссийском, черноморском, местами даже местечковом жаргоне, который, собственно, и сделал его талантливым"[1].

Действительная беда формальной, южной или одесской школы не в том, что она одесская и отчасти еврейская, и не в космополитическом духе, а в мелкости этого духа. Космополитизм 20-х годов нес с собой только универсальные технические приемы. Националист и шовинист Достоевский был гораздо глубже вселенским и европейским, чем западники, проходившие мимо иррациональных глубин Запада и мимо всяких глубин. Но через выход на плоскость русский национальный дух должен был пройти. Этот выход не был бесплодным, в обострении чувства формы был свой смысл, и западничество одесских европейцев перекликалось с западничеством Набокова, с вечерней зарей Петербургского периода...

Когда-нибудь возвращение к глубинам совершится, и снова встанет вопрос: как не затеряться в этих глубинах? И снова чувство замкнутой формы перестанет казаться чуждым русскому духу.

---

[1] Цитирую по статье: А.Львов, "Простота неслыханной ереси". Журн. "Время и мы", 1979, № 40, стр.167–168.

Подступ третий. Шуубийя

Все последние века классической латыни — это творчество инородцев: романизированных галлов, испанцев, африканцев. Иногда инородцы становились к кормилу правления. Но прежде всего они захватили литературу. Латиняне не в состоянии были заполнить литературное пространство своей империи. Навязав покоренным народам свой язык, они потерялись в имперской культуре. Римская по языку, она перестала быть римской этнически. Правда, этого можно и не заметить. Ассимиляция инородцев была медленной, глубокой и прочной, дух латинской словесности оставался латинским духом. Однако возможны и другие случаи — случаи неполной ассимиляции.

В истории арабской письменности был целый период, получивший название шуубийи. Аббасиды, восстав против Омейядов, опирались на восточные провинции халифата, то есть на Иран. Столица была перенесена из Дамаска в Багдад, поближе к Ирану. Выходцы из Ирана получили легкий доступ ко двору. И именно они создали новый поэтический стиль. Это был стиль большого города, а не аравийской пустыни, и многое в идеях шуубийи напоминало тезисы Перро в споре с Буало — о преимуществах поэзии века короля-солнца по сравнению с наивным Гомером. Первые халифы-аббасиды покровительствовали шуубитам и пренебрегали наветами ревнителей старины. Гарун ар-Рашид, может быть, и сам чувствовал себя ближе к иранскому царю царей, чем к нищему бедуину. Его не шокировало, что Абу Нувас гордится своим персидским происхождением и издевается над бедуинским невежеством. Персидское вошло в моду, и писатели персидского происхождения (Абу Нувас, Башшар ибн Бурд, Ибн Мукаффа) создали эпоху в арабской литературе. Михаил Занд в своей книге "Шесть веков славы" описывает это явление как языковое инобытие персидской культуры (накануне ее обособления и выделения в новоперсидском языке).

Это, однако, только одна сторона дела. Другая заключается в том, что шуубиты остались классиками арабской культуры, и ряд реформ, проведенных ими в арабском стихе, и "Калилу и Димну" в арабской прозе невозможно было вычеркнуть самым яростным антишуубитам.

Бывает так, что повороты, внутренне назревшие в развитии культуры, осуществляют главным образом инородцы, но это не значит, что в таком повороте все чуждо почве. Чужое — синоним нового, и часто в оболочку чужого входит просто новое — и остается навсегда. Страсти в борьбе шуубийи и антишуубийи отгорают, а стихи остаются, проза остается.

Есть какая-то аналогия между веком шуубийи и 20-ми годами, веком шуубийи — и нынешним временем. Шуубиты были героями дня (так же, как Ильф и Петров — любимыми писателями Советской России). Новая городская арабская жизнь нашла в шуубитах своих первых поэтов и писате-

лей, и фольклор арабского города усыновил Абу Нуваса. В сказках 1001 ночи он любимый спутник Гаруна ар-Рашида и общий любимец. То, что Абу Нувас смеялся над бедуинами, не шокировало горожан. Они сами смеялись над бедуинами.

Потом положение изменилось. Империю разъедала продажность. Жестокие и жадные наместники доводили жителей до отчаяния. Власть халифов шаталась, восстания следовали за восстаниями, победы арабского оружия сменились поражениями. Арабскую аристократию охватила ностальгия по пустыне. Почвенники объясняли упадок забвением добрых старых нравов и видели в шуубитах что-то вроде жидо-масонов. Следующий век был веком антишуубийи. Ал-Джахиз пишет книгу о скупых, смеясь над скупостью персов, как Абу Нувас смеялся над расточительностью бедуинов. Крайние антишуубиты хотели бы стереть всякий след участия инородцев в арабской литературе...

Шуубиты пали жертвой политических страстей, вызванных угрозой распада империи. Башшар ибн Бурд был засечен кнутом, Ибн Мукаффа обвинен в ереси и казнен с благочестивой жестокостью: сперва сожгли руки и ноги, отрубленные от тела, потом — несчастный обрубок. Только Абу Нувасу повезло: его закололи в пьяной драке. Но рукописи не горят. И сейчас книги шуубитов и антишуубитов стоят на соседних полках, стали главами одной истории литературы.

Разумеется, аналогия не тождество. В современном положении есть неповторимые черты, XX век не дублирует X, и Москва, в общем, мало напоминает Багдад. Но есть что-то общее в судьбе империй, попавших в полосу кризиса. И это общее надо учесть, прежде чем подойти к неповторимому. А не то мы повторим рассуждения Д.С.Лихачева, для которого все, что не Голландия, — уникальная черта России: и юродство, и даже ласковое обращение: мамаша, сынок. Хотя в Индии к каждой женщине обращаются: мать. Хотя юродство есть в Китае (в даосизме, в буддизме чань), есть в Японии (буддизм дзэн), в Тибете (чо-па), в Индии (особенно в культе Шивы-Бхайравы), в странах ислама (юродские формы суфизма).

Подступ четвертый. Исполнение желаний

Боги наказывают нас тем, что исполняют наши желания, — говорили древние. Таким желанием строителей Российской империи была русификация. Желание исполнилось — благодаря Советской власти. Развитие местных языков на уровне начальной школы оказалось самым лучшим мостом к языку империи (на котором велось высшее образование). Способные дети совсем обрусели: стали по-русски думать, по-русски писать стихи и прозу. Но самосознание казахов или киргизов, окунутых в русскую культуру, было не совсем русским. Раньше они существовали попросту вне рус-

ской культуры, а сейчас внутри — и в то же время по-своему. Иногда это "по своему" тихо, не полемично и не вызывает споров. Оно выступает как народная мудрость, которая судит цивилизацию. Русские обычно не отождествляют себя с цивилизацией, и поэтому язвительные замечания старого Хабуга (у Фазиля Искандера) воспринимаются скорее *рядом* с замечаниями русских деревенских стариков и старух. Абхазская или киргизская этнография до какой-то степени поддерживает русскую этнографию, размытую прогрессом. Но в то же время они ее незаметно заменяют и подменяют — как во всех цивилизованных странах, где своей этнографии не хватает. Возникает романтизм западного типа, с интересом к чужой этнографии, а не германо-славянский, почвенный, с преобладающим интересом к своей этнографии, к своей старине[1]. Читателю все равно, но теоретик раздражен, и недовольство его прорывается, если колоритным и иногда мудрым оказывается еврейское предание, еврейский быт.

Бескорыстному читателю трудно понять, почему Олег Михайлов восстает против героизации Молдаванки. Почему не раздражает героизация старого Хабуга или Хаджи Мурата или Тараса Бульбы? С чисто литературной точки зрения фигура Бени Крика становится рядом с другими колоритными подданными империи, расширяя рамки имперской русской литературы, создавая целый многонациональный и в то же время русский мир, подобный миру литератур английской, французской, испанской... Зачем России патриотизм, который сужает сердце? Каким образом узко русская культура может существовать в центре огромной империи?

Но есть нации и нации. Шовинизм снисходительно терпит самовыражение тех, кто неспособен (как ему кажется) к управлению империей. Их он готов даже несколько поощрить. Ненависть вызывает соперник во владении высшими духовными ценностями и конкурент в борьбе за рычаги управления. Казахи терпимы, пока они пишут про свои казахские делишки. Но не дай Бог им показать, что они и в русских делах разбираются не хуже нас.

Скандал, вызванный книгой Олжаса Сулейменова "Аз и Я", замечателен в нескольких отношениях. Он показал начало новой волны шуубийи, опирающейся на сильную, уверенную в себе национальную жизнь. Он показал, что шуубийя — это не происки международного сионизма, а неизбежное явление внутреннего развития (и в то же время распада) имперских культур. Можно провести теперь линию: от Абу Нуваса до Олжаса. Можно сказать, что в IX веке шуубийя сложилась в арабской империи, в XX веке — в Российской. Носителями шуубийи могут быть любые лица. Перс так перс, еврей так еврей, казах так казах. Но непременно — ассимилированный инородец.

---

[1] См. мои работы о модернизации незападных стран.

Когда Сулейменов прочел "Слово о полку Игореве" глазами половца — это была шуубийя. Это была этническая ересь. "Слово" не рассчитано на половецкое чтение. Его надо читать русскими глазами, так же как "Песнь о Роланде" — глазами француза. Но еретический взгляд только по первоначалу разрушает художественное впечатление. Со временем оно восстанавливается, обогащенное. И ересь Сулейменова, по-моему, обогатила восприятие "Слова".

Может быть, не все тюркизмы, которые Сулейменов находит, достоверны. Может быть, отношения между русскими и половцами были не такими идиллическими. Но я впервые понял, почему Игорь легко договорился с Овлуром о бегстве. Ни в одной статье, прочитанной раньше, я не нашел, что храбрый князь был сыном и внуком половчанки (т. е. половцем на 3/4, если заниматься исчислением четвертинок) и половецкий язык он знал с детства. Ни в одной статье я не прочел, что Игорь, бежав из плена, въезжает в Киев с севера, а не с юга — явно нелепым образом для читателя XII века — и в этой детали видна рука редактора XVI века, никогда не видавшего в глаза ни Киева, ни половцев. Именно эта редакторская работа создала у ученых впечатление подложности памятника, которое я отвергал интуитивно, без доказательств. Сейчас подлинность памятника убедительно подтверждена.

Книга Сулейменова — вызов ортодоксальной трактовке "Слова", но он не разрушает ее. У меня нет тюркского патриотизма. Я смотрю здесь на дело скорее с русской точки зрения. Но я убежден, что русское чтение памятника после ереси Сулейменова должно стать полнее, богаче.

Пока имперская культура не потеряла живой силы, шуубийя только обогащает ее. В спорах, вызванных шуубийей, откровение и вдохновение, лежащее в основе традиции, заново шлифуется и приобретает новый блеск. Плохо одно: разгул политических страстей, господство инстинкта самосохранения над инстинктом истины. Мне кажется, при оценке факта культуры вопрос о судьбе империи не должен выдвигаться на первое место. Шуубийя может быть политически нежелательна; для ее литературной оценки это так же несущественно, как страница о Константинополе в "Дневнике писателя" Достоевского для оценки "Братьев Карамазовых".

Нынешняя еврейская шуубийя связана не с ассимиляцией, а с диссимиляцией. Это отличает ее и от книги О. Сулейменова, и от еврейского участия в литературе 20-х годов. Бабель ассимилируется, у него нет основного конфликта с Россией. Он еще не знает, что Абрам Терц назовет его подглядывающим инородцем. Сам Бабель себя в этом ранге не утверждал. Борис Хазанов диссимилируется, он наполовину оторвался от страны, ставшей ему мачехой, — и не может оторваться до конца. Его конфликт с Россией выражен на уровне сознания. Но его связь с Россией глубже. У него нет никакой еврейской этнографии, никакой еврейской религии. Воспоминания, к кото-

рым все время тянет вернуться, — рассказы русской няни о Христе. Центральный миф в его миросозерцании — хождение по водам. Даже утопия его — "Новая Россия" на необитаемом острове — может быть понята как эпизод из истории русской интеллигенции, предельное выражение интеллигентской мечты: бежать от неразрешимых вопросов политики, сохранив русский язык и культуру... Его инвективы против русской расхлябанности напоминают Философическое письмо Чаадаева или "Тоску по родине" Марины Цветаевой:

"...Пора назвать вещи своими именами. Мы, пишущие и говорящие по-русски, живущие в стихии русского языка, мы — у разбитого корыта. Этот язык, подобного которому нет среди языков живых, ибо он сравним только с греческим, чудо творения, наш невидимый град, единственное, что у нас осталось, — никому больше не интересен, никому в мире не внятен: на нем не говорится ничего или почти ничего, что могло бы задеть за живое мир... Разменяв второе тысячелетие своей истории, гигантская империя, подмявшая под себя половину Азии и треть Европы, со своими двумястами шестьюдесятью миллионами подданных, — на карте духа всего лишь обширное белое пятно.

Поразительный контраст между огромностью нации и ничтожной ролью, которую она играет сегодня в мировой культуре, не может быть оспорен. Это не впечатление, а данность; итог и точка отсчета. С этой нулевой точки предстоит начинать заново. Странным образом мы очутились вдруг как бы в российском восемнадцатом веке: прежняя культура разрушена, ее нет, и никакой другой тоже нет. Понимание этого может стать импульсом к солидарности — сплочению погорельцев. Что нас способно объединить, так это чувство ситуации — исторической, культурной, языковой..."

Русская культура, скорее всего, не согласится с диагнозом Хазанова и закричит, что она не хочет умирать, что она подымется, что она воскреснет. Но ведь и Хазанов кричит о том же. Его философическое письмо можно сократить до четырех слов (Мандельштама об акмеизме). "Тоска по мировой культуре". Эта тоска — порыв к жизни. Но петербургский период кончился. Где-то между 1921 годом (смерть Блока) и 1940-м — он умер. Хазанов указывает другую дату (смерть Толстого). Я учитываю серебряный век поэзии и творчество Набокова-Сирина. Расхождение не очень велико. Так или иначе, нам приходится начинать заново, как после петровской ломки. И Хазанов предлагает снова, как в XVIII веке, опереться на Европу, восстановить место России в диалоге европейских культур. Можно довольно много сказать в пользу этой идеи: вспомнить "всемирную отзывчивость", подчеркнуть простой факт, что даже славянофильство возникло не прямо из русской почвы, а через Шеллинга и Гегеля. И может быть, современная западная философская и эстетическая культура не помешали бы даже Леониду Бородину. Мне, по крайней мере, грустно было слушать, как

цельный и искренний Бородин восхищался Ильей Глазуновым...

Хазанов считает, что нельзя просто склеить по кусочкам ось истории культуры, отгородившись от современности лет на 150—200. Хазанов тычет пальцем в разрывы истории, и в этом он опять прав. Россия так же не может вернуться к Толстому, как Испания — к Сервантесу. Уже славянофилы сомневались, к какой Руси возвращаться (к Московской? к Киевской?), а сейчас этот вопрос еще более запутан (по Солженицыну, надо возвращаться к Аввакуму, а Питер переименовать в Невгород. Но разве это сохранение традиции? Разве это не новая ломка?) [1]

Однако восстановление живой связи с прошлым необходимо. Все связи надо восстанавливать одновременно. И с настоящим, и с прошлым, и — хочется мне добавить: прежде всего — с вечным. Есть не только широта настоящего и глубина прошлого. Есть еще бездна вечного. И только из этой бездны придет творческая воля, которая сразу завяжет все узлы: и с прошлым, и с настоящим, а там — кто знает? — и с будущим. Я где-то уже писал: думайте о Боге, пишите по-русски, — вот и получится русская культура. А стараться быть русским, по-моему, так же смешно, как стараться быть блондином и красить волосы перекисью. Я вовсе не старался следовать Бердяеву или Федотову, ни малейшего намерения не имел. Просто жил в России, читал Достоевского, думал о русских проблемах, о наших надеждах и бедах — и само собою, попал в след Бердяева, Федотова, Даниила Андреева...

Прошлое само по себе не спасет. Оно в России рваное. И западное настоящее не спасет. Оно тоже рваное. Весь мир сегодня разорван — не за что ухватиться. Надо начинать заново, от нуля, из бездны. Если отчаяние придаст нам силы и целостный дух возродится, то открытость миру не станет ему помехой и не нарушит его целостности; напротив. Если мы, почти от нуля, на пепелище, сумеем заново начать, это будет и мировое событие, и продолжение главной традиции русской истории. Потому что начинать заново от нуля, на пепелище — это и есть главная традиция России. Кто бы ее ни подхватил. Хоть айсоры.

Тогда сразу станет ясно, что географические и исторические связи культуры — не антиподы. Тогда начинаешь понимать, что подчас у чужих находишь свое, а в собственной истории — ферменты, которые помогают переварить и усвоить чужое.

Ни западническая, ни почвенническая традиции не должны прерываться. И обе должны — преобразиться, преодолеть свою обособленность. И если в Москве западничество оскудеет — пусть оно продолжится по дороге в Иерусалим.

---

[1] Страх современности – черта, воспитанная шестьюдесятью семью годами замкнутости. Мы стали бояться пространства и норовим назад в камеру. Это тот комплекс, который привел к власти Хомейни.

Подступ пятый. Потерянные сокровища

Что такое свое, что такое чужое? У Мандельштама есть стихотворение о том, как он бродил по чужому и вдруг встретил свое, — о своей встрече.

Я не слыхал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина, —
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотладии кровавая луна?
И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине,
И ветром колыхаемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.
И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет.
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет.

Что это за сокровище? Почему сыновья и внуки его теряют и правнуки находят вновь? Потому что откровение раскрывается только откровению и вдохновение — вдохновению[1]. Вы читаете текст — и он мертв, потому что вы сами мертвы. Но вдруг вы ожили, и текст ожил, заговорил. Сын хранит заветное слово отца, учит его наизусть, передает детям и внукам, и все они хранят только надгробие над мертвым словом. Но приходит правнук или чужак и открывает сокровище. Потому что его дух достиг глубины текста. Потому что его дух в тайном родстве с духом заветного слова (мимо всякого кровного родства).

Мохаммед говорил, что ради одной крупицы истины стоит доехать до Китая (это в VII веке, при тогдашних трудностях путешествий). Дух часто открывает нам себя в чужом и далеком. Иногда близкое слишком близко, и мы не можем охватить его в целом (не хватает дали, чтобы окинуть его одним взглядом). Или загородили суть пустяки, хорошо известные мелочи — бытовые, смешные, нелепые. Дальнее, в котором мелочь скрыта дымкой пространства и времени, легче открывает свою суть...

А иногда дальнее — это не чужое вовсе, а самое близкое. Так романтики и битники открывали в чужих одеждах себя самих. Потому что мы сплошь и рядом — гадкие утята, ни на кого в своем птичнике не похожие, и настоящая родня наша — где-то за морями. То есть в чужих культурах наше личное нашло свою законченную форму, в нашей собственной — не нашло, остается странным, нелепым, юродским.

Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны...

А глубочайший дух всюду один. То, что называют народным духом, — только игра света в облаках. Но одного и того же света. Народы отличаются

[1] Этот тезис можно подкрепить словами Силуана Афонского: "То что написано со Святым Духом, может быть прочитано только со Святым Духом."

друг от друга в красном и черном, а белое у всех одно (Божье). И чем более мы всматриваемся в белое, тем чаще свое оказывается для нас чужим и чужое своим.

Древние племена воспринимали мир как игру трех цветов: белого, красного и черного (включавшего все темные холодные тона). Английский этнограф Виктор Тернер нашел трехцветную классификацию у племени ндемба в Африке, а потом проследил остатки этой системы почти во всех культурах. Белое — цвет молока и семени, цвет источника жизни. Красное — цвет крови, текущей в жилах и пролитой в битве, знак бодрости, гнева и ярости. Черное — цвет трупа и плодоносной земли, знак смерти и воскресения. Эта система почти полностью сохранилась в индийском учении о трех гунах, трех первоэлементах бытия, из сочетаний которых складываются первообразы предметов и сами предметы. Первый элемент — саттва (одухотворенность, окрыленная легкость). Второй — раджас (активность, динамизм, воинственность, ярость). Третий — тамас (стабильность, инертность, тяжесть, тупость). В метафизике трех гун многое прояснено и потеряно только одно: эмбивалентность третьего элемента, тождество смерти и воскресения. Она сохранилась только в индийской мифологии, в образах темных (в миниатюрах чаще всего темносиних) богов, Шивы и Кришны. Китайская культура потеряла больше: троичность первооснов (это важно потому, что три — образ целого, в котором двойственность темного и красного просветлена чем-то третьим). Но сохранены равноценность темного и красного, стабильности и динамики, пассивности и активности, инь и ян. Белое здесь отчетливо не выражено, может быть, присутствует под знаком инь и под знаком ян как единичное дыхание жизни, ци...

Суть дела не в двух и не в трех, а в отношениях между ними — механических или органических. Средиземноморский разум склоняется к механическим отношениям (против этого восстало только богословие). Китайская и индийская мысль чувствует нераздельность различий, укорененность их друг в друге, текучее единство глубин бытия. Здесь нет догмата о неслиянности и нераздельности, ибо нет ереси разделения. Восточный разум сохраняет архаичную мудрость и мыслит противоположности как мужское и женское, соединение которых есть новое бытие, а не уничтожение друг друга: огня водой и воды огнем.[1]

Я убежден, что бытие органично и не развинчивается на атомы. В глубине организма не клетка, а живой дух, единое. Архаическое мышление это сознавало, а мы потеряли. Деление по трем цветам (или по трем гунам, или по схеме инь—ян) кажется наивным, но оно незаменимым образом описывает единство пестрого мира. Без него нельзя, по-моему, представить себе ни макрокосм, ни микрокосм. Даже о трилогии Синявского-Терца я

[1] Это хорошо разъяснила Т.П.Григорьева в книге "Японская художественная традиция", М., 1979.

не мог вполне высказаться, пока не объяснил читателю восточной метафизики. Термины Ад, Чистилище и Рай, употребленные в главе первой, — очень слабые подобия того, что мне хотелось сказать. У Синявского-Терца нет нигде ни рая, ни чистилища, ни ада. Но в "Голосе" я чувствую преобладание саттвы, в "Прогулках" — раджаса (как кипение мысли и как озорство), в "Тени" — тамас (взгляд в неподвижность смерти). Только преобладание, не больше. Во всем есть *все три* гуны, все создано из трех гун. Прообразы вещей и сами вещи отличаются только преобладанием той или иной гуны. По всем колеблются, чередуясь, волны инь и ян...

Так я вижу и западничество с почвенничеством, шуубийю и антишуубийю (взаимное дополнение, а не уничтожение огня в воде, воды в огне). Там, где рационалист пускает в ход закон исключенного третьего, я вижу укорененность друг в друге и неразделенность.

Так и с противоположностью своего и чужого. То, что кажется чужим, — только непривычное сочетание все тех же гун. И потому перпендикуляры, движения поперек и в сторону, вызванные внутренним развитием, так легко путаются с касательными, созданными процессами ассимиляции и диссимиляции чужого. Не только вчуже, в анализе, в понимании критика, но и сами по себе путаются, так что невозможно сказать: что это, свое, кажущееся чужим? Или чужое, ставшее своим?

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет.
И снова скальд чужую песню сложит,
И как свою ее произнесет...

Подступ шестой. Химерический комплекс

Сейчас в моде теория этносов, и я заимствую из нее красивый термин: химерический комплекс. У Льва Николаевича Гумилева — дар, близкий к поэтическому, на такие слова: пассионарии, консорции... Его теория этносов в значительной мере держится на обаянии терминов, многозначных и влекущих, как стихи. Такая эмоциональная манера теоретизировать мне скорее нравится; и словцо "химерический комплекс" пришлось по сердцу. Мы живем в каком-то химерическом комплексе, в утопии, ставшей плотью. Но отчего это получилось? По мнению Льва Николаевича — от смешения несовместимых этносов. И тут я хочу спросить: кто нам докажет, что этносы, давно сжившиеся и почти слившиеся, несовместимы?

Все исторические примеры, на которые опирается теория, допускают другое объяснение. Я отчасти уже показал это в своей статье по теории субэкумен ("Ученые записки Тартуского университета", 1976, сер. "Востоковедение", III). Новые примеры, приведенные в статье Бородая ("Природа", 1981, № 9), попросту нелепы. Считать плодом смешения иудеев и эллинов гностицизм и выносить за скобки христианство — значит рассчитывать на

умственно несовершеннолетних. Лев Николаевич Гумилев фактически исходит из своего опыта 20-х годов, когда рядом шли два процесса: разрушение петербургских традиций и наплыв евреев в столицы, и казалось возможным вывести первое из второго. Все остальные (названные) примеры подобраны искусственно, чтобы подтвердить этот (неназванный).

Несовместимости этносов на уровне высокой цивилизации нет. Несовместимы с современностью некоторые племена (бушмены, например). Они и не совмещаются, а вымирают. Что касается этносов, дошедших до вселенских религиозных идей, то между ними 2—3 тысячи лет бывали трения, бывали конфликты, но было и сотрудничество. Убеждение о несовместимости этносов (переставших быть замкнутыми племенами) основано на ложных метафизических предпосылках, которые отчетливо не сознаются, но могут быть выявлены. Этносы несовместимы в одном из трех случаев:

1) если Бога нет;

2) если Бог не един, и у каждой нации и каждого культурного круга свой бог, знать не знающий о соседе;

3) если Бог не есть Дух и все культуры не суть разные воплощения этого единого Духа, веющего, где хочет. Если же Бог есть Дух и Любовь, то трения, возникающие (по грехам нашим) между этносами, могут быть преодолены, как преодолены были трения между обрезанными и необрезанными в ранней церкви. Ибо во Христе несть ни эллина, ни иудея; а в Святом Духе несть ни иудея, ни христианина, ни буддиста. Наши несчастья — от потери общей идеи (например, марксистской) и неумения заменить ее Духом, хула на который — по Евангелию — хуже, чем хула на Отца и Сына.

Говорят, что якуты и эвенки тысячелетиями жили рядом без конфликтов. Но каков плод их диалога? Я его не знаю. Кажется, и мои оппоненты ничего по этому поводу не способны сказать. А от контакта иудеев и эллинов (несомненно, трудного и болезненного) возникла христианская церковь (огромное, всемирно-историческое событие). Не дай Бог случился бы в I веке Лев Николаевич Гумилев и учредил рождение химерического комплекса. Не было бы гностицизма. Но и католичества. И православия. И монофизитства. И несторианства. И Мохаммед (если бы он все-таки был) всех бы нас обратил в ислам.

Лев Николаевич Гумилев считает, что взаимоотношения с тюрко-монгольским миром были плодотворны для России. Несмотря на погромы, угон в плен, растлевающее влияние ига... В "Нашем современнике" эта идея была принята с возмущением, и на Гумилева обрушился град проклятий. Контакты, которые одному кажутся болезнетворными, с другой точки зрения целительны и плодотворны. Все оценки здесь субъективы и легко переворачиваются вверх дном. Можно подчеркнуть несовместимость индийского духа с китайским, еврейского с греческим и проч. А можно показать, что

это совмещалось и давало великие плоды.

Вопрос о трудностях этнических контактов не может быть попросту снят и отброшен, и Л.Н. Гумилев прав, что задает этот вопрос. Но ответ его — на уровне страстей. Акцент на захлебе страстей (этнических, социальных, сексуальных, блатных — каких угодно) опрокидывает абстрактные схемы, но он не только против абстрактных схем, он против Бога, он загораживает путь к Богу — и не дает увидеть, что невозможное снова становится возможным на уровне Духа, более глубокого, чем этнический дух. Через 2000 лет после Христа к нам вернулось язычество. Но эта реакция на рационализм сильна только тем, что она отрицает, и не может быть долгой.

Нация — это этнос, на который легла печать мирового Духа. В самой природе — открытость, всемирная отзывчивость. Не только русской нации (относительно которой это особо подчеркнул Достоевский). Все нации всемирно отзывчивы. Не отзывчивым может быть племя, народность, иная культура (Византия, Тибет после установления теократии далай-ламы). Нация непременно отзывчива. Все европейские нации отзывчивы к чужому. Без их переклички Европы вовсе бы не было. Европейское нигде не существует само по себе, вне национального (хотя существует, на каком-то сверхнациональном уровне, единый Китай). И каждая страна, становясь нацией, непременно становится открытой подсистемой в системе наций. Московская Русь, Япония Токугавы не были таковы, но они и нациями не были. А став нациями — включились во всемирный, начатый в древнем Средиземноморье диалог.

Превращение в нацию есть акт вступления в мировое сообщество, открытое для каждого. Символ веры нации — господство культуры над расой. Шовинистический синдром — следствие непривычки желудка новой нации усваивать чужое.

Поэтому Пушкин не боится показать, что Татьяна, русская душою, зачитывается французскими книжками и по-французски пишет письмо Онегину. Поэтому Мандельштам не боится сказать:

Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник...

Откуда же берутся химерические комплексы? От эвклидовского разума, который ищет простых и окончательных решений бесконечно сложных вопросов. И толкает нас в утопию общества без иерархии и социальных напряжений (бесклассовое общество) или в утопию общества без этнических напряжений (расово-чистая империя). И так слепая толпа, увлеченная доходчивыми лозунгами, мечется от классовой ненависти к расовой и от расовой — к классовой. ●

Эссе Г.С.Померанца "Три измерения духа" печатается без согласования с автором.

Лев ДРУСКИН (Тюбинген)

ДВЕ ЧАШИ

Восьмого сентября 79 года около семи часов вечера из Могилева выехали две машины. Путь был недолгим, минут через пятнадцать затормозили посреди совхозного поля.

Весь день моросил дождь, но вдруг тучи разбрелись, подевались куда-то, и перед глазами багровел огромный напряженный закат.

Это было знаменитое Буйничское поле, описанное в романах Симонова "Живые и мертвые" и "Последнее лето". Тридцать восемь лет назад здесь держал оборону полк Кутепова — командира, ставшего прообразом Серпилина.

Бои шли в пяти километрах от Могилева. Сейчас город придвинулся вплотную.

Поле было свежевыкошенное, только у колес передней машины темнел островок бурьяна.

Две живые души — две лошади — паслись неподалеку.

Справа угадывалась железнодорожная ветка, почти скрытая деревьями. Виднелась будка путевого обходчика. Слева упиралось в закат шоссе Могилев—Бобруйск.

Приезжие молча столпились у машин. Невысокий седой человек с усталым лицом нагнулся и достал с заднего сидения урну — грубый гипсовый кубок с высокой крышкой.

Большим кухонным ножом он отковырял крышку, засунул руку в наполовину заполненную урну и стал разбрасывать прах.

Он шел, как сеятель, широко взмахивая рукой, раскидывая горсти пепла.

Ветер давно стих, но легкие серые хлопья не падали сразу, а летели, то снижаясь, то вспархивая, в сторону деревьев.

Это был прах Константина Симонова.

Какая странная вещь человеческая психология, до чего все условно!

Прах нацистских преступников развеяли, чтобы и духу их не осталось. А Энгельс завещал зарядить своим прахом пушку и выстрелить в сторону моря, чтобы был он над водой и над сушей, везде и нигде.

И вот теперь — Симонов.

Симонов, Симонов...

В сороковые годы мужчины и женщины твердили, как языческое заклинание:

"Жди меня, и я вернусь..."

На легких каблучках в окопы к отвыкшим от ласк мужчинам сбегала со сцены удивительная женщина, актриса. Голубые жилки бились на ее обнаженной руке.

А в другом стихотворении женщина (подумать только!) лежала в постели с любимым, даже не с мужем. Неслыханное дело!

Позже диссертант-графоман (не помню фамилии) так и напишет:

"Симонов впервые ввел в советскую поэзию губы, плечи и прочие аксессуары женского тела".

Бывают такие парадоксы: для Симонова война осталась самой счастливой порой жизни — славой, молодостью, любовью.

За Валентину Серову (звезду экрана) боролись два Кости: Симонов и Рокоссовский. Вся страна говорила об этой любовной дуэли, которая шла с переменным успехом.

Победил Симонов.

Слегка грассирующий красавец, офицер последнейшей выточки, символ мужественности, пример порядочности — и это в сталинские-то времена.

Чудо!

Когда же началось его позорное падение, чем объяснить внезапный трагический перекос?

Передо мной сидит седой человек с усталым лицом — Алеша Симонов. Он очень мил, говорит много и охотно, нервничает (ведь он вернулся из Могилева всего неделю назад), бросает сигарету не докурив и тут же снова щелкает зажигалкой.

Я поминутно перебиваю его, вцепляюсь в каждую подробность, увожу, возвращаюсь, и поэтому разговор наш идет петлями, как вязанье, но, как вязанье, он все же движется в нужном направлении.

Лиля давно изругала бы меня за невежливость. Но она на кухне — готовит ужин.

— Нас четверо детей от трех жен, — говорит Алеша, — но для всех четверых отец знал одну точку отсчета. У него не было любимчиков. Он никого не обделил и не обидел.

— А он встречался со Сталиным? — спрашиваю я невпопад.

Ответ превосходит мои ожидания.

— Несколько раз.

Я так и вскидываюсь:

— Расскажите.

И пережимаю.

Словоохотливый Алеша тут же строго и жестко замыкается.

— Об этом он мне никогда не говорил.

Господи, как жаль! Ведь самое интересное. Ну, ничего, попробую попозже.

Но то, о чем он рассказывает, тоже интересно.

— Ему заказали сценарий к фильму "Обыкновенная Арктика" по Горбатову, но писал этот сценарий я, а он только помогал.

"Ну, отец, и сколько ты мне денег отвалишь?" — спросил я.

Отец засмеялся.

"А вот посмотрим, — сказал он. — Я ценю свой рабочий день в 350 рублей. Сколько времени потрачу, за столько и получу. Остальное тебе."

Наконец, работа была закончена.

"Теперь посчитаемся, — сказал отец. — Я потратил на это в общем четыре рабочих дня. Значит, полторы тысячи. Но неужели ты думаешь, что я возьму у тебя такую малость?"

Вот каков Симонов со своими детьми... А с друзьями?

Был у меня хороший друг.
Куда уж лучше быть?
Да все бывало недосуг
Мне с ним поговорить

То уезжает он, то я.
Что сделаешь — война!
Где настоящие друзья,
Там дружба не видна.

Почему же, начиная с 49 года, настоящие друзья стали называть Симонова Гапоном?

Лучше всего ответит на это стихотворение Марка Соболя, помещенное в первом московском "Дне поэзии".

Случаются такие чудеса: изредка непонятными путями проникают в советскую печать стихи, казалось бы, для публикации совершенно неправдоподобные: "Бабий Яр" Евтушенко, "Бакенщик" Евгения Маркина и "Костя", да, "Костя", — как говорится, прямо по адресу.

Дробить это стихотворение нельзя. Привожу его почти целиком.

На восток, на дальные раскаты
Два солдата шли путем одним...
Шли из окруженья два солдата:
Костя впереди, а я за ним.
Помню — речка. В стынущую воду
Сунулся — да плавать не могу.
Я сижу и жду на берегу
Час, другой... А Костя ищет брода.
Реки, чащи топи да озера.
Сил не стало. Свет в глазах зачах.
Чуть живой из плена и позора
Вышел я — у Кости на плечах...
Я не друга вспоминаю — брата:
Фронтовой — побольше, чем родной.
Шли из окруженья два солдата:
Я за Костей, он передо мной.
Что ж нынче сердце не на месте?
Может, слух — ошибкою, не в счет,
Может просто ложные известья,
Будто Костя стал совсем не тот,
Будто, переняв нехитрый опыт,
Сильным льстя, а слабого дробя,
Надо — он товарища утопит,
Утверждая одного себя.
И собратьям — память коротка!
Руку не пожмет, не скажет "здрасьте"...
Если б мог — самой советской власти
Подал бы два пальца свысока.
До сих пор минувшее когда-то
Снится мне... И вот, путем одним,
Вновь идут-воюют два солдата:
Костя впереди, а я за ним.
Снова речка. Никакого брода.
Плавать не умею. И тогда
Он меня рывком толкает в воду —
О, какая темная вода!
. . . . . .
От любви, от горечи, от злости
Наяву мне трудно и во сне...
С кем идешь, за что воюешь, Костя?
Я хочу, чтоб ты ответил мне.

Как проскочило это стихотворение? Вероятно, из-за камуфляжных строк: "Если б мог — самой советской власти подал бы два пальца свысока."

Советской власти Симонов льстил. А шел он с черной сотней сурковых и марковых. Он выбрал путь и четко определил свою позицию.

Разумеется, я не собираюсь говорить об этом с Алешей.

И вдруг он спрашивает робко и даже как-то виновато:

— Вы слышали о докладе 49 года?

— Слышал, — отвечаю я удивленно.

И Алеша горячо бросается на защиту:

— А что ему было делать? Фадеев запил и залег в больницу. Остались двое: отец и Софронов. Если бы выступил Софронов, вы представляете, что было бы? — он назвал бы вдвое больше еврейских фамилий.

Ах, вот как. Знакомая песня! Об этом писала еще Лидия Гинзбург: войти в партию, чтобы в ней было побольше порядочных людей; произнести подлую речь, чтобы предупредить речь еще более подлую.

Оказывается, Симонов совершил самоотверженный, благородный поступок, подставил себя под удар.

Впрочем, Алеша так и объясняет:

— У него не было иного выхода.

Но ведь на совести Симонова не только космополиты, — думаю я, — у него еще много иных тяжких грехов.

И я решаю показать эти страницы моему вечному оппоненту З. Он отвечает так, как я и ожидал:

— Нельзя помнить каждый проступок каждого человека. Время было страшное, и в таком случае надо судить всех.

В чем-то он прав, но есть в его словах и какая-то чудовищная неправда.

Что же, закрыть счет и не вспоминать? Но ведь проступок часто равнялся человеческой жизни.

Забыть? Списать?

Сейчас Алеша прочтет мои мысли, — пугаюсь я. Вернее, не пугаюсь, а жалею: ведь разговор-то на этом закончится. И я быстро перевожу стрелку.

Я рассказываю Алеше, как Лиля в 67 году побывала у его отца. В тот год нас обидели, отобрали дачу, моя жена кинулась в Москву за защитой. Перед тем, как подать заявление в Литфонд, она зашла посоветоваться к Елене Сергеевне Булгаковой.

— Деточка, — сказала Елена Сергеевна, — заявление надо умещать на одной странице, иначе его никто не прочтет. И никакой лирики, только суть.

Они сократили текст вдвое, после чего Елена Сергеевна перестукала его на "бесшумном ундервуде" — огромной грохочущей машинке, той самой, на которой она перепечатывала "Мастера и Маргариту".

И вытащив лист из каретки, неожиданно спросила:

— А почему бы вам не обратиться к Симонову? Он очень хороший человек и всем помогает.

Вечером Лиля набрала номер.

— Алло! — буркнула трубка.

— Попросите, пожалуйста, Константина Михайловича.

— Какого еще Константина Михайловича?

— Симонова.

— Если вам нужен Симонов, ему и звоните. А это телефон Кармена.

Раздались короткие гудки. Лиля заглянула в справочник. Да нет, все правильно: 151-87-15.

Стараясь не волноваться, она внимательно набрала номер.

— Алло! — буркнул голос.

— Простите, Роман Лазаревич, — залепетала Лиля, — я набираю номер по справочнику, звоню Симонову, а попадаю почему-то к вам.

И вдруг трубка взорвалась хохотом.

— Нет, это вы меня простите, старого дурака. Это я пришел к Симонову, сижу у него в кабинете, задумался. И решил, что я у себя!

К Симонову Лиля попала на следующее утро. Ей открыл тот самый Симонов — красавец, кумир ее юности, поэт, написавший "Дом друзей", совсем такой же, разве что поседевший. Но ведь есть люди, которые с возрастом становятся еще красивее.

Однако первые же его слова отозвались болью:

— Говорите, пожалуйста, громче: я глуховат.

В темном коридоре с двух сторон — бок о бок, впритирочку — стояли книжные шкафы. В просторном кабинете — большой письменный стол, над ним на ремешке гигантские ручные часы, а напротив застекленный шкаф с книгами знаменитого хозяина, изданными на разных языках.

Держался Симонов свободно и просто, хотелось рассказать ему все. Лиля так и сделала.

— Вот негодяи! — сказал он о ленинградском правлении.

И сразу взял быка за рога.

— Передайте мне сегодня вечером письмо. Я приложу его к вашему заявлению, добавлю несколько слов от себя, и завтра к одиннадцати отошлю со своим шофером председателю Литфонда СССР Тевекеляну.

И, усмехнувшись:

— Он человек восточный, должен делать добро.

— А как мне вам написать? — спросила Лиля. — Как секретарю Союза?

— Нет, зачем же? Напишите мне как любимому писателю.

Это была не шутка! Какой стыд, это была совсем не шутка.

— Ну зачем он так? — горевала Лиля потом. — Ну, спроси он: "Любите ли вы мои стихи?", сколько приятного он бы от меня услышал — и как я заучивала наизусть его книжку, и как почти целиком переписала ее, чтобы послать отцу на фронт. А тут он сам о себе: "Как любимому писателю..."

Нехорошо.

Разумеется, рассказывая Алеше эту историю, я умолчал о последней отцовской фразе.

Лиля принесла хлеб: "Скоро будем ужинать." Посмотрела на меня укоризненно: "Он же с работы, дай ты ему отдохнуть". И вышла.

— Да, — продолжает разговор Алеша, — Елена Сергеевна права (сказал как о живой). Не было человека, которому отец отказал бы в немедленной помощи. Многих он буквально вытаскивал из беды.

И неожиданно.

— А сколько подонков благодаря ему получили без очереди машины, квартиры, спаслись от суда.

Я изумляюсь:

— Зачем же он это делал?

Но Алешу не сбить, он отвечает твердо и спокойно:

— Я говорю о его старых друзьях. Отец был настоящим мужчиной. У него была единственная мера: как вел себя человек на войне. Дальнейшие промахи он считал временной ошибкой.

Алеша продолжает монолог, а я ухожу в собственные мысли. Конечно, Симонов был добрый человек, он помог мне и многим, многим людям. Пусть и без разбора. Но было же и другое:

"Надо — он товарища утопит."

Какая скверная вещь память! Попробую от нее отрешиться.

Помогал. Не жалел для этого золотого времени. Золотого в буквальном смысле — 350 рублей в день. Но доброта его была не вполне бескорыстной. Он хотел, чтобы о его доброте знали все. И поэтому по-купечески шиковал.

Луконин рассказывал:

— Привел он меня, оборванного, после войны, к себе, раскрыл шкаф, где у него висело — ну, я не считал — может быть, тридцать костюмов и предложил: "Выбирай любой!"

Назавтра об этом шушукалась вся литературная Москва.

А вот что рассказал мне поэт Глеб Семенов:

— Это было давно, не помню, в каком году. В Ленинграде гостил Симонов. Мы, молодые тогда ребята, новоиспеченные члены Союза, вчетвером пошли его провожать: я, Сережка Орлов и — забыл — еще кто-то. Подходим к "Стреле", а его нет. За две минуты до отправки видим — идет. Веселый, шуба дорогая, нараспашку.

Здоровается с проводником за руку, называет по имени-отчеству (все честь по чести) и дает ему сторублевку. Нарочно при нас, при щенках, у которых за душой и рубля нет. Ведь мог сунуть потом, наедине. Нет, он напоказ.

Выхожу из мыслей, возвращаюсь к Алеше и с удивлением замечаю, что он говорит на ту же тему:

— Вы будете смеяться, но больше всего я любил бывать с отцом в ресторанах. Как он был красив, как демократичен с официантами — ни малейшей барственности.

Ну, конечно, "вышли мы все из народа", — думаю я. И опять перевожу стрелку:

— Алеша, а кого Константин Михайлович ценил из молодых поэтов?

Мой собеседник неожиданно теряется. Пауза.

— Пожалуй, раннего Евтушенко, — произносит он неуверенно.

И, махнув рукой:

— Впрочем, что это я! Говоря откровенно, отец молодых не знал. У него не было на них времени. Посоветуют — прочтет.

Да кто советовал? — думаю я. — Полевой? Софронов?

И спрашиваю:

— А кого он любил из прозаиков?

Алеша облегченно улыбается:

— Ну, тут все ясно: Льва Николаевича Толстого.

Можно было и не спрашивать. В симоновской прозе Толстой выглядывает из каждого абзаца. Так же, как и у Фадеева.

Боюсь надоесть, но ведь интересно, страшно интересно. И я задаю еще один вопрос из той же серии:

— А что Константин Михайлович больше любил: стихи или прозу?

Алеша не колеблется:

— Безусловно, прозу. Он вообще считал вершиной своего творчества последнее десятилетие.

Ошибка, какая ошибка. Для меня его повести и романы — не литература, а беллетристика. Конечно, добросовестная, не бульварщина, не Пикуль какой-нибудь. А все же — советское рукоделие, работа на заказ. А "С тобой и без тебя" — я помню, как нужен был нам в годы войны этот человеческий голос, этот глоток романтики, пусть даже и оказавшейся в конце концов мыльным пузырем.

Снова перевожу стрелку, на этот раз обратно.

— Как же все-таки со Сталиным?

И Алеша охотно отвечает:

— Он виделся с ним, и наедине тоже. Но он действительно нам ничего не рассказывал.

После разоблачения Сталина отец стал ярым прохрущевцем. Об этом он писал в своем дневнике.

Мы сидим в комнате вдвоем, но Алеша вдруг оглядывается и понижает голос:

— Я знаю, — говорит он почти шепотом, — что за год перед смертью он начал работать над книгой о Сталине.

— Вы видели рукопись?

— Нет. Но я член комиссии по наследию. И я обязательно постараюсь ее найти.

Стемнело. Включаю настольную лампу и сразу перестаю видеть осенний, струящийся за окном дождь.

Между тем Алеша рассказывает, как во время недолгой опалы Симонов уехал в добровольную ссылку в Ташкент и там сделал сильный ход — написал "Живые и мертвые".

Он говорит об отце с огромной нежностью. "Это были лучшие дни моей жизни!" — восклицает он.

А я и слушаю, и не слушаю. Я опять ухожу в себя.

Кто же такой Симонов? Продукт эпохи? Несомненно. Советский поэт? Разумеется. Почему же портрет не влезает в приготовленную для него рамку?

Хотя, в сущности, это понятно. Симонов был увертлив, как ящерица. Он не боялся вытянуться на прокрустовом ложе, где обрубали искренность, человечность и вообще все лишнее. Его не приходилось валить, как других, он ложился сам, но, вставая, всегда обнаруживал удивительную способность к регенерации.

В жизни он знал и взлеты, и падения. И в момент наивысшего взлета он и совершил свой прекрасный подвиг — пробил в журнале "Москва" "Мастера и Маргариту".

Я слышу въедливый шепот:

"Не преувеличивай. Рукописи не горят. Книга нашла бы дорогу и без Симонова."

Ну что ж, может быть, и так. Но когда? Через сколько десятилетий?

Кто знал "Мастера" до этого? Читал Ярмолинский, мелькает черный кот в стихах у Луговского, перелистывали машинописные страницы шесть-семь человек, друзья Елены Сергеевны. А остальные? А весь мир?

Рукописи не горят — это символ. Но иногда они сгорают, как стихи исчезнувшего поэта Ривина.

Какой несчастный по листочку
Его стихи в печурке жег?

Иногда они истлевают в пыли забвения, пропадают, как сгинула лагерная литература.

Да что там говорить! За то, что наше поколение держит в руках бессмертную книгу — низкий поклон Симонову.

Симонов, Симонов... Незадолго до его смерти по телевидению передавали встречу с ним из Останкино.

Я видел много таких вечеров.

Вечер Вознесенского, когда ведущий то и дело объявлял: "В зале случайно находится певица София Ротару. Попросим ее на сцену... В зале случайно оказался композитор Щедрин. Не согласится ли он нам поиграть?"

Видел я и вечер Евтушенко. Выбритый наголо, с унылым лицом скопца, он снял пиджак, работая под Маяковского, и произнес: "Я только что из киностудии. Мы, киноартисты..."

А тут... Стоит у края сцены седой (мы этого не замечаем), пожилой (о нет, мы этого не замечаем) кумир нашей юности Симонов, тот самый Симонов.

Мы простили ему (не надолго — только на время этого вечера) все его прегрешения, и не надо, не надо думать сегодня о плохом.

Он читает:

"Над черным носом нашей субмарины
Взошла Венера — странная звезда..."

И я понимаю: хотя я многие годы не вспоминал эти строки, они жили во мне всегда.

И снова въедливый шепот:

"Не преувеличивай. Стихи Симонова — невысокая поэзия. Они берут чем-то другим. Это не Блок, не Ахматова, не Мандельштам. Такие стихи не переживут века."

Но я уверенно себе отвечаю:

— Ничего. Ты видишь, как их слушают? Они будут жить, пока живет горькая память о войне. А это тоже долго.

И еще я понимаю: если положить на две чаши весов добро и зло, принесенное в мир этим человеком, чаша добра опустится ниже, хотя бы потому, что в ней будет лежать чужая великая книга.

Когда Алеше отдавали урну с прахом, его спросили:

— Будете хоронить на Новодевичьем?

Алеша промолчал. Он боялся, что правительство помешает ему выполнить последнюю отцовскую волю.

Седьмого сентября две машины выехали из Москвы и взяли курс на Могилев.

Входит Лиля:

— Ты совсем замучил нашего гостя.

Но потом сидит рядом. Молчит. Не мешает.

Я не хочу мучить Алешу. Но мне нужно знать. И я спрашиваю:

— А о чем вы думали в ту минуту?

И даже поеживаюсь, потрясенный глубиной ответа:

— Я думал о несхожести человека и его праха.

И тут не выдерживает Лиля:

— Алеша, а на что похож прах отца?

— А на этот пепел, Лиля, — отвечает он. — На пепел наших сигарет, совсем такой же.

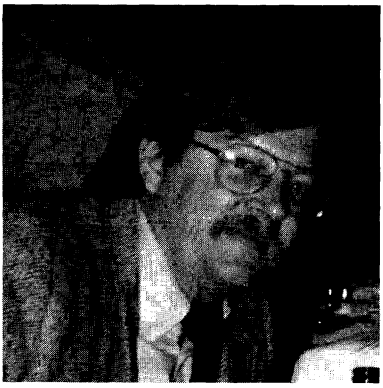
И больше мы его ни о чем не спрашиваем.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Эта фотография заимствована из еженедельника "Новое время" от 14 сентября 1984 г. В статье "люди третьего сорта" журналист Ю.Тавровский с болью и слезой рассказывает о судьбе маленького народа айнов на японском острове Хоккайдо.

Действительно, жаль айнов, о которых Большая Советская Энциклопедия (последнее издание, 23) сообщает, что они — древнейшее племя, населяющее острова Хоккайдо и Сахалин. О тех, кто живет на Хоккайдо, мы теперь узнали. А что же стало с аборигенами Сахалина? По данным переписи 1926 г., на принадлежавшей СССР северной половине острова в то время проживало 1450 айнов (в 1897 г. — 1400 на всем острове). К 1959 г. их осталось 30. По неофициальным данным сегодня на Сахалине живут два айна — глубоких старика. На Хоккайдо айнов немного: чуть более 20 тысяч. Их численность в последние десятилетия, хоть и медленно — на полпроцента в год, — но растет.

Коренные жители Хоккайдо — айну в национальной одежде. С каждым годом их становится все меньше...



КАРЛ ПРОФФЕР

(1938—1984)

Из университетского городка Энн-Арбор пришло известие о кончине профессора Карла Проффера, создателя и главы лучшего современного русского издательства за рубежом. Рождение "Ардиса", его пятнадцатилетняя деятельность были подвигом и подарком русским читателям во всем мире и особенно в СССР. Нужно жить в Советском Союзе, чтобы оценить вклад в отечественную литературу, в русскоязычную культуру вообще, который сделали супруги Карл и Эллендеа Проффер. В зарешеченный советский мир "Ардис" принес луч надежды, духовную пищу и то, что можно назвать подлинной альтернативой подневольной советской литературе.

Рукописи, может быть, и не горят, но, похороненные в ящиках письменных столов, они взывают о помощи и ждут своего часа. С удивительным энтузиазмом Карл Проффер и его жена взялись за восстановление старого и строительство нового здания русской словесности. Там, где тоталитарная цензура сказала "нет", Профферы возразили: "Да". В итоге появилась целая библиотека книг, каждая из которых – событие.

Созданный на собственные средства супругов Проффер, не пользующийся чьей-либо материальной поддержкой "Ардис" выпустил произведения классиков русской литературы и мысли XIX–XX в., много десятилетий остававшиеся недоступными или почти недоступными читателям в СССР: Петра Чаадаева (первое полное издание "Философических писем"), Ивана Киреевского, Льва Шестова, Иннокентия Анненского, Андрея Белого, Михаила Гершензона, Осипа Мандельштама, Николая Гумилева, Анны Ахматовой, Федора Сологуба, Велемира Хлебникова, Владислава Ходасевича, Михаила Кузмина, Бориса Пастернака, Михаила Булгакова, Евгения Замятина, Андрея Платонова, Исаака Бабеля, Михаила Зощенко, Корнея Чуковского. "Ардис" издал произведения выдающихся современных авторов, которым советская цензура и сервильное литературоведение отрезали путь к читателю: Иосифа Бродского, Владимира Войновича, Фазиля Искандера, Андрея Битова, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Василия Аксенова, Чеслава Милоша, Гайто Газданова, Андрея Амальрика, Льва Копелева, Бориса Вахтина, Юрия Кублановского, Саши Соколова. Из рук Проффера мы получили русского Набокова. Не устаешь удивляться этому чуду: небольшая наборная машина в подвале частного дома в маленьком американском городке за полтора десятилетия преобразила наш духовный мир. Как ни громко это звучит, самоотверженный труд Карла Проффера помог оздоровлению нравственной атмосферы в нашей стране. Писатель в России почувствовал себя более независимым, получив возможность быть услышанным вопреки всем запретам.

Проффера больше нет. Эту утрату почувствуют сотни тысяч людей во всем мире и на нашей далекой родине. Книги, ставшие их духовным достоянием, книги, от которых, может быть, зависит будущее земли, – вот настоящий памятник Карлу Профферу.

Подобно тому как республике нужна добродетель, а монархии — честь, деспотическое государство нуждается в страхе; в этом государстве добродетель бесполезна, а честь опасна. Неограниченная власть, которой обладает деспот, всецело переходит к тем, кому он захочет ее доверить. Люди же, способные мыслить самостоятельно, оказываются в положении потенциальных революционеров; вот почему нужно, чтобы страх подавил в людях всякое мужество и уничтожил малейшие проявления чувства собственного достоинства.

Умеренное правительство может, если ему понадобится, без особого риска ослабить бразды правления. Это правительство держится силой закона и собственной силой. При деспотическом же правлении стоит деспоту отпустить вожжи, и все пропало: ибо единственной сдерживающей силой является страх, и коль скоро он исчезает, народ оказывается беспомощным...

В свободной стране очень часто бывает безразлично, хорошо или дурно рассуждают отдельные люди: важно, что люди рассуждают; ибо отсюда происходит свобода, которая предохраняет от дурных последствий этих рассуждений. Напротив, в государстве с деспотическим правлением одинаково опасны и дурные, и хорошие рассуждения; ибо принцип этого правления подрывается уже тем, что люди рассуждают.

Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Брэд де Монтескье,
"О духе законов", III, 9; XIX, 27
(1748 г.)

РАЗГАДКА ТАЙНЫ
ЛЕТАЮЩИХ ТАРЕЛОК —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ